

*Ивану Никульшину —
90 лет!*

Трудная зима

Повесть

1. Бегство почтарки

Зину, вернувшуюся из леса с грибами, Елена Петровна встретила новостью.

— А у нас событие, дочка. Похоже, три двора у нас останутся в зиму, — скорбно сообщила она и руки обречённо себе на колени положила.

С вздохмаченной головой, свесив ноги, она сидела на кровати, и её сухое лицо излучало тревогу.

И Зине стало немного тревожно. Она с напускным безразличием поставила на пол корзину с рыжиками и спокойно произнесла:

— А с чего это три двора-то, мам?

Иван Никольшин. Трудная зима

— Утром был дед Фёдор, — неохотно начала мать. — Он и доложил, что Ольга-почтарка с узбеком Алишером, чинившим ей крышу, от нас сбежала.

Ольга-почтарка — это тётя Оля Петелина, молодая, безмужняя женщина их деревни. И Зина удивилась: как, с чего она сбежала? Куда, зачем?

— Дед Фёдор и про тебя спросил, — принялась объяснять мать. — Я сказала: с Шурой Зацепиной с самой рани в лес за грибами. А он мне и начал рассказывать. Прибежала, говорит, ко мне Ольга Петелина и объявила. Не тоскуйте, мол, тут без меня, граждане хорошие. Оставайтесь в своей нужде и радости, а я с Алишером уезжаю своё счастье искать...

Говоря это, мать болезненно морщилась, потирая припухшие колени, и смотрела куда-то в пустоту окна.

Сухенькая, как весенняя птичка, в простеньком ситцевом халатике, с усталым, исстрадавшимся лицом, она выглядела совсем беспомощно, но то, о чём она говорила, было столь важным для неё, что не было сил остановиться.

И она продолжала, устремив глаза на Зину, стоявшую в дверном кухонном проходе.

— Фёдор Лукич и сам толком не успел ничего расспросить. Ольга уже из сенцев бросила ему, чтобы готовые дрова для бани со двора у неё забрал на всё наше общество... «Забери, — сказала, — пока сухие, а то дожди пойдут, водой набухать начнут. Зима-то, — сказала, — неизвестно, когда ляжет...» Вот ведь какая заботливая, сама сбежала, а думает о нас!

И Елена Петровна неодобрительно усмехнулась.

И опять всё спуталось, смешалось в голове Зины: внезапный тёти-Олин отъезд, её забота о дровах, о предстоящей зиме — всё это теперь близко касается и её теперешней, деревенской жизни, к которой они с подругой Шурой Зацепиной по-настоящему только ещё подступаются. Раньше все хозяйственные заботы на мам ложились, теперь их с Шурой черёд пришёл.

Зина сморщила носик, собираясь что-то сердитое сказать, но, взглянув на мать, передумала, сказала другое:

— Знаешь, мама, наша бывшая школьная физичка Клавдия Даниловна в трудных случаях говорила нам: «У маленьких людей и заботы маленькие. Но когда дело доходит до великого, те же маленькие люди становятся великими». Вот и мы должны стать великими: без тёти Оли проживём!

Иван Никульшин. Трудная зима

— Вот и я про то! — радостно ухватила за её слова мать. — Нам не до жиру, быть бы живу. Есть пособие, есть огородик, ничего, дочка, любую нужду в рога скатаем!

Она поощрительно засмеялась и опять свои мысли на Ольгу-почтальонку направила.

— Это уже второй раз она от нас улетает. Трудное у бабёнки счастье. Трудное и неприкаянное.

Обе понимали, что лукавят, в оптимисток играют, но не хотели признаться в этом, боялись, что расплачутся.

Елена Петровна ждала, что дочь ей скажет что-то утешительное. А Зине нечего было сказать. Она сдёрнула с головы платок, как это делают умудрённые трудностями деревенской жизни старые бабы, и произнесла с напускным спокойствием:

— Всё верно, мама: мы и тремя дворами проживём!

А у самой всё поджилочки дрожали от переживаний, мысли, словно зубья сношенного механизма, цепляясь одна за другую, тащились к следующему звену её молчаливых рассуждений.

Жалко, конечно, считала она, если тётя Оля действительно уехала. У них с Шурой был на неё свой определённый расчёт. Она же самая молодая, самая крепкая из оставшихся женщин деревни. И к ним с Шурой по-доброму, без всякого взрослого зазнайства относилась.

За разговором обе и про грибы забыли. Обеим стало не до грибов. Елена Петровна даже не взглянула на них, как бывало прежде: не оценила их налитой ядрёности; не потрогала ноготком молодой упругости, не поднесла к носу, чтобы втянуть в себя щекочущий дух их свежей млечной горечи. Всё сидела и растеряно вздыхала.

— Вот такая история, — и снова говорила об Ольге, о её несложившейся жизни.

А Зина уже вяло слушала, мысли её перенеслись на подружку Шуру с заболевшей тётей Надей, затем на деда Фёдора Лещёва, а в конечном итоге опять выползли на предстоящую зиму: на то, как они зимовать будут, — три оставшихся жилых двора.

Столько дум уже истолклось об этот камень, но, теперь уже окончательно решила их с Шурой судьба: никуда они не поедут — ни в какой город, ни в этот задуманный ими строительный колледж, чтобы выучиться на маляров.

Как минимум, кинуть им эту зиму возле своих больных родительниц. А дальше — неизвестно, что будет, куда завернёт их с Шурой тропинка. И никто этого не знает. Сейчас на первое

Иван Никольшин. Трудная зима

место встала забота о предстоящей зиме — всё остальное сдвинулось в сторону...

Когда давеча с подружкой говорили об этом в лесу, у Шуры всё ещё была надежда на соседку тётю Олю: мол, она, возможно, согласится зиму присмотреть за её мамой.

Зина где-то в душе даже позавидовала подруге: у Шуры есть добрая соседка тётя Оля, а у них с мамой нет такой соседки. И вообще никого нет.

А теперь получается, и у Шуры — тоже никого нет. Ах, как это в жизни всё не по их с Шурой замыслам решается! А они-то, две глупые дуручки, ещё зимой такие грандиозные проекты себе нарисовали! Будут жить в большом городе, выучатся на маляров, заработают огромные деньги, оденутся по импортной моде, станут особенными, такими же как городская Мальвина, приезжавшая летом в гости к Шумаковым. Обе с Шурой сделают наколки у себя на шее в виде фиолетовых лилий, таких же изящных, как у Мальвинки; вставят по блестящей бисерине в ноздрю, надут себя губы, как рыбы пузыри; станут говорить с небрежным потягом в нос: «А клёво у вас здесь, мажорки, в этой вашей деревенской глухоте!..»

И безумно хохотали сами над собой, представляя всё это наяву.

А теперь вот ничегошеньки этого не будет у них с Шурой. И вообще ничего не будет! Почему они такие несчастные с подружкой? У других отцы, братья, сёстры, бабки, дедки есть, а они, как две осыпавшиеся ёлки, выброшенные на снег после новогодних, отшумевших праздников. Нет у них никого, кроме больных мам, и надеяться им не на что...

Зина испугалась своих горьких суждений и мысленно одёрнула себя: чего это раскапустилась? Впереди дел невпроворот!..

Она решительно сбросила с себя курточку с глухим, плотным воротом для защиты от клещей, кинулась проверять: не набралась ли их в лесу?

Елена Петровна, глядя на сосредоточенное, загорелое лицо дочери, как бы угадывая её мысли, кротко вспомнила:

— Фёдор Лукич велел передать вам с Шурой, чтобы основательней готовились к зиме. Похоже, говорит, трудной будет она в этом году. Ласточки, говорит, рано в дорогу засобирались... Он же у нас, как бабка-угадка, на всё свои отгадки имеет.

Она попробовала улыбнуться. Но улыбки не получилось, вышло какое-то скорбное движение губ.

Иван Никульшин. Трудная зима

— А мы и готовимся, — по-деловому отозвалась Зина. — Ныне, кроме рыжиков, белых рюкзачок набрала. Сейчас пойду во дворе на просушку вывешивать.

Осмотрев курточку, она взялась за грибы: из корзины переложила рыжики в большую эмалированную кастрюлю, залила их свежей колодезной водой и вышла во двор.

Здесь под стареньким обветшавшим навесом вытряхнула грибы из рюкзака, принялась резать их и дольками нанизывать на крепкую суровую бечеву, растянутую между двух столбов.

Всякая работа по дому, привычная с самых ранних лет, обычно быстро увлекала её, а здесь не увлекла и не успокоила. Привязчиво звенела, словно оса над ухом, одна и та же мысль: похоже, на веки вечные они с Шурой застряли в своей Елховке. Зря только планы наводили, мечты строили...

И ей опять до того печально и горько стало, что, покончив с грибами, она сразу же вышла за дворовый пустырь, заросший могучими лопухами, села в них, скрывшись с головой, и, глотая слёзы, стала надсаживать себя думами, какие только и бывают у несчастных людей в самые лютые осенние ночи: «Да что это за напасти на нашу Елховку? Все деревня рассыпалась, разъехалась, разбежалась, как после страшного пожара. Тётя Оля — совсем молодая, а тоже сбежала. А сколько целыми семьями уехала, пока они с Шурой в Ореховской школе учились!»

Ей хотелось не просто заплакать, а громко завывать; она давилась, сдерживала себя и сквозь стиснутые зубы продолжала изливать из себя всю накопившуюся в ней горечь. Думала о себе, а выходило: о своей деревне, о том, что стало с ней.

«Что за проклятье нашло на нашу Елховку? — надрывала себя Зина. — Такой красивой и многолюдной была, а теперь ничего не осталось».

И вспомнилось ей, как какой-то, должно быть, завистливый человек Заблудовкой её прозвал.

О, как это прозвище одно время доставало их с Шурой! Это когда после закрытия местной школы-восьмилетки они с ней на велосипедах в Орехово стали на занятия ездить.

Ореховские мальчишки, увидев их с ранцами за плечами, как угорелые, бежали следом, голося на всю улицу: «Гля, гля, заблудовские приехали! К нам заблудовские приехали!»

Самым обидным было не то, что мелюзга дразнила, а то, что кричал и смеялся над ними с виду вполне приличный, рослый парень, как потом узнала, Игорь Стукалин.

Иван Никольшин. Трудная зима

Вспомнив его, Зина, сглотив неприятную горечь во рту, попыталась улыбнуться: «Вот глупый, нашёл, над чем смеяться!..»

Это теперь можно улыбнуться, а тогда со слезой в голосе излила матери свою досаду. А она в ответ лишь улыбнулась и заметила: «Смешны, дочка, твои расстройства. Глупа ты ещё для серьёзных мыслей. И все твои девичьи слёзы — всё равно что дождик «слепой»; пролетел, прошумел, оросил траву, а через минуту всю мокрую влагу опять к ясному солнцу унесло. Вспомнишь, самой станет смешно».

Матери легко было так говорить, не её же дразнили, потому мальчишечьи дразнилки и были для неё пустяковой, мальчишечьей забавой. А каково им было с Шурой?..

О как они задевали их!.. Особенно этот Игорь бесил. Однажды так её достал, что она ранцем по горбу ему заехала.

Тетради и книжки — всё, что было в ранце, разлетелось по стонам и напугало её: «Сейчас обозлится и с велосипеда столкнёт!..»

А он ничего, вместе с ней кинулся учебники собирать.

И всё равно этот случай сильно расстроил её.

Приехав домой, она бросила ранец на лавку и подступилась к матери с сердитым вопросом: «А с чего это нас заблудовцами обзывают?»

Мать с клюшкой проковыляла к кухонному столу, как-то мелко засмеялась и прежним пустым ответом собралась отмахнуться. «Да с глупости всё нашей. С чего же ещё?» — сказала.

Но на этот раз она не отступилась, настойчиво потребовала доподлинной правды.

Елене Петровне пришлось сесть на кухонную лавку и обстоятельно рассказать, как и с чего всё завязалось.

В пересказе матери, оно и правда, с глупого случая всё вышло. Когда-то в честь Троицы местный пастух общественного коровьего стада наклюкался до звёздного звона в глазах и уснул прямо на пастьбе в лугах.

Умные коровы в урочный час одни пришли домой. Пастух же проснулся лишь под утро и не поймёт, где он и что с ним.

Стал бродить по кругу, жену звать: «Паша, ау! Где ты?!»

А когда окончательно продрал глаза да по-настоящему очухался, по высоко поднявшемуся солнышку понял, что ему с коровьим стадом давно на пастбище надо быть.

Испугавшись неминуемой бабьей взбучки, он украдкой пробрался домой и вместо себя на выпас стада проводил дочку-подростка.

Иван Никольшин. Трудная зима

Встреча с разгневанными хозяйками коров и девочке ничего хорошего не сулила, но и отца невозможно было послушаться, она заревела и пошла исполнять родительскую волю.

Ожидающие бабы, увидев вместо своего пастуха его дочку в слезах, быстро отмякли и шума не стали поднимать. Только и спросили: «А где же, дочка, сам родитель твой?» И девочка ответила, заливаясь слезами: «А он в лугах заблудился».

Бабы рассмеялись над столь причудливым ответом и, успокоенные, разошлись по домам.

Но слух о том, что елховский коровий пастух у них в лугах заблудился, теми же днями и разлетелся по окрестным деревням. С того Елховку в насмешку и стали Заблудовкой звать.

— Народ у нас на выдумки горазд, луну заставит под балалайку плясать. А тут такое дело, сам пастух у себя в лугах заблудился! Как не похохотать?..

Зине тогда в голову впала совсем другая мысль: она решила, что даже самая ничтожная глупость не остаётся без каких-то своих последствий. Вот и здесь не осталась: пустеть стала их деревенька после случая с пастухом. А скоро и с географической карты совсем на нет сойдёт.

Поделилась с матерью этой своей мыслью.

Елена Петровна засмеялась. «Нет, дочь, — сказала она, — похоже, ты у меня ещё мала для столь непростых рассуждений. В случае с нашей деревней ни пьяный пастух, ни чья-то глумливая выдумка с прозвищем виноваты. Просто время, похоже, такое подоспело, оно и проехало по нам своим разорительным колесом...»

Зина не стала допытываться, при чём здесь время. Мать знает, о чём говорит, — сама пережила это время...

А с Игорем Стукалиным после случая с ранцем они подружались: с тех пор он всякую перемену стал ловить её в большом школьном коридоре, чтобы лишний раз поболтать...

Ей стало легче от этой мысли, она вылезла из лопухов, вскинула заплаканные глаза на клонящееся к закату солнышко и вернулась во двор к кадушке с водой. Здесь тщательно умылась, чтобы не показать матери слёз своих.

Освежившись, высоко подняла голову, оправила на себе юбку, отряхнула от прилипших сухих былинки, и мысли её скакнули на подружку Шуру: вспомнила, как часа два тому назад в лесу они горевали с ней. Присели на два старых пенёчка и всё своё теперешнее положение, словно речной песок через частое сито, в разговоре просеяли.

Иван Никольшин. Трудная зима

Обе твёрдо решили: пусть у них и не сходится ничего из задуманных ими мечтаний, но родительниц своих они ни при каких обстоятельствах не оставят. Даже если социальных работников для obsługi их матерям назначат, и тогда всё равно не оставят!

Вот такое решение приняли своей неперменной волей.

Шура тоже сказала: пусть им самим будет худо, но они сейчас же должны дать себе слово, что отныне оставляют свои мысли о городе. И все заботы направляют исключительно на здоровье матерей. Никаких послаблений себе!..

С такой решительной мыслью Зина и вошла со двора в избу.

Мать всё так же сидела на кровати. И, разумеется, ждала её, потому сразу же и спросила, подозрительно поглядывая на Зинино порозовевшее лицо:

— Ты чего-то, дочка, долго с грибами возилась?..

— Да я руки у кадушки от них отмывала, — как можно спокойнее ответила Зина.

Но разве материнское сердце обманешь? По лицу, по нахмуренным бровям дочери видно же, что расстроена.

И в голове Елены Петровны потекли мысли всё о ней, о своей единственной доченьке, дорогой кровиночке: «И не заметила, как поднялась. Самое время дальше развиваться; профессию получать, на будущую семью замахиваться, жениха присматривать. А тут кого приглядишь, присмотришь? Деда Фёдора с протезом? Ольга, вон, в возрасте бабёнка, житейским неудачами обстрогана, обточена, и она не выдержала нашей глухомани. А тут малая девка на возрастании. Как, чем помочь?..»

И колотилось сердце Елены Петровны, словно птица, крепко схваченная силками. И думки, одна отчаянней другой, мелькали в голове: «Чего мучаю себя и её? Не покончить ли разом?.. Развязать руки себе и ей...»

Сколько подобных гнилых дум переворочено страшными бессонными ночами! И всякий раз наступала такая минута, когда будто кипятком ошпаривало. Пугалась и себя, и своего отчаяния: «О чём это я, шальная баба?.. На какой позор собираюсь выставить слабость свою и весь род свой Мурашкинский?.. Как потом Зина всё это переживёт?.. На кого оставлю её?.. Она же ребёнок ещё, в свой зрелый ум не вошла».

И холодела душа. И всякий раз гнала от себя негодную мысль, чёрной змеей вползающую в душу...

Сегодня, пока дочь со своей подружкой Шурой Зацепиной были в лесу, тоже много разных дум передумала, и остановилась

Иван Никольшин. Трудная зима

на самой верной для себя: надо как-то самой из своих немочей выползть, самой выкарабкаться, не оплетать ими дочкину судьбу, не закабалить её молодые лета.

Об этом и собралась сказать Зине, сидела и думала: с чего начать, как выложить, что в материнском сердце накипело?

И надумала: «Ты прости меня, дочка, — с мучительным усилием начала она, — о тебе все мои заботы и мысли. Так и эдак изворачиваюсь, а выходит всё одинаково».

Она так волновалась, что даже пальцы её сухих рук легонько дрожали: «Доколе, милая, возле меня тебе ещё страдать и томиться? Разве я не понимаю: лучшие годы твоего развития своей хворобой заедаю! Камень мне на грудь ляжет, камень сырой и тяжкий, если из-за меня твоя судьба не устроится...»

Елена Петровна шумно вздохнула и, боясь, что дочь остановит её, тотчас продолжила: «И вот что, сидя здесь, я надумала, доченька моя милая: давай-ка отправлю тебя в город к тётке Дуне. Сама-то я тут как-нибудь одна обойдусь, а ты поезжай... Ты не гляди, что тётка Дуня медлительна, как черепаха. Это она только с виду такая, а умом-то очень даже расторопна. Ей палец в рот не клади, она в городе всему насобачилась: быстро сообразит, куда и как определить тебя. Может, сразу работать устроит или в учёбу куда воткнёт».

«Ежели — в учёбу, то хорошо бы, дочка, чтоб со стипендией было, — без остановки, торопясь, со слезами на глазах говорила она. — Мне ведь нечем будет помочь тебе. Моё пособие, сама знаешь, пшик один. Век работала, а ничего не заработала, лишь себя изувечила... Вот останусь без тебя, социальной работнице надо будет из пособия приплачивать. За так из Орехова ей тоже не с руки за семь вёрст пустого кулеша хлебать. У неё ведь тоже своя нужда — семья, дети. Так что нам с тобой, дочка, самим как-то надо из положения выползть. Надеяться не на кого, рассчитывать не на что. Миллионов мы с твоим покойным отцом не сумели хапнуть. Приходится из гнилых постромок как-то выпутываться. Вот так, милая доченька, я ныне думаю, вот таков мой материнский сказ».

Зина молча слушала, уставив на Елену Петровну глаза. Затем так же, молча, присела к ней на краешек кровати, обняла за плечи, прижалась щекой и твёрдо произнесла: «Нет, мамочка, неправильно ты надумала. Я тоже за себя всё решила: с тобой останусь до конца, не оставлю тебя. Ты помнишь, когда обезножила, что тебе люди советовали?... «Отправила бы, Лена, на время девку в

Иван Никольшин. Трудная зима

приют!» А ты что сказала? «Буду тянуться, насколько жил хватит, а от себя не оторву!» Вот и я не оторву, буду тянуться, мама!.. Мы с Шурой всё обговорили, она тоже остаётся возле своей матери. Вот и будем за вами ухаживать, пока не поправитесь».

Елена Петровна крепко стиснула зубы, зажмурилась, уткнулась лицом Зине в плечо и затряслась от плача. И Зина, своей головой приникнув к голове матери, тоже потихоньку заплакала. Так, успокаиваясь, и сидели они, как две притихшие лесные голубицы, пока Зина не зашевелилась, не напонила, что пора лечебными упражнениями заниматься, как советовала ореховская врачиха Софья Леонидовна.

Она поднялась во весь рост, встала к матери спиной и решительно произнесла: «Цепляйся крепче за меня, мама. Обхватывай за плечи и висни, касаясь ногами пола. Я буду шагать, а ты перебирай ими, как при заправской ходьбе: сначала — одной, затем — другой».

Елена Петровна вздохнула, робко пристроилась к дочери и повисла у неё за спиной.

— Смелее, смелее, мама! Не бойся, я удержу: я — сильная. На уроках физкультуры штангой занималась.

Елена Петровна стиснула зубы и, едва касаясь пола, принялась двигать ступнями ног.

Боясь сорваться, она до мурашек в спине замирала и ещё крепче вцеплялась в дочерины плечи.

Зина вместе с матерью прошла от большого овального зеркала у передней стены избы до порога кухни, потом опять до зеркала. Напрягаясь, приговаривала:

— Вот так и будем гулять с тобой, мама, развивать твои ослабевшие мышцы. Сама же говоришь, что упорство и труд всё перетрут. Погоди, ещё как своими ножками побежишь весной по зелёной травке!

— Не знаю, доченька, я уже утомилась. И ты, небось, умучилась...

— Это без привычки, мама. Вот втянемся — и всё наладится...

С этими словами Зина поднесла родительницу к её кровати. Елена Петровна осторожно сползла на постель, прижала к груди руки и шумно задышала. И Зина тяжело дышала.

— Ну, вот почин сделан, а ты боялась, — обмахивая платочком раздумавшееся личико, проговорила Зина, присаживаясь к матери. Елена Петровна не сдержалась и опять растроганно всхлинула:

Иван Никульшин. Трудная зима

— И с чего, доченька, мы такие несчастные с тобой? И отца нашего рано болезнь в землю свела, и сама я с ногами никуда негодной стала. А всё с этих несчастных теляток, с этой собаки, будь она проклята!..

Зине и объяснять ничего не надо: всё на лице матери отпечатано — все её радости и страдания. Болезнь, извечная, крестьянская работа на ветру, на солнце, морозе до времени пригнули некогда статную фигуру, притупили краски первородной женской красоты.

Когда, с чего завязалась материна болезнь, тоже давно известно. Сама Зина того пролетевшего времени, разумеется, знать не могла — от матери да от односельчан узнала: дурная охотничья собака да глупые телята всему виной.

Был у них когда-то в Елховке колхоз «Серп и молот». Были свои поля, скот, закрома с хлебом, но люди, как теперь понимает Зина, по своему деревенскому простодушию сами всё это извели: общее имущество на паи раскрошили, потом по частям и промотали.

Не стало колхоза, дел никаких не стало, народ и разлетелся кто куда.

Мать сказала, что колхозное коровье поголовье какая-то финансовая фирма (они тогда плодились, как мухоморы в грибной год) под подсобное хозяйство себе взяла. Кормов заготовить в лето поленились, в зиму коровок кормить нечем стало, всю молочную ферму и пустили под нож.

Из всего крупного рогатого поголовья оставила лишь теляток на мясной откорм. Стали среди деревенского люда человека искать для ухода за молодняком, тут и подвернулась Зинина мама.

Она после школы-восьмилетки сразу ушла в животноводы, выучилась на техника искусственного осеменения и до последнего работала по специальности от районной ветеринарной станции. А когда колхозов не стало, то и районная станция приказала долго жить — осеменять некого. И мать осталась совсем без дела. А тут готовое предложение, она и взялась ухаживать за телячьей молодью. Зарплату положили вполне разумную, чего отказываться?

Дело к зиме шло, осень в окна задула; дожди стали перепадать, вода в озёрах остыла. А на солнечных припёках всё ещё отава в зелень шла.

И вот как-то в один из тех осенних дней выпало матери теляток на луговине вдоль болота пасти. И надо было случиться

Иван Никольшин. Трудная зима

такому: в тот день городские охотники приехали на Берёзовое озеро поразвлечься, охотой себя потешить, перелётную дичь пострелять. А с ними была собака величиной с доброго телка.

Она хотя и большая, но норовом, должно быть, немалая дура: выскочила из леса и напрямик на материных теляток кинулась.

Они такую страшную зверину с рожденья не видели, в страхе бросились в болото спасаться.

Мать тоже испугалась и тоже за ними полезла в болото. Как была в литых резиновых галошах, так и ухнула с ними по колено в воду.

А собака носится по берегу, скалит клыки, рычит, никого из болота не выпускает.

С полчаса, наверное, носилась вдоль берега, мать с телятами в воде держала. Они сбилось в кучу, их, мокрых, трясёт от холода, и мать вместе с ними коченеет.

Ну, наконец-то какой-то человек с ружьём, должно быть, хозяин, хватился своей псины, выглянул из березняка, свистнул ей, и она улетела.

Мать принялась выпроваживать теляток на сухое, а они до того напуганы, что стоят стеной, жмутся один к одному, выходить не желают.

Где уговорами, где хворостиной, нет-нет да и выпроводила их на луговину. Погнала на ферму.

Пока, мокрая, тешилась с ними, простудила ноги, саму проняло до костей.

С того и начались её мучения с ногами. Вначале терпимо было, на своих двоих ковыляла. Потом с клюшкой стала ходить. А тут и хоть в гроб ложись, шагнуть не может: костыли держать перестали.

Начали они к новой жизни прилаживаться. Вытащили из кладовки Зинину детскую коляску с высокой, дугообразной ручкой. За неё мать и стала держаться, шмыгая по избе. А ноги совсем ослабли, ходить разучились. Да и боли стали мучительней.

Была у них с Зиной мечта о фабричной кресле-коляске на лёгком ходу, но денег на неё нет. А бесплатно года два, сказали, надо ждать. За эти два года, ой, сколько воды утечёт!..

Вот и крутятся они, лечатся, как умеют, исполняя наставления ореховкой врачихи Софьи Леонидовны. Она в очередной свой приезд по льготной программе выписала столько медицинских препаратов, что Зине пришлось отдельную тетрадь завести, чтобы не напутать, когда и что принимать.

Иван Никольшин. Трудная зима

А ещё врачиха велела налегать на физические упражнения и порекомендовала ежедневный тренинг по укреплению мышечной системы. За него и ухватились они с матерью, решив: кашу маслом не испортишь, а время покажет, что из этого выйдет. Важно руки не опускать, духом не падать, как повелела Софья Леонидовна.

Они и не падают, но и от переживаний никуда не деться. Иной раз Зине так взгрустнётся, что всплакнуть хочется, но на людях она нюней не распускает, сама себя держит в крепком кулаке. Даже Шура, самой близкой подруге, слабости своей не показывает.

Шура — иное дело: она хлипкая, бывает, из-за ничего расквасится. Вот и давеча было в лесу. Остановились с ней возле светленького зеркальца родниковой воды, выбегающей из-под корней огромного осокоря. Шура засмотрелась на своё отражение и вдруг дёрнула носиком, скривила губки, зареветь готова.

Зина удивилась, кинулась к ней:

— Ты чего это, подруга?

— Боюсь, мамка умрёт...

— Э-э, нет, Шурочка, этого не надо! С такими мыслями в лес не ходят...

Обняла за плечи, крепко стиснула руками, прижала к себе и сказала: «Не кисни, Шурочка. Мы с тобой сильнее наших обстоятельств. Посмотри на своё отражение, какая ты есть у нас красавица! Ты же румяньенькая, пухленькая, как сдобная городская булочка. Так и съела бы тебя!..»

И поцеловала в щёчку...

Шура вывернулась из объятий, согнулась и давай хохотать над собой и этой «сдобной булочкой». И тоже полезла обниматься с просиявшим лицом.

Эх, куда друг без дружки, без милой подружки!..

Мать, наверное, не зря говорит, что они с Шурой на глазах меняются, входят в пору своего девичьего созревания. А это, по словам матери, ответственная пора, и они должны чувствовать её как оперившейся птенец чувствует время своего вылета из гнезда.

Зина не знает, что она чувствует и что понимает, но ни себе, ни Шура расслабиться не даёт. Вот и давеча в лесу почти с торжественной шутливостью сказала подруге: «Погоди, Шурочка, как только поставим на ноги своих родительниц, выучимся на маляров, заработаем деньги, накупим с тобой самых модных штучек, украсимся, как телевизионные звёзды. Приедем на тан-

Иван Никольшин. Трудная зима

цы в Орехово, бывшие наши одноклассницы, как увидят нас, таких офигенных, так и зарыдают от зависти».

Шура зачерпнула горстку воды из родника, выпила, протёрла мокрыми ладошками глаза и решительно произнесла: «Да будет так, подруга! А теперь пошли грибы собирать...»

Зина улыбулась этой их лесной сценке и снова мыслями вернулись к матери: к тому, как она после телят ухаживала за гусями; подёнщицей работала у китайцев на выращивании огурцов; и ещё прошла много великих забот, нужд и горестей, растя её, свою милую доченьку.

И такая щемящая нежность колыхнулась в груди Зины, что захотелось обнять свою родную мамочку и никогда не расставаться с ней.

Сидело в ней такое чувство: думая о матери, Зина и всё её близкое окружение принимала как единый, неразрывный житейских круг. Ведь все материны подруги были людьми одной судьбы и выглядели даже как бы одинаково, словно цветы одного и того же родного луга. И мыслили они одинаково. Сойдутся вместе, все близкие со школьных лет; разговорятся, кто чего хлебнул в жизни, кто какие страсти пережил; разволнуются, расшумятся, словно малолетки на большой школьной перемене, — перестройку страны недобрым словом начинают поминать. Не дай бог, говорят, жить в дни реформ и больших перемен. Горбачёв у них, конечно, во всём виноват: его-де на развал большой страны сам враг рода человеческого поставил. А поскольку он зачинщик всех бед, ему и первый кнут от них!..

Зине даже чудно видеть, как горячится её мать. Порой на крик перейдёт, и тогда крылышки её тонкого носа начинают рожоветь и трепетать от возбуждения.

«Целую страну просрал! — кричит она. — Со своими заединщиками по брёвнышку пустил её в раскат. А как собрать, мозгов на то не хватило. Сколько людских судеб, как сухую тростинку, переломил!..»

И с большого государственного размаха для наглядности обязательно на что-то своё личное перейдёт.

— Мы со своим покойным Степаном, — вспомнит, — прежде, чем надумали дом переставлять, для начала стройматериалами запаслись. А тут ни коня, ни воза — сразу целую страну взялись перестраивать».

Зина во «взрослые» разговоры никогда не лезла: не для её ушей они. Это теперь, когда на неё легла большая часть преж-

Иван Никольшин. Трудная зима

них материнских забот по хозяйству, она как будто бы сразу повзрослела, многие вещи по-другому стала понимать.

Хотя и прежде порой что-то живое, жизненно важное залетало ей в голову, особенно после того, как у них в Елховке школу-восьмилетку закрыли и они с Шурой вынуждены были на занятия в ореховскую среднюю школу ездить. Тут уж сама дорога стала как бы живой подсказкой — вся жизнь в новых цветах и красках им с Шурой начала представлять.

По теплу на велосипедах ездили: час — туда, час — домой обратно. А с приходом холодов на попутной машине-хлебовозке их стали возить.

Шура Зацепина с самых ранних лет для неё — самая близкая подруга. А совместная езда в школу, особенно болезнь родителей, переживания за них, мечты о городе — и вовсе оплели их заботами одной судьбы. Они как бы и сами ещё нужнее стали в своих отношениях. Иной раз и дня не пройдёт без того, чтобы не увидеться. Да что там дня, порой и часа не бывает без того, чтобы Зина не вспомнила свою подругу.

Вот и сейчас после новостей и разговоров с матерью она сразу же и хватилась: а как там Шура? Как они с тётёй Надей отъезд своей соседки восприняли? Наверное, сидят обе и переживают, не зная, как тётёи-Олин поступок оценить?..

Ей и самой всё это непонятно, и она сказала матери:

— Ты, мама, отдыхай тут, а я к Зацепиным сбегая. Узнаю, как они там.

— Господи! — удивилась Елена Петровна. — А по мобильнику нельзя брякнуть?..

Но, взглянув на дочь, сразу осеклась и произнесла покорным тоном:

— Что ж, сбегай, коли желание есть, развейся, а мне телевизор включи, — и вздохнула. — Слава богу, хоть этот ящик выручает. Не то от тоски взвыла бы...

Зина не стала дальше слушать, знала, что ещё мать скажет; щёлкнула выключателем, сунула пульт ей в руки, повернулась и хлопнула дверью.

2. Зацепины и другие

Зацепины, как и все в Елховке, жили простой деревенской жизнью.

Обид никому не чинили, с соседями не бранились, и их никто не задевал.

Иван Никольшин. Трудная зима

Был, правда, один случай, настолько давний и ничтожный, что только и помнился благодаря общей сельской тиши и глади.

Тогда в один из широких масленичных дней подростки созоровали: проявив ребячье ухарство, гуся унесли со двора Зацепиных; зажарили его средь заснеженной луговины и, дурачась, весь вечер прыгали вокруг костра, изображая дикарей, справляющих ритуальное пиршество.

Дядя Паша Зацепин, тогда ещё совсем молодой, горячий, хотел зачинщикам этого озорства шею «намылить», но тётя Надя запретила, сказав: «Сам таким острожником рос!»

На том всё и успокоилось.

Зине эту историю мать рассказала. Они с тётей Надей когда-то восьмилетку вместе кончали. Зинина мама тогда после школы сразу на колхозную ферму пошла, в комсомольскую бригаду, чтобы потом курсы техников искусственного осеменения пройти. А тётя Надя в Ореховскую среднюю школу за полным средним образованием отправилась.

Училась она хорошо. Когда аттестат получила, её родной дядя Иван Тимофеевич, тогда служащий сельпо, посоветовал племяннице областные курсы сельских кооператоров пройти.

Тётя Надя так и сделала. Курсы прошла очень успешно, и правление райпотребсоюза поставило её заведовать придорожной сельской чайной в том же Орехово.

Кооперативная работа быстро закружила тётю Надю, дела у неё шли в гору, и сельские пайщики на своём очередном отчётном собрании избрали её председателем правления целого кустового сельпо.

Здесь и вовсе ей дыхнуть некогда стало: организационные хлопоты, как сама потом признавалась, совещания, семинары, производственные отчёты, выбивание дефицита для торговых точек своего куста — за всей этой сельповской работой она и про своё замужество забыла.

Иные её сверстницы к той поре уже ребятишками обзавелись, а она в невестах застряла.

Так, наверное, и засохла бы в образе старой девы, но пришёл из армии юный морячок, отчаянный удалец, уличный весельчак и забияка Паша Зацепин, про которого в деревне говорили, что он хороший парень, только слегка бесшабашный. Работать поступил он в сельпо шофёром-экспедитором на грузовую машину.

Вот этот «слегка бесшабашный» и окрутил Надежду Захаровну на зависть юным молодницам, удивившимся, что у них, таких

Иван Никульшин. Трудная зима

отчаянных и ярких, старая дева такого бравого молодца из-под носа увела.

«А чего тут дивного? — обычно говорила на это Зинина мать. — Он, конечно, был парень-ухарь, многим головы кружил, но и Надя не гнилыми нитками была шита: знала, с какого берега зайти, быстро уняла в нём его молодецкое шалопайство.

По-другому и быть не могло. Совместная работа, общий интерес, бесконечные поездки за товаром — всё это и соединило их сердца».

«Всё у нас кирпичик к кирпичику складывалось, — это уж как-то в своём кругу сама тётя Надя признавалась. — Только вот на нашу голову другое время выпало. Пришло само раздолье для людей, умеющих рыбку ловить в мутной воде. Они и стали хватать её косяками. А те, что помельче, кинулись менять шило на мыло, гребёнку на расчёску, курицу на петуха», — говорила уже с горьким смехом.

Тогда-то, как поняла Зина, и саму кооперацию, тётя Надино кустовое сельпо, словно мороженое в жаркий день, живёхонько умелые руки расхватили. И остались они с дядей Пашей не при деле.

А у них к этому времени уже Шура появилась, надо было что-то для жизни искать. И тётя Надя, оставив малышку на попечении молодой соседки-кормилицы, в компании знакомых «челночниц» слетала в Турцию за дешёвым ширпотребом.

Дядя Паша тоже не ловил мух: для себя дело искал и вскоре влился в компанию по перегону подержанных иномарок из Германии. Один раз удачно сгонял, другой, а в третий — плохо кончилось. Машину у него бандиты отобрали, самого среди ночной дороги выкинули.

Добрался он до ближней автозаправки с намерением в милицию обратиться, но бензиновый хозяин отсоветовал. «Дохлое дело, брат, — сказал он, — лишь время убьёшь. Здесь же все одной верёвочкой повязаны. Радуйся, что жив остался, бери ноги в руки и дуй домой».

Он так и сделал. До дома земляк довёз, тоже перегонщик.

Неудача не сломила дядю Пашу. Стали они с тётей Надей думать, как дальше им быть...

Тогда многие на Москве помешались: только и разговоров было, что в деньгах-де купается столица. Оно, наверное, и было — с чего «купаться». Появились сырьевые бароны: всю грязь и отходы производства они провинции оставляли на ме-

Иван Никольшин. Трудная зима

стах, а дорожные офисы в столице открывали, налоги и прибыль там же оставляли.

С того-де и расцвела она, златоглавая, — в безумной роскоши живёт, мраморные уличные бордюры на золотые меняет...

Зина, когда ныне слышит подобные разговоры, ей тоже ради справедливости хочется своё слово вставить. А что вы, мол, хотите, чтобы столица нищенкой была, в лаптях ходила? Успокойтесь, никогда этого не было и не будет. Солнце не ходит вспять...

Но расшумевшимся бабам разве что докажешь? Тебя же сразу и оборвут на первых твоих словах: мала ещё, скажут, влезать в наши взрослые разговоры. «Сначала сопли подотри да иди, вон, уроки учи!..»

Как будто они с Шурой совсем неучи, как будто ничего не понимают. Будто учебник истории не проходили, литературных героев в школьных спектаклях не играли. Да и сами не в тёмных дебрях живут — тоже глаза не зашиты: видят кое-что. И понимают, что под завистливые разговоры о «бешеных» деньгах Москвы и кинулся народ в неё на заработки.

Их с Шурой вроде бы ещё в детских колясках возили, когда Павел Сергеевич собрался в Москву.

У них с тётёй Надей от кооперативного пая оставались кое-какие сбережения на чёрный день. Павел Сергеевич из них только на проезд да на еду себе взял, остальное всё семье оставил.

Уехал и будто в тёмную речку нырнул. В то время ещё не была теперешняя, мобильная связь, и тётя Надя истерзалась, не зная, где он и что с ним.

Месяца через два тётя Оля-почтариха письмо от дяди Паши принесла, он написал: всё-де наладилось у него в столице, к какой-то значительной конторе дворником прилепился. Два участка взял на облуживание, оплата тоже двойная; комнатку дали для временного проживания.

Тогда же и первые заработанные деньги прислал, потом каждый месяц слал и вдруг пропал. И пропал надолго. Только через полгода дал о себе знать, теперь из Забайкалья, и деньги прислал на проживание.

Следующий перевод уже с Чукотки был, потом — из центра Сибири.

И так каждый раз стало: из какого-то нового места выныривал.

А теперь давно уже не выныривает, совсем забыл и Елховку, и тётю Надю с дочерью Шурой, успевшей без него почти в целую невесту вырасти.

Иван Никольшин. Трудная зима

Где он, что с ним — ничего не сообщает. Догадливая тётя Оля Петелина своё предположение высказала: не иначе, говорит, как дальнбойщиком фуры гоняет в «глубине сибирских руд». И шмара у него, похоже, молодая, тоже, должно быть, из дальнбойщиц.

Тётю Олю только слушай: три короба наговорит. Тоже куда-то уезжала, с полгода пропадала, назад вернулась. Куда уезжала, не рассказывает...

Вот она и посоветовала тёте Наде в розыск на дядю Пашу подать. А тётя Надя этого не хочет. «Разыскивают, — говорит, — лишь беглых преступников. А Павел мой — законный муж мне. За ним грехов не знаю. Надумает, сам приедет».

К ней в прошлую весну вдовый техник из лесхоза сватался. «Сколько, говорит, тебе можно ждать своего забудыжного?» А тётя Надя в ответ: «Не ваше дело. Сколько надо, столько и буду ждать...»

И отказала жениху.

Вот ведь какая верность! Они с Шурой, две молодые дурочки, просмеялись над этим. Прямо совсем-де как у Пушкина: «Ему я в жены отдана и буду век ему верна...»

Когда тётю Надю insult тронул, обе и покаялись: «Вот недотёпы, нашли, над чем смеяться. Над женской верностью».

А тут ещё Шура призналась, что мать виду не показывает, а сама сильно переживает. Иной раз в подушку украдкой плачет.

Эти тётя-Надины переживания и без Шуриных объяснений видны. И врачаха Софья Леонидовна о них же говорит, что от душевного беспокойства Надежды Захаровны болезнь.

Софья Леонидовна и ободрила их с Шурой, уверив, что по своим физическим данным Надежда Захаровна — очень сильная женщина и должна поправиться.

«Это хорошо: есть на что надеяться», — вздохнула Зина, размашисто шагая по набитой за лето дорожке вдоль порушенных деревенских усадеб.

Споткнувшись о земляную кочку, она как бы сотрясла свою задумчивость и удивилась: «Эх ты, до Шуры ещё не дотопала, а уже столько мыслей себе в уме наговорила!..»

Усадьба Зацепиных метрах в трёхстах, за уличным общественным колодцем расположена, вслед за домом старика Фёдора Лукича Лещёва. Особо она нечем не отличается от прочих бывших хозяйских дворов и построек, кроме разве лещёвского двора, обнесённого плотным, потемневшим от времени тёсом, с крепкой калиткой и дубовыми чанными воротами.

Иван Никольшин. Трудная зима

Три тенистые берёзы украшают палисадник просторного срубового дома Лещёвых.

Зина знает: всё это творения рук покойного Луки Прохоровича, бывшего первостатейного на всю округу столяра и бондаря. «Вот был человек — всем труженикам первый труженик!» — вспоминают о нём знавшие его люди.

Бочки, кадки, ушаты, лагуны, жбаны под квас в жаркую страдную пору, квашни для домашних хлебов, шайки, банные чаны — всё это в окрестных деревнях Лукой Прохоровичем сколочено и сбито.

Парные конские фургоны для возки зерна в годы колхозной жизни — тоже творения его рук.

Когда он умер, сказывали сельские сторожили, проводить на кладбищенский вечный покой Луку Прохоровича народу со всех ближних деревень пришло во множестве.

«Вот какие знаменитые люди жили когда-то в Елховке!» — подумала Зина, проходя мимо дома Лещёвых.

Услышав бряканье полений во дворе, она удивлённо приостановилась: «Неужто дед Фёдор завещанные тётей Олей банные дрова успел к себе во двор свезти? Вот беспокойный старик! Мог бы их с Шурой кликнуть...»

«Ну и пусть!» — из упрямства подосадовала она и зашагала ещё проворнее.

Ей не терпелось поделиться с Шурой своими новыми мыслями да узнать, как они с тётей Надей отъезд почтальонки переживают...

Когда вошла в дом Зацепных да всё узнала, получилось — никак. Обе хозяйки глаза на неё вытаращили: «Как уехала? Куда уехала? Впервые слышим».

Оказывается, соседка у них не была и ни про какой свой отъезд им не докладывалась.

Это было и для Зины удивительно. Стали вслух думать да гадать: с чего такой бойкот им объявлен? На что обиделась?

Никаких вразумительных объяснений не нашлось, и Зина высказала своё предположение: просто тётя Оля не захотела тётю Надю своим отъездом волновать и расстраивать.

Похоже, так оно и было. Тётя Оля — очень близкий Зацепным человек. Когда тётю Надю увезли в районную больницу, все заботы о Шуре, о их домашнем хозяйстве она по-соседски сразу же приняла на себя.

И после больницы каждое утро прибегала узнать: нет ли в ней какой нужды, не нужна ли её какая помощь?..

Иван Никольшин. Трудная зима

Стали вместе с Зиной горевать: жалко терять такого душевного человека.

— До боли в груди жалко! — со своей постели слабым голосом вздыхала тётя Надя и устремляла глаза в потолок.

Зина с Шурой виновато молчали. А тётя Надя, морщась и хлюпя носом, продолжила совсем тихо, объясняя, как будто самой себе:

— Я её понимаю, я её понимаю — молодая... Молодой трудно даётся одиночество... к Павлу хорошо относилась, — вспомнила. — Нам с Шурой будет её не хватать. И дом её в сиротском одиночестве оставлен, тоже, как привидение, будет напоминать о ней...

Больная глубоко вздохнула, легонько простонав, закрыла глаза и проговорила с усилием:

— Господи, и без того на душе черно, а теперь ещё это переживание... Каково ей самой-то сейчас?.. Куда понесло?.. Из самых высоких темниц, говорят, люди сбегают, а от самой себя ещё никому не удалось сбежать.

И тётя Надя, повернув голову на высокой подушке, здоровой рукой тронула свою худую шею.

Её шевеление заставило вскочить Шуру. Громыхнув стулом, она подлетела к постели матери.

— Что, мам, рука онемела? Давай для согрева тёплым феном по ней пройдуся...

И кинулась к шкафу с лекарствами.

Пока Шура хлопотала возле родительницы, Зина, взглянув на ходики, поднялась со стула, но как только больная заговорила, остановилась и опять села на место.

— Да, милые деточки, не на кого вам надеяться, — вздыхала тётя Надя. — Живые думают о живом. Придётся все общие заботы на себя переключивать.

«Да разве мы этого не знаем? — думала Зина. — Конечно, придётся».

Про тётю-Надину болезнь ей известно не меньше, чем про болезнь своей матери. У тётю Нади правая сторона онемела, рука и нога перестали слушаться.

С месяц назад «скорая помощь» увезла её в районную больницу, там подержали, сколько могли: провели процедуры, какие положено, — вроде бы облегчение наступило, с тем и выписали на домашнее лечение.

Краем уха Зина слышала, что тётя Надя сама напросилась на выписку, о Шуре у неё изболелась душа: как там её доченька,

Иван Никольшин. Трудная зима

одинёшенька, справляется? А Шура совсем не одинёшенька: тётя Оля Петелина постоянно была рядом. А теперь Софья Леонидова из Орехово каждую неделю приезжает.

Стоит Зине подумать о Софье Леонидовне, как к ней приходит удивление мудростью этой старомодной старушки. Удивляют её кипенно-белые, с голубоватым отливом букли и порой не совсем медицинские высказывания.

Она, например, в прошлый раз тёте Наде заявила, что всякий человек есть всего лишь частица света самой Вселенной, что только Творцу ведомо, доколь ему светить...

Тётя Надя спокойно принимает эти рассуждения, а Зину они заставляют задумываться. Вот и сейчас, наблюдая за движением Шуриных рук с тёплым, влажным полотенцем, задумалась: «А как узнать, что это именно твой свет?..»

Угасающее солнце тем временем глянуло в окошко и своим слабеющим лучиком коснулось лица Зины. Она почувствовала его уходящее тепло и забеспокоилась: «Мать теперь истомилась...»

Расставаясь с Шурой, они тут же решили, завтра пораньше упрявятся с делами по дому, чтобы по первой росе двинуться в лес...

Дома, встретив требовательный взгляд матери, она тотчас выложила ей все припасённые новости и кинулась к электроплитке жарить картошку с грибами.

Этим её приготовлением они и поужинали, затем погуляли с матерью по комнате, как было велено Софьей Леонидовной, втёрли в больные колени лечебные кремы, посмотрели по телеку вечерние новости и стали укладываться на покой.

Прежде, чем лечь в постель, Зина вышла во двор запереть калитку. И невольно остановилась, оглушённая обступившей её тишиной.

Всё вокруг как бы замерло вместе с ней в сумеречном томленьи ночного покоя. Лишь с озера ближнего березняка доносил живой страдательный звук.

Зина знала, что стонет и страдает, как бы жалуясь кому-то высшему, дикий гусь, двумя днями назад подстреленный заезжими городскими охотниками.

И сердце её сдавила жалость. Она вздохнула с мыслью о несчастной птице, одинокой среди глухой пустыни ночи, и томящая печаль овладела ею.

С этой тронувшей её печалью она и вернулась в дом.

Мать не спала: лежала, вздыхала и думала, тоже, наверное, о чем-то тяжёлом и печальном.

Иван Никольшин. Трудная зима

А у Зины в ушах всё ещё стояли стоны подстреленной птицы. Они наводили её на раздумья о матери, о себе, о Шуре с тётей Надей, о покалеченном деде Фёдоре с его хромотой, об уехавшей невесте куда и зачем тёте Оле Петелиной...

С этими раздумьями она и уснула...

3. Грибная страда и банный вопрос

Детского садика Зина не знала, но знала добрую старушку Дарью Фёклину, жившую через два двора от них в своём убогом домике. Она когда-то была нянечкой в колхозном детском садике до его закрытия. Своих «ни детей, ни плетей», как она выражалась, у неё не было, а у Зины не было бабушек-ладушек. Вот эта Дарья по просьбе Зининой мамы и стала ей доброй няней: забавляясь с ней, она и потешала маленькую Зину старой доброй русской сказкой о верной дружбе петуха, кота и барана.

— Ах ты, куколка моя, — говорила она нараспев, обнимая девочку и сладко жмурясь от выпавшей на неё благодати опекать доверенного ей ребёнка. — Ах ты, ягодка садовая, и некому тебя побаской побаловать.

И, усадив Зину себе на колени, заводила свою сказку.

До сих пор не выветрился из Зининой памяти старчески-сухой, жалостливо-надтреснутый голос, каким бабушка Дарья избражала жалобу петуха о приключившейся с ним лютой невзгоде: «Уж вы, кот и баран, унесла меня лиса за дремучие леса, за тёмные боры, за крутые горы...»

И маленькая Зина, тараша глазёнки, напрягаясь и восторженно повизгивая, представала, как, услышав жалобный зов петуха, бегут ему на выручку его верные друзья-спасители.

Бежит, подхватив большую палку, их домашний кот Демьян; выставив рога, несётся вприпрыжку баран Васька.

Эта картина представлялась ей живо, была близка и понятна для неё. Всех героев сказки она знала близко: все они обитали в их доме, жили у них во дворе.

Пыль летела столбом, лес шумел-качался, земля дрожала под ногами барана Васьки и кота Демьяна.

Зина, радуясь, прыгала у бабушки Дарьи на коленях: ох, сейчас и зададут её друзья трёпку этой воровке-лисе! Вернут домой петуха, и опять они заживут во дворе в доброте и дружном согласии...

И сама сказка с младенческих лет сопрягалась в душе Зины с тёмным лесом, тягучим бором — в её детском воображении всё это обросло туманами, чудесами, загадочными существами.

Иван Никольшин. Трудная зима

Уже годы прошли, как не стало сказочницы-бабушки Дарьи; от её курьего домика ни кола, ни двора не осталось, а Зине помнится и то детское упоение от сказки; и та лазоревая услада, в которой когда-то купалось её детское сердце.

С того и окружающее их деревню приволье, особенно старый лес, плавающий по вечерам в сиреневой дымке тумана, своим таинственным волшебством поныне волнует её воображение.

Сама она выросла, стала как бы совсем другой: интересы и мысли её стали другими, а очарование детства осталось. Зашумит ли берёзовая роща от ветра, земля ли задрожит от грома — вспоминается ей бабушки-Дарьиная сказка.

Но и взрослой рассудительности за эти годы немало прибавилось. Слушая, например, бабье переливание из пустого в порожнее, их хвастовство о том, как раньше хорошо жилось, она насмешливо думала: «Неужто и я когда-нибудь вырасту в старую глупую бабу?»

Из разумных женских суждений к ней тоже кое-что прилипло. Вот сбор грибов и ягод в деловую пору для деревенских людей, занятых суровой, крестьянской работой, почитается пустой забавой, праздным шатанием бездельных старушек по лесу, а для них с Шурой — это житейская необходимость.

И всё-таки лес для Зины в первую очередь сливался со сказкой, для него и слова у неё ярко-лазоревые.

И мать её до страсти любит лес, хотя ничего сказочного в нём не видит. Это потому, считает Зина, что не было у неё в детстве бабушки Дарьи — сказительницы.

Из уст матери с младенческой поры ей запомнилась лишь присказка про сороку-белобоку, которая: «Кашку варила, нашу деточку кормила: «Кыш, кыш!» — полетела, Зине на головку села».

Будучи девочкой лет шести, оставаясь одна в доме, для собственного утешения она сама начала выдумывать сказки. Плела про какого-то старого колодезника, о котором от той же бабушки Дарьи слышала: будто бы живёт он в их деревенском, общественном колодце, что против бывшего колхозного конного двора стоит. Ростом тот дед не больше рукавицы, ходит в войлочной шляпе, в лаптях, плетённых из красной резины.

— Почему из красной? — спрашивала Зина.

— А чтобы не утонуть, — отвечала старушка и украдкой смеялась.

Подростая Зина потом узнала, что, и правда, был такой дедок — самые глубокие колодцы во всей округе им выкопаны.

Иван Никольшин. Трудная зима

Был он ростом, конечно, больше рукавицы; шляпу носил, сваянную из грубой собачьей шерсти; сам — ловкий, хватистый. Водоносную жилу на десяток метров под землёй с поразительной точностью угадывал.

Имени его никто не знал, вроде бы Яшкой был, но в округе его дедом Рябчиком все звали.

О нём, будучи маленькой, Зина и сама выдумала одну страшную небылицу. Будто бы этот дед непослушных ребятишек на другой край земли в колодезной бадье уносит.

Ей было забавно от собственной выдумки, смех щекотал сердце — она говорила, что её и саму должны украсть. Кто, зачем, для чего?

Этого она не знала, просто выдумала, что её несут по долам, по горам, как лиса — петуха, и в ней кровь холодела от сладко выдуманной жути.

— И в кого ты у меня такая выдумщица? — умилилась мать и строго спрашивала:

— Ты зачем маленьких ребятишек устрашаешь?

— Я не всех, я только непослушных, — отвечала она.

— Всё равно, больше не выдумывай.

Тогда она стала о лесе выдумывать, в который лет с шести безбоязненно начала бегать одна. И выдумала, будто живёт в глухой чащобе её добрый друг — красный дятел Дупловик. У него свой терем в старой, гнилой осине, он знает, где лучшие грибы и ягоды растут, и показывает ей самые обильные, земляничные поляны.

На самом деле она и без выдуманного красного дятла хорошо знала свой лес, его ягодные места, а также где своей колонией живут трескучие дрозды и обитают малые лесные зверушки.

Она своей чувствовала себя в лесу и ничего не боялась.

Вот кто-то дурным кошачьим голосом закричал с вершинки густого дерева. Как тут подружкам не затрястись от страха? А Зина ничего, посмотрела на быстро набегающие облака и спокойно сказала: «Не бойтесь, это иволга кричит к дождю».

У неё многое от матери перенялось. Елена Петровна в свои мечтательные минуты любила говорить, что они, наверное, самые счастливые люди на свете: родились среди таких изобильных мест; и славилась при этом мудрость своих предков-первопроходцев, поставивших деревню не только среди раздолья лугов и полей, но и среди великого убранства берёзовых рощ, озёр, бурливых речушек и светлых родников.

Иван Никольшин. Трудная зима

И Зине иной раз думается, что это, наверное, врождённое у неё понимание и леса, и всего природного — от дедов и бабок: она, например, по запаху могла определить, какой гриб поднялся и вошёл в свою пору в каждом перелеске.

Запахло корою старого дуба — смотри: боровик где-то рядом. А вот и он, голубчик, такой важный сидит себе под нависшим кустом бересклета! А ну, полезай в корзину!..

Осенние опять для неё полны запахов солодеющей лиственной прели; луговые — пахнут распаренной сенной травой. Они особенно вкусны, пожаренные в свежих сливках.

Она подмечает приметы и делает выводы для себя.

Где-то, наверное, классе в пятом после тёплого грибного дождя собирала луговые опять на сельском выгоне среди плешины, выбитой скотом. И увидела паучка с белым коконом на спинке, свитым в тугий шарик. Зина знала: в этом коконе всё будущее паучье потомство.

Ради интереса тронула паучка былинкой, полагая, сейчас он переполошится, испугается, бросит свою ношу и убежит, спасая себя.

А он не бросил, заметался по плешине, ища, где бы ему укрыться.

Нырнул под травинку и затаился под ней вместе со своей ношей.

И Зина поразились мудрости этого ничтожного существа, оказавшегося умней иных взрослых дядей. Вон Шурин папа, Павел Сергеевич, никто за ним не гнался, думала Зина, бросил свой «кокон» и где-то затаился... А тётя Надя с Шурой ждут его...

А ещё луговая плешина открыла перед Зиной целый мир жизни мельчайших существ, почти незаметный для человека, если его не касаться.

И всё это близко, всё это рядом, всё это соприкасаемо. Шура не замечает этого мира. Когда они с ней в июне ходили по ягоды, остановились на краю большой, открытой палящему солнцу земляничной поляны, Зина втянула в себя воздух, сощурила глаза и сказала подруге:

— Чуешь, какой духмяный запах? Будто в русской, жарко натопленной печи какая-то вкусно хрустящая сладость томится!

Шура смеялась и говорила, округляя свои и без того круглые глаза:

— Не выдумывай. Лес, он и пахнет лесом.

— Так оно так, — согласилась Зина. — Только у всякой его сезонной поры свои особые цвета и запахи.

Иван Никольшин. Трудная зима

— Любишь ты мудрить, Зина.

Разговор подруг кончился ничем. А лес обе любят, только каждая по-своему.

Нынешняя вторая половина августа в здешних местах оказалась урожайной на грибы. Зори зажигались тёплые, с мягко обволакивающими туманами, обильными росами. Вот и пошли расти грибы косяками.

Сегодняшнее утро тоже не обошлось без тумана с ближнего Берёзового озера, бело-розовой полосой наплывшего на деревню. Обтекаемая брошенные, зарастающие деревьями дворы, он своим распушившимся рукавом задел и сруб старого общественного колодца.

На какое-то время и сам уличный прогал скрылся в его непроницаемом сгустке, затем опять всё открылось, но уже в новом, светло-розовом освещении.

Елена Петровна, со своей кровати в окно наблюдавшая эту картину, так и просияла:

— Ну, дочка, похоже, для вас самая грибная страда пошла! Теперь опудитесь груздями.

Зина, прибирающаяся на кухне, поучительно возразила:

— Ну, мамуля, и скажешь: страда! Грибы собирать не землю пахать. Для нас с Шурой это одно удовольствие. Какая же это страда?..

— Знаю, дочка, знаю!.. Оно и для меня удовольствие, — тотчас согласилась Елена Петровна. — И я бы сейчас с превеликой радостью залилась вместе с вами в грибное приволье! Да хвост велик, ходить не велит...

И кивком головы указала на свои ноги.

— Погоди, мама, вот зиму с тобой процедурами позанимаемся, отдохнёшь, как следует, впереди нас с Шурой будешь бегать!

— Дай-то бог, дочка, — со вздохом ответила Елена Петровна и уткнулась глазами опять же в свои ноги.

У неё теперь все думы о них.

Ждали Шуру, а её что-то не было. Наверное, возле больной матери с делами закружилась.

Вместо Шуры неожиданно появился Фёдор Лукич с костылём, с грибной корзиной, в старом армейском жилете, сам сухой, костистый, с крепко выбритым подбородком, с пегими, лихо подкрученными усами.

— А вот и я! — сказал он, улыбаясь в усы и по-стариковски радостно щуря глаза. — Чует душа: опять в лес собираетесь. Я тоже хочу с вами — груздочков себе хочу на солку набрать.

Иван Никольшин. Трудная зима

Зина даже немного растерялась от такой неожиданности: с хромым стариком таскаться по буреломному лесу?! Да это ж выльется в сплошное мученье. И сразу стала прикидывать, как бы необходимо отказать деду?..

Выручила, как всегда, догадливая мать.

— Да вы что, Фёдор Лукич! — всплеснув руками, удивилась она. — В ваши лета по лесу, по чапыгам да с костылём?!.. Там после летних гроз бурелома теперь пропасть сколько накатало! Вы же запутаетесь с...

Она хотела сказать, с протезом, но не посмела... замолчала на слове.

За неё подхватила Зина:

— И правда, дедушка Фёдор, сухостою нынче — не пролезть! Одни коряжины по грибным чащобам... Давайте вот как с вами поступим, — быстро догадалась она. — Вы нам с Шурой оставляете свою корзину, а мы вам самых лучших груздей наберём: свеженьких, хрустящих, с млечным соком!

И она в подтверждение своих слов широко улыбнулась.

Фёдор Лукич запыхтел, завозился, двигая костылём, и ничего не говорил.

Он понимал их отговорки, но очень уж хотелось самому по лесу потаскаться. Он и вышел по-походному: в брезентовой ветровке на случай дождя, в надвинутой по самые брови солдатской панаме.

Про свой протез и лесные чащобы ему и подумать как-то в ум не встряло, и старик стоял, растерянно хлопая глазами.

Зине было понятно желание Фёдора Лукича, но стоило лишь представить, как он будет на протезе, с костылём, с корзиной перелезть через буреломные завалы, пробиваться сквозь лесные чащобы, — всякое её понимание отпадало.

Да он и сам, кажется, стал осознавать, какой немислимой обузой окажется для быстроногих девчонок в лесу, и потихоньку начал остывать от своей опрометчивой горячности.

Видя его смущение, Зина принялась ласково убеждать:

— Вы, дедушка Фёдор, не думайте ничего дурного. Мы хотим как лучше. Нам с Шурой не в тягость грибов вам набрать. Сколько надо, столько и наберём. Погода хорошая, чего не набрать?..

Здесь и Елена Петровна подключилась, догадавшись разговор о грибах свернуть на Ольгины банные дрова, стала упрекать деда: зачем он один взялся их чалить? Почему девок не позвал?

Иван Никульшин. Трудная зима

Фёдор Лукич, оставив разговор о грибах, стал крутить головой и сетовать: «С дровами само так вышло», — боялся, погода испортится, вымочит их, набутит, а ему свозить их было совсем не в тягость. Он-де не только дрова перевёз, но и отцовскую тележку в деле испытал: не рассохлась ли, застоявшись под дворовым навесом?..

В общем, ерунду плёл.

Мать с дочерью слушали и улыбались. А Фёдору Лукичу выпал удобный случай банный вопрос поднять.

— Ладно, уговорили меня, — отступился он от похода в лес и скосил глаза на Елену Петровну. — В связи с Ольгиными дровами мне вот что пришло в старую голову, — начал он. — Я подумал, а зачем это нам на пятерых одним днём три бани топить?

Он сдёрнул с головы панаму и решительно скомкал её.

— Чего нам считаться, если нас осталось всё равно как одна семья? Вот я и прикинул. Из всех трёх нынешних бань самая просторная и самая жаркая — это моя, покойным родителем рубленная. Так разумно ли каждому хозяйскому двору всякую субботу со своей топкой канителиться? Не лучше ли одну мою баню топить? Горячей воды в чане на всю нашу артель хватит. И пара в ней с избытком. Банные дрова нам Ольга на всех оставила. Топкой я буду заниматься сам. Ваше женское дело — лишь подмести, прибраться, навести чистоту и порядок, во всём остальном — моя забота. Как вам такой расклад?

И он замолчал, ожидая ответа.

Молчала и Елена Петровна. А помолчав, засомневалась.

— Конечно, вы всё правильно рассудили, Фёдор Лукич, очень даже разумно, — начала она издалека, — но до вашей бани ещё добираться надо. А это нам, болящим да хворым, с нашими негодными ногами, совсем не с руки. Всё в это упирается. Как тут быть?..

И она уставилась на Лещёва.

Фёдор Лукич, видимо, ожидал этого вопроса, потому и ответил сразу:

— А тележка, а санки, а девки наши на что?!

И, кинув взгляд на Зину, обратился к Елене Петровне:

— Для такого случая для вас с Надеждой Захаровной, лежащих, собью что-то вроде лёгких походных носилок, и будем вас, как на боевом щите, по теплу — на тележке, а по снегу — на санках возить на помывку.

— Не знай, не знай, — засомневалась Елена Петровна, — как-то неловко...

Иван Никольшин. Трудная зима

Но Зина тут же ей возразила:

— Никаких сомнений, мама! Всё правильно дедушка Фёдор рассудил... А я всё мучилась, думая, как нам с Шурой наладиться с вашей помывкой? А выходит, совсем легко и просто: сначала вас — на носилочки, с носилочек — на тележку, и помчим вдоль по улице, словно на вороних!..

Ей стало даже весело от своих слов, и Фёдор Лукич с Еленой Петровной, одобрительно переглянувшись, тоже повеселели.

— Разумеется, что за проблемы? — подтвердил Зинины слова старик. — И не в таких условиях с поля боя тяжелораненых выносили, — вспомнил он, видимо, что-то своё, батальное. — А тут всё в наших руках, как надо, так и сделаем. Потихонечку да полегонечку, рядом да ладком...

Зина стояла и потихоньку дивилась сама себе: надо же, в хозйственных суждениях стала совсем похожа на мать.

Они ещё говорили о дедовой бане, хвалили её, какая она у него просторная да светлая, когда, запыхавшись, появилась и Шура.

Стала извиняться за опоздание, оправдываясь тем, что долго провозилась с матерью, меняя ей постель.

Деда Фёдора она с ласковой приветливостью двумя пальчиками тронула за локоток и, выставив перед собой корзину, взмахнула руками, как птица крыльями, и со смущением выкрикнула:

— Ну, вот и я готова к полёту!

Её быстренько посвятили в решение банного вопроса, и они с Зиной, долго не рассуждая, подхватив свои и дедову корзины, поспешили из избы.

Фёдор Лукич вышел следом, на улице он остановился и долго с завистью смотрел, как за огородами они живо и весело замелькали среди пожухлой луговой травы.

И Елена Петровна с кровати в окно наблюдала за ними до тех пор, пока их фигуры не растворились в белом молоке тумана.

4. Дела осенние

Дни бежали, как вода в быстрой речушке Вилюше. К этому времени прежние материнские заботы окончательно перешли к Зине. От матери она научилась и с левой, и с правой руки одинаково ловко управлять мотыгой.

Порой работа утомляла её, но свою усталость она не выставляла напоказ: встряхивалась, словно весенний, резвый воробушек, выкупавшийся в дорожном песке, снимала с себя груз исполненных дел и принималась за новые.

Иван Никульшин. Трудная зима

Август у них с Шурой целиком ушёл на сбор грибов, заготовку овощей, засолку огурцов с последней огородной грядки — они и не заметили, как он пролетел.

Бочковые огурцы Зина солила под руководством Елены Петровны, мать советовала засаливать их вперемешку с мелко порубленной белокочанной капустой, а сверху под гнёт — стелить свежих, хорошо промытых листьев чёрной смородины.

— Так, дочка, плесень не скоро будет заводиться. И аромат такой, что прямо в нос шибает!..

Материнские советы не бог весть какое диво — обычные премудрости извечного крестьянского дела; их заучивать не надо: они сами как бы ложатся в руки.

И Шура в домашних делах не уступала Зине.

Дед Фёдор, наблюдая за их заготовительными успехами, говорил, похваливая:

— Вас, девушки, хоть сейчас в фабричный цех инструкторами засолочного дела.

— А где он у нас, этот ваш цех? — улыбаясь, дурачились они.

— И сам который год его ищу, — вступал в словесную игру Фёдор Лукич. — Был да сплыл... Тю-тю, как говорится...

И в недоумении разводил руками.

Он к этой поре для девушек стал своим человеком и непререкаемым мужским авторитетом. Они и стеснялись его, и как бы слегка побаивались.

Елена Петровна радовалась на дочь, на её самостоятельность в решении хозяйственных вопросов — не пропадёт её Зина в случае, если самой придётся до времени «скопытиться».

Но и материнские тревоги не оставляла её: как сложится дальнейшая дочкина жизнь, что уготовила ей судьба?..

После грибного сезона как-то сразу подкатила деловая огородная пора бабьего лета. Дни установились нежаркие, ясные, какие только и бывают в сентябре среди задумчивой среднерусской природы.

Пух белых паутин, блестя на солнце, закачался на электропроводах. Тут как бы сама погода указывала — пора картошку копать.

Её копку Зина с Шурой сговорились начать с дедова огорода, памятуя о том, что при своей хромоте он не столько накопает, сколько намучается с уборкой урожая.

Объявили о своём решении старику, он не стал возражать, только и сказал:

Иван Никольшин. Трудная зима

— Ну, что ж, дорогие мои заботницы, вы мне поможете, я — вам. Так у нас и пойдёт жизнь одним, общим ладом.

Подобрал им лёгкую лопату с гладким черенком. Зина, посчитав себя самой ловкой и умелой, стала копать, Шура следом — клубни за ней собирать.

Собирала и приговаривала:

— Родись, картошка, большая и маленькая...

Зина весело подхватывала:

— Хранись зимой и летом, деду на радость при этом.

Так, с шуткой-прибауткой, намеренно дурачась, они и смахнули до обеда весь дедов картофельной клин.

А чего не смахнуть? Молодые, сильные — дело горит в руках, энергия так и бьёт ключом.

Земля, кстати, на дедовом картофельном участке очень добрая для работы: сухая, рыхлая, лёгкая — под лопатой рассыпается, словно пух, вываливая клубни ровные, чистые, гладкие.

Неплохой у деда уродился картофель, совсем неплохой, постарался старик, не дремал лето: и прополол вовремя, от колорадского жука провёл надлежащую обработку.

Одним словом, со своей картошкой будет зимовать Фёдор Лукич. У него под неё и грибки засолены. Да и военная пенсия, как сам признал, у него неслабая. Не пропадёт старик!..

Во время обеденного роздыха Фёдор Лукич угостил молодых работниц сыром из козьего молока собственной выделки. Вкусно показалось: где-то в южных краях наловчился варить.

После обеда Зина с Шурой взялись дёргать свёклу на корм дедовой Дарьке. Пока возились с ней, картофель успел хорошо обсохнуть под солнцем и был готов к засыпке в погреб.

Весь дедов урожай, играючи, они и выкопали вдвоём, и собрали в один день, и урожай на тележке в погреб свезли.

Пока девушки занимались огородом, дед баню протопил.

Помывку начали с Зининой матери. Надежду Захаровну не рискнули трогать. Шура устроила ей дома влажную помывку вафельным полотенцем на разостланном целлофане.

А Елена Петровна от бани не отказалась. Её вместе с носилками водрузили на тележку покойного деда Луки, напоминающую просторную монгольскую арбу с двумя чугунными колёсами старинной отливки, повезли опять же с шутками, с прибаутками.

Крепок у покойного Луки Прохоровича дворовый инвентарь: на совесть сбил, не на одно поколение хватит. Только вот дере-

Иван Никольшин. Трудная зима

венская дорога с теперешними её рытвинами и колдобинами не для нежных пассажирских транспортировок.

Пока Елену Петровну везли до Лещёвского двора, её и накачало досыта, и порядком натрясло. Но все эти неудобства она не только перетерпела, но ещё и подшучивала над собой. Обеими руками держась за гладко строганные грядочки тележки, сладко повизгивала да покрикивала на ухабах, со смехом приговаривая: «Ну, девки, вы меня прямо как Шамахинскую царицу везёте!»

Зина с Шурой в два берёзовых веника вволю напарили её, даже сами слегка уморились.

Домой Елену Петровну, укатанную в банное покрывало, опять же на тележке доставили.

Когда они с дочерью, разомлевшие, чаёвничали с заваркой листа чёрной смородины, дед Фёдор подъехал к их двору на своей «Лайбе», как сам он прозвал свою инвалидскую машину красного цвета с соответствующими рычагами управления.

Оказывается, старик успел съездить в ореховский магазин «Магнит», ещё не угодивший под западные санкции в связи с только что начатой военной операцией на Донбассе, и купил в подарок девушкам по янтарным бусам.

Шуре он уже вручил свою покупку, теперь Зине привёз.

— За ваш гвардейский труд — вот скромный мой презент! — торжественно произнёс старик, протягивая бусы.

Зина смутилась, покраснела и попятилась от Фёдора Лукича, недоумённо тараща глаза на мать.

— Зачем, зачем, дедуль? — бормотала она. — Мы ведь с Шурой просто так, от чистого сердца.

— И я не от грязного, тоже от чистого, — говорил Фёдор Лукич, кажется, тоже слегка смущаясь.

Возникшее напряжение, как обычно, разрядила Елена Петровна, спокойно произнеся со своего «кроватного трона»:

— Не отказывайся, дочка, бери, не обижай деда. Это будет памятно тебе — заработанное своим трудом. Замуж станешь выходить, наденешь бусы, вспомнишь нашу Елховку, Фёдора Лукича. А пока в шкатулку убери. Ещё рано тебе в бусах форсить...

— Вот это правильно, вот это правильно, — бормотал старик, тихонько пятясь к порогу.

Чтобы не передумали, он толкнул дверь и быстро вышел.

Когда его машина отъехала от двора, Зина не удержалась, кинулась к зеркалу, принялась примерять украшение. Бусы очень

Иван Никольшин. Трудная зима

даже красили её молодое, с высоким лбом лицо, матовое от летнего загара.

Она увидела себя в зеркале совсем взрослой девушкой.

И мать с кровати полюбовалась ею.

Зина подошла и обняла её.

5. Прибыл провиант

В одну из последних сред месяца, когда огороды были убраны, урожай свезён и запечатан в погребах, ждали предпринимательницу Галину Ивановну Стукалину с заказанным ей провиантом.

И она приехала: невысокая, порывистая, с короткими волосами, вьющимися из-под розового вязаного берета.

— Старухой Стукалиной провиант доставлен! — приложив ладонь к берету и вытягиваясь в струнку, казённым голосом отрапортовала она.

Затем поставила на пол дерматиновую, туго набитую сумку, застёгнутую на замок «молния», подошла к кровати и обняла Елену Петровну.

Слово «старуха» не понравилось Зине, и она, радостно наблюдая за гостьей, скривила губы. «Какая тётя Галя — старуха? — думала она. — Какие старухи — её мать или тётя Надя? Да они в свои лета смотрятся даже свежей и ярче, чем привядшие цветы в их осеннем палисаднике».

Все они одноклассники, давние материны подруги, все когда-то в одном классе учились. Но для Зины в тётя Гале главное не это, а то, что она мать Игоря Стукалина и привозит им с Шурой от него приветы.

Вот и на этот раз не обошлось без приветов.

Подвинув сумку к свободному табурету, по-хозяйски устроившись на нём, Галина Ивановна неторопливо оправдала подол своего длинного платья, ласково посмотрела на Зину и произнесла:

— А вам, красавицы, привет от Игоря!

При этих словах, вполне ожидаемых, у Зины будто тёплая птичка вспорхнула в груди и ноюще-сладко защемило под сердцем.

Уже не в первый раз с ней случается такое, с чего бы это? Прежде не было, а теперь с чего-то появилось, даже ночами иной раз стала просыпаться в тоскливой тревоге.

Проснётся, глаза откроет, вокруг тьма душная, избяная, мать сопит на кровати, настенные часы металлически маятником шлёпают, а рядом будто бы Игорь стоит. Да так явственно, что хочется рукой коснуться.

Иван Никульшин. Трудная зима

И ещё опять же с некоторых пор она стала уверяться, будто приветы Игоря предназначаются исключительно только ей, а Шуре — это так, сбоку припёка, простая формальность.

А сейчас она поймала себя ещё и на такой мысли, что все эти приветы неспроста, они имеют какое-то тайное значение. А какое? Она этого пока не знает, ещё сама не поняла.

Но чувствует, что это живёт в ней: стоит вспомнить, что в школе именно её, а не Шуру, Игорь одаривал знаками своего внимания, как сердце её начинает биться чаще, лицо становится жарким, а мысли путаются, разлетаются в беспорядочность.

И теперь вот нашло. И она, боясь сказать что-то лишнее и невпопад, прислонилась плечом к кухонной перегородке и, сдерживая дыхание, слушала, что говорит их гостя.

А Галина Ивановна, окинув Зину глазами с головы до ног, стала говорить, как бы только для одной матери, для Елены Петровны:

— Ты смотри, как твоя дева за лето поднялась! И щёчки зарумянились, и лишний жирок опал. Невеста растёт Игорю!

— Не нам с тобой решать, — свесив с кровати ноги, притворно вздохнула мать. — Ныне мы не указчики молодёжи. Время придёт, сами разберутся...

И она, положив руки себе на колени, легонько вздохнула.

— Да нет, Лена, — ухватилась за её слова Галина Ивановна, — смотрю иной раз по телеку эти столичные развлекательные шоу и думаю: господи, какое счастье, что далеко от городских центров живём, что наши детки не вовлечены в бесконечный балаган этой пошлой киркоровщины! Вырядится, словно клоун, лезет на крест и ржёт, как отставной мерин.

— Не знаю, ещё до чего докатимся, — опять вздохнула мать.

— Считай, уже докатилось, — живо подхватила Галина Ивановна. — Вчера всей семьёй ходили в наш Дом культуры. Какая-то новая эстрадная группа «Кукарача» объявилась. Они же теперь плодятся, как собачьи грибы на навозе... Нет, чтобы в производство включиться, все в шоу вдарились... Так вот, — сделала она паузу. — Сходила я со своими мужиками и расстроилась, — скорбным голосом продолжила гостя. — Зря только деньги запалили. Это же не культура, а самое настоящее позорище! Главная их солистка — смотреть не на что. Намалёвана, как последняя шлюха; юбка на ней широкая, до голого пупа на две половины раздвоена, и она при всякой своей тряске кобыльими голяшками сверкает... Грудь, ей-богу, нечего в щепоть взять,

Иван Никольшин. Трудная зима

лифтом-паутинкой взнуздана — скачет по сцене, как лошадь в постромках. А голос никакой, сдохнуть можно...

И эта носительница новой «передовой культуры» приехала нас, «ватников», просвещать?.. У них что-то случилось там с аппаратурой, — засмеялась Галина Ивановна. — Звука нет, эта их солистка растерялась: стоит, шевелит губами и матерится в отключённый микрофон».

Зина представила всю эту картину, и ей стало смешно; она скользнула за кухонную перегородку и приснула себе в ладошку.

Галина Ивановна и не заметила этого Зининою смешка, как ничего другого не заметила, — всё кипело в ней, и голос её негодующе кипел:

«Ну, наладили звук, — продолжила она с возмущённой дрожью. — Вышел конферансье, напомаженный, округлый, как масляный пончик, объявляет, что мы-де, зрители, слишком заскучали и нас сейчас повеселит рэпер. Назвал какое-то имя, похожее на собачью кличку. И вот выскакивает этот рэпер; молодой, рыжий, лохматый, как бес, в сплошных наколках — аж весь фиолетовым светом светится! Как заскакал он по сцене, как завертелся, словно бешено запущенный волчок, и понёс речитативом, что ни слово, то мат, что ни слово, то мат. Уши вянут — слушать всё это!.. Молодёжь хохочет, женщины в ужас пришли, сидят ни мертвы, ни живы.

Вот эта похабщина и стала последней каплей моего терпения. Я тотчас подняла своих мужиков и увела домой, — с какой-то тоской отчаяния произнесла Галина Ивановна. — И большинство зала этого не выдержало. Вслед за нами все пожилые поднялись. Одна неразумная молодёжь осталась...»

Зина самым сердцем почувствовала, как тёте Гале тяжело дался этот концерт, — в её мыслях мелькнуло: «И правильно сделала, что увела. Нечего Игорю смотреть и слушать эту гадость».

Эта нечаянно выскочившая мысль тут же и смутила её: «И что я всё об Игоре?..»

Она вышла из-за кухонной перегородки и виновато посмотрела сначала на мать, потом на тётю Галю, тенью отражавшуюся на табурете в блеске светло крашенного пола.

— Вот и спрашивается, — не оставляла гостью горечь концертного переживания, — это и есть наставники наших милых чад? Это и есть так называемые творцы молодёжной культуры? Какое новое слово несут они нам? Какой вкус собрались привить? Каким светом радости наши души окропляют? В этом ли

Иван Никольшин. Трудная зима

их живой интерес? — звенящим голосом спрашивала тётя Галя лишь для того, чтобы самой же и ответить. — Как бы не так.

Зина слушала её и умилялась: как умно и складно она излагает свои мысли! Правильно мать говорит, что общественная работа на народе политически закаляет и образовывает человека. Вот для тётя Гали работа в сельской администрации прошла не бесследно. Да и задатки у неё к публичности были и есть.

Не зря же она о себе говорит, что в школьные годы стихи писала. Елховские учителя восторгались её одарённостью, считали, что эта девочка в литературу пойдёт. А всё не так получилось: вышла замуж, стихи бросила писать.

И теперь, когда ей напоминают об этом, опять же разумно и толково всё объяснит: от избытка молодости, говорит, все девушки-де пишут стихи. А замужество — это такая пора женского возмужания, которая на подвиг материнства женщину зовёт.

Зина посмотрела на мать и подумала: «Ныне все языкасты, все торчат в телевизоре. Мать тоже за словом в карман не лазит...»

Её мысли опять вернулись к тётя Гале, у которой, видно, так накопело от её концертного впечатления, что никак остынуть не может.

«Что дурного в рэпе, если он приличный? — размышляла Зина. — Многие девочки из нашего бывшего класса и слушали рэп, и у себя в телефонах его имели. И городская Мальвина говорила, что рэп — это клёво!..»

Фу, опять эта Мальвинка! — подосадовала на себя Зина. — И чем эта Мальвина лучше нас? Тем, что в городе живёт...»

И она почувствовала, что завидует этой городской всезнайке, а втайне — и вольностям её манер.

И тётя Гале завидует, рассуждающей так широко и с понятием дела.

— Нынешняя эстрада под пяту либеральных барышников влетела. А у нас в райцентре, по словам Петра Архиповича Табакурова, целый «иностранный агент» культурой заправляет. Понятно, какую эстраду он нам на сельскую сцену воткнёт. Где уж тут народной песне и традициям пробиться, лишь бы грязную пошлость граблями сгрести, — не унималась тётя Галя, бросая на Зину взгляды, полные заботливого предупреждения: смотри, мол, дева, не вляпайся в это дерьмо.

Мать Зины слушала и морщилась, ей было неинтересно всё это, и выражение её лица было таково, что говорило: и чего шу-

Иван Никольшин. Трудная зима

мать, когда всё то же самое и по телеэкрану идёт; нет массовой культуры, есть одна профанация.

Зина ждала, сейчас и мать об этом что-то скажет. Теперь, наверное, время такое — все попсу бранят. И мать бранит: говорит, как военная операция началась, нормальные мужики в добровольцы записались, а крикливые актёришки в «иностранные агенты» подались.

«Господи, и когда поузмеем?! — иной раз слышит от неё Зина. — При царе недовольными были студенты, в гражданскую — интервенты, при СССР — диссиденты, а теперь — «иностранные агенты»...»

Вот и Галина Ивановна, словно бы угадав Зинины мысли, подхватила эту же струну.

— Копните лопатой, — говорила она, царственно восседая на табурете, — и увидите, что тон всякому чужебесию у нас задаёт всё та же чем-то вечно недовольная либеральная плесень. При монархии ей царь был неугоден, при Советах — коммунисты, а теперь — сама Россия мешает.

Чего можно ждать от массовой культуры, если она собирает самые худшие помои со всего Света?

«Господи! — вдруг на глазах изумлённой Зины истово перекрестилась Галина Ивановна, остановив свой взгляд на иконах в переднем углу. — Слава богу, что мы, Леночка, с тобой поднимались в другое время, что на нас не пало раздолье поповой пошлятины! Под пионерскую барабанную дробь, под бабкины «Отче наш» на отеческих дрожжах успели подняться!»

Всё это Галина Ивановна произнесла с такой страстью, что и у Зины заволновалась грудь: и ей захотелось сказать, что они с Шурой совсем не такие, как о них могут подумать. И все деревенские девочки их класса очень даже приличные. Это городская Мальвина сама из себя выпрыгивает. На самом деле она никакая не Мальвина — её Маней зовут. Просто она на иностранщине свихнулась и своего парня Лёшу Алексом зовёт. Он у неё от армии откосил, к отцу на Кипр сиганул. Мальвина считает, что очень правильно сделал. «Дальше, — сказала, — спрячешься, целее будешь».

Вот крашенная торба! Все ореховские девочки от изумления на неё глаза вытарасили. Двое их ореховских парней за страну воюют, а для неё это фигня!.. Видишь ли, её Алексу нельзя воевать, поскольку у него папа крутой, может бизнес потерять. Он газом на Кипре торгует...

Ни фигя себе, сравнила Родину и какой-то вонючий газ!..

Иван Никульшин. Трудная зима

Зина от досады даже пальчики себе легонько заломила, но вслух ничего не стала говорить.

— Ты вот со своими болячками не следишь, наверное, а я проследила, — опять Галина Ивановна обратилась к Елене Петровне. — И вот что отметила. С внедрением попсы, произошло общее падение культуры. Убожество стало мерилом таланта, и повседневная доступность попсы из каждого утюга, убивают в нас поэзию духа.

И Галина Ивановна горделиво заметила, что она вместе со своим женским сельским активом намерена перед главой администрации Табакуровым поставить вопрос о сельском сходе, на котором раз и навсегда запретить ползучей попсе выступать на ореховской сцене с концертами гадкой пошлости.

Заметив, что хозяйка дома скучает, что разговор неинтересен ей, Галина Ивановна замолкла, в волнении вздохнула, на мгновение задумалась и заговорила о другом, обратившись к дням своей молодости.

Здесь и Зинина мать оживилась, включилась в разговор, и они обе стали вспоминать, какими сами были в годы своего девичества.

Зина ожидала, сейчас непременно скажут, что тележного скрипа боялись, были тише воды, ниже травы.

И она угадала.

— Мы, весь наш бывший класс «А», наверное, был последним из поколения, почитающего наставления своих матерей и бабушек, — расстёгивая замок хозяйственной сумки у себя в ногах, чётко произнесла Галина Ивановна. — А уж как своё девичье целомудрие блюли, как зеницу ока! А ныне где всё это?..

Она подняла голову и взглянула на Зину так, будто её хотела спросить об этом.

Зина сжала плечики и растерянно посмотрела на мать.

— И ныне не все беспутны, — строго произнесла Елена Петровна и обиженно поджала губы, но быстро смягчилась и тихо заметила: — Мы тоже, небось, не ангелами росли. Также были хороши... Помнишь, — свела она глаза на Галине Ивановне, — как под святую пасху с визгом в клубе под Тимохину гармонику босиком отплясывали? И не почли это за грех себе.

— Были и у нас шалости, — нехотя согласилась Галина Ивановна. — Только это ничто в сравнении с тем, что ныне... Мы по жизни были совсем другими. Мы думали в первую очередь о том, как жизнь устроить, трепетно вступая в законный брак, а

Иван Никольшин. Трудная зима

сейчас, куда ни плюнь, сплошное сожительство. При этом ещё и удивляемся: с чего это у нас с рождаемостью кот заплакал?..

А с того он и заплакал, что молодые девушки вместо законного брака предпочитают элементарный блуд, невинно именуя его сожительством. А при сожительстве, милые мои, не о детях думают, а как свою похоть удовлетворить.

Галина Ивановна резко выпрямилась и бодливо мотнула головой.

— И теперь не все одинаковы, — опять повторила Елена Петровна, не сводя с дочери насторожённого взгляда.

Взъерошенная, она походила на наседку на страже птенцов.

— Я не говорю, что все, — раздражённо ответила Галина Ивановна. — Я говорю, что девица, проживающая с мужчиной без брачных уз, есть всего лишь распутница и пустоцвет. А пустоватые, как известно, детей не производят. А без прибавления род-племени сама земля пустеет, как вот опустела наша Елховка...

— Не с того она опустела, — не согласилась мать, Зина тоже молча не согласилась.

Галина Ивановна хотела возразить, но лишь поморщилась и отступилась, безнадежно махнув рукой.

— Ладно, — милостиво произнесла она, — и без того много наговорили. А в серьёзных делах нужны не разговоры, а конкретные решения. Мы с тобой слишком маленькие люди, чтобы такое решать. Вот поточили языки и — будя с нас... давай о чём-нибудь другом...

От возбуждения миловидное лицо Галины Ивановны порозовело, а опрятный, округлый носик окинула лёгкая испарина.

Она утёрлась тыльной стороной кисти руки и принялась выкладывать содержимое своей сумки.

Зина и Елена Петровна молча наблюдали.

Всем троицам стало как-то немного неловко от разговора, который, они знали, был никчемным, — просто накопились у Галины Ивановны отрицательные эмоции, она их выплеснула, и сама как бы от них опросталась, оставшись при своих обычных житейских интересах.

И все они думали о своём. Зина — об Игоревых приветах и о том, ходит ли он с кем из девушек на танцы по вечерам.

Елена Петровна, ещё с вечера озабоченная тем, привезут ли им сегодня продукты, обрадовалась, что привезли, и думы её перекинулись на дрова: когда ещё их теперь ждать? Не подорожают ли ближе к зиме? Взлетят цены, не очень-то потом укупишь.

Иван Никульшин. Трудная зима

Галина Ивановна, довольная встречей с подругой и с самой Елховкой, радостно отметила, что общественный колодец против их бывшего двора ухожен; его сруб обшит тонким тёмсом, покрашен в голубое. Это Фёдор Лукич порадел для общего блага.

У Зины, помимо мыслей о Игоре и о дровах, не менее, чем у матери, была забота. Основные деньги на их покупку они с родительницей давно собрали — весь год помаленьку с пособия откладывали. А ещё как-то по весне одним воскресным днём они с Шурой Зацепиной набрали по большой корзине сморчков, вышли с ними за деревню на окружную дорогу и продали проезжим грибникам.

Эти деньги тоже пошли в дровяную кассу. Теперь осталось лесорубов дожидаться, а они что-то задерживаются. Мать уже истомилась, думая об этом. В прошлые сезоны в начале сентября готовые дрова привозил снимающий в лесхозе делянку мордатый мужик-бородач. А ныне что-то его нет, затянул с дровами.

И эта непонятная затяжка с их привозом Зину теперь тревожит не меньше, чем саму Елену Петровну. А вдруг зима рано ляжет, вдруг холода завернут?..

Ночами уже теперь стало заметно свежо. Осенью запахло. Эту сентябрьскую свежесть осеннего воздуха, занесённую Галиной Ивановной со двора, Зина и сейчас сквозь тонкую блузку почувствовала.

А влажный, осенний воздух для неё с чего-то должен запахом моря пахнуть.

Она никогда не была на море, но, по её представлениям, морские водоросли могут пахнуть не иначе, как запревающим кукурузным силосом, или, тоже непонятно с чего, осенней слежавшейся грибной листвой.

Насмотревшись телерекламы о заграничных турпоходах, она возмечтала обязательно слетать на море, в какую-нибудь турецкую Анталию. Туда теперь все летают.

Своими разговорами забила голову Шууре, и они стали вместе мечтать: вот выучатся на маляров, заработают деньги и махнут на самолёте на какие-нибудь тропические острова.

Лишь бы мать поправилась, с ней вместе и слетают. Тоже ведь никогда не видела моря...

И сейчас все эти мечты и мысли беспорядочно скакали, путались в её голове под разговоры Галины Ивановны: море, мать, Шура, Игорь, дрова — сама становилась как ушибленная.

Иван Никольшин. Трудная зима

И мысли её опять скакнули на тётю Галю, на разговор о девичей чести. Надо понимать, неспроста тётя Галя об этом заговорила. Это она в назидание такие свои мысли ей в уши дует.

Пусть, как хочет, тётя Галочка думает, а они с Шурой не глупенькие — свою честь правильно понимают. У них с Шурой свой на всё и ключик, и замочек, и розовый платочек...

И тут возглас Галины Ивановны сбил Зину с мысли.

— Фу, балда! — неожиданно рассмеялась она, ладошкой шлёпнув себя по лбу. — Сама в себе запуталась. А это всё с того, моя дорогая Леночка, что кипенье девичьих лет в нас не остыло.

С этими словами Галина Ивановна жестом подозвала к себе Зину и принялась выкладывать ей в руки привезённый заказ: гречку в пакетах, макароны, пшено, растительное масло в пластиковых бутылках, паштет из гусиной печени в баночках, сухое молоко и ещё разных продуктов по списку, составленному в прошлый тётю-Галин приезд. Всё недорогое, повседневное и необходимое.

Нагрузив Зину, она вместе с табуретом подвинулась к кровати Елены Петровны и сказала, заглядывая ей в глаза:

— Ну, давай, подруга, рассказывай, как тут у вас? Как ваши девочки с хозяйством справляются?

И Зина увидела в глазах матери загоревшийся интерес — до этого как-то без интереса всё принимала, а тут появился.

— Да ничего, — оживилась мать. — Они с Шурой у нас молодцы! Их заботами и живём теперь с Надей, — принялась она хвастаться, не сводя глаз с хлопчущей возле холодильника Зины. — Мы друг к дружке, как понимаешь, сходить не можем, через дочек всё наше с ней общение... А так ничего, жить можно. Вот осталось дровец запасти. Мы с Надей взяли негласное обязательство к весне непременно поправиться, — в шутку добавила она. — Иначе нельзя: сама жизнь так указывает.

Слушая их разговор, Зина поглядывала с кухни и тихонько улыбалась себе под нос: «Ишь, распелись!.. Сами как малые дети...»

— Тебе бы инвалидную колясочку, — напомнила подруге Галина Ивановна, имея в виду давнишний об этом их разговор.

— Надо бы! — радостно встрепенулась Елена Петровна. — Да очередь, говорят, сумасшедшая. Я и это понимаю: молодым сейчас нужнее...

— Я узнавала... очередь действительно немалая, — охотно подтвердила Галина Иванова. — С Софьей Леонидовной разго-

Иван Никульшин. Трудная зима

вор был об этом. Она по линии райздравицы намерена добиваться. Может, что-то и выгорит... Тебе хотя бы к теплу... Зимой-то по сугробам всё равно некуда кататься.

Они ещё поговорили, и Галина Ивановна, взявшись за сумку, ахнула, что-то нащупав в её боковом кармане.

— Господи, да что это ныне со мной?! — удивлённо воскликнула она. — Совсем умом рехнулась!.. Заказ выложила, а про гостинец вам забыла...

И подала Елене Петровне батон твердокопчёной колбасы.

— Ты на своё пособие не очень-то решишься купить, а я вот от себя...

— Да ты что?! — испуганно откатнулась от неё Елена Петровна и замахала обеими руками. — Нет, нет, с чего это я буду разорять тебя? Сейчас время не то на дворе... Да и привыкли мы без этого с Зиной...

Галина Ивановна на мгновение замерла, широко раскрыв глаза, как бы испугавшись, и застыла с колбасой в руке.

Её растерянность была, однако, недолгой: быстро спохватившись, она ледяным взглядом посмотрела в глаза подруге и строго произнесла:

— От этого не отказываются, милушка! Это на помин души родителей наших. Грех большой не брать.

Елена Петровна виновато заморгала и покорно сдалась.

— Это другое дело, — произнесла она с тоном душевной скорби. — Тогда царствие небесное родителям нашим!

И торопливо перекрестилась.

Зина, испытав укор мимолётной неловкости, сразу подумала: душевный всё-таки человек Галина Ивановна. Пусть кто-то по-другому о ней думает, а у неё такое вот мнение.

Она слышала от матери, что сразу после школы тётя Галя работать начала учётчицей в местной тракторной бригаде. Перед тем как елховскому колхозу развалиться, вышла замуж за молодого механика сельхозмашин Алексея Михайловича Стукалина, родом из соседнего Орехова. К этому времени у тётки Гали умерла мать, и молодожёны остались жить в её елховском доме.

В пору хозяйственного крушения местного колхоза молодожёны без дела не остались, они переехали в Орехово, куда дядю Лёшу взяли механиком; тётя Галя устроилась в сельскую администрацию кассиром, а по совместительству она ещё стала вестись столом воинского учёта. С жильём тоже всё уладилось, их поселили в новом, просторном коттедже.

Иван Никольшин. Трудная зима

Ныне всяко говорят о той отлетевшей поре: кто-то поминает её как зряшно сгоревшее время; для кого-то оно было лихим и далеко не зряшным. Жизнь бурлила, как весенняя река в половодье.

Осев в Орехово, молодые не сразу завели ребёнка. Жили, к новым условиям принаравливаясь. Была работа, были ожидания какой-то, по выражению тёти Гали, необыкновенности, какой, наверное, и не бывает. А ей и не случалось быть.

И тут дядя Лёша, это уже по словам Зининой мамы, будучи от природы мастеровитым человеком и талантливым механиком, по бросовой цене приобрёл разбитую легковую машину с грузовым салоном, своими руками восстановил её и поставил на ход. А его деятельная Галина Ивановна, успев к этому времени обзавестись водительскими правами, решила заняться разъездной коммерцией.

Начала она с того, чем в недавнюю пору занималась заготовительная продкооперация. Стала ездить по деревням и скупать излишки сельхозпродукции для городского прилавка.

Особого прибытка это занятие не приносило, но на хлеб с маслом, по уверениям самой тёти Гали, выходило; а главное для неё, деятельного человека, важна хозяйственная самостоятельность и новый житейский интерес. Ничего лучшего для себя она и не желала.

«Мы человеки маленькие, — притворно вздыхая, говорила она в кругу своей женской компании, — к звёздам не взлетаем, довольны и тем, что есть. Всего с собой не заберёшь. В чём пришли, с тем и уйдём...»

Этой показной безунывностью она и мила своим подружкам. А Зине — ещё и своими быстрыми, всё понимающими серыми глазами.

Зине всегда хочется любоваться ей: вот она сидит на табурете в лёгкой, тёплой курточке — вся такая ладная из себя, аккуратно подобранная, словно орешина на тихом солнечном припёке.

Занявшись частной торговлей, тётя Галя стала, опять же по рассказам близко знавших её людей, самой настоящей палочкой-выручалочкой для брошенных старушек, одиноко доживающих свои сроки по опустевшим окрестным деревням.

Но мы ведь знаем, как у нас бывает. Появился у человека успех, появились и завистники. И у Галины Ивановны не обошлось без этого. Завистливые люди жалобу на неё накатали: появилась-де капиталистическая пиявка в районе — ездит по деревням, из беспомощных старушек кровь высасывает.

Иван Никульшин. Трудная зима

Ореховский глава Петер Архипович Табакуров хотя и не верил в эти бредни, а вмешаться пришлось: с местным депутатским активом проехал он по деревням, поспрашивал тех самых «высосанных» старушек — не чинит ли им каких обид индивидуальная предпринимательница Стукалина?

И старушки хором отвечают:

— Да вы что? Да мы по гроб жизни ей обязаны! Да мы готовы в ножки ей упасть, дай бог добра и здоровья такому славному человеку! Она же всю собранную с огорода зелень от нас людям к столу везёт. Сами-то куда мы годны? А тут милое дело, как среда или суббота, Галина Ивановна — тут как тут! Заказанные продукты нам везёт, за овощи с нами честь по чести деньгами рассчитывается. Лишь за транспортные расходы, что ей приходится, себе оставляет. Нет, нет, мы бога за неё молим. Это — кормилица наша...

Может, и не так говорили, может, и прибавлено что-то для красного словца, но что есть, то есть. У нас человека зря хвалить не станут.

А что Галина Ивановна доводится матерью Игорю Стукалину, Зина ещё в школе от ореховских девчонок услышала. Тогда же ему все его дурацкие «кричалки» простила и стала позволять себе дружеские разговоры с ним в школьном коридоре на переменах.

А тут Галина Ивановна начала им в деревню продуктовые заказы возить, сама стала как бы родней и ближе. И об Игоре стало думать: не такой он и шалопай, как прежде показался, и мать у него очень достойная.

Она и вправду мировая женщина не только потому, что является мамой Игоря, просто от природы тётя Галя — милый человек.

«Да и все они, уроженцы их умирающей Елховки, из одного деревенского теста замешены», — решила Зина, раскладывая в кухонном шкафу продукты, привезённые тётёй Галей.

Среди общих мыслей, без конца витающих в её голове, мелькнула и такая, что они близки друг другу, словно птицы, поселившиеся в одной и той же роще...

— Ладно, подружка, повидались, и слава богу! Поеду дальше, — с весёлым облегчением вздохнула Галина Ивановна и мельком взглянула на часы. — Засиделась я у вас.

Она встала против постели Елены Петровны, чтобы обнять её, и стала говорить, кротко вздохнув:

Иван Никольшин. Трудная зима

— Проехала мимо бывшего двора своих детских лет, сердце окаменело от ужаса. Господи, думаю, неужто дом моей жизни тут был?! Всё позабыто, позаброшено — бурьяном поросла вся прошлая жизнь наша. Да как же это мы допустили такое?

Подумала так и сказала сама себе: «Да что ты всё вздыхаешь, шальная баба? Колесо твоей молодости укатилось с горы. Назад не повернуть. Пусть вон молодые торят себе свою новую дорогу».

Она наклонилась к Елене Петровне, полуобняла её и поцеловала.

— Ладно, все заморочки наши пусть при нас останутся... А ты не опускайся, не теряй присутствия духа, как внушали нам в школе. Трудно, а ты сцепи зубы и терпи.

— Я так и делаю. Я терплю. Это вон и дочь скажет, — кивнула Елена Петровна в сторону Зины. — Мне и мать-покойница говорила, что женщина должна до конца достойно нести свой бабий крест, до конца оставаться женщиной, а не быть безрогой скотиной.

— Мы должны вынести всё, как сказал поэт: «И широкою, ясную...» Вот и давай держаться заветов своих матерей, — предложила Галина Ивановна. — Они были мудрее нас, наши матери, в детстве такую страшную войну пережили!

С этими словами она подхватила с пола опроставшуюся сумку и, поравнявшись с Зиной, весело спросила:

— Ну, так как, невестка, что жениху передать?

Пока Зина мешкалась с ответом, мать, как всегда, опередила её.

— Приветы от наших обеих девок, чего же ещё, — спокойно обронила она с кровати.

Галина Ивановна скользнула глазами по Зине, ободряюще улыбнулась и вышла.

А Зина находилась как бы в лёгкой растерянности, машинально пожимая свои руки, не знала, куда их девать и что с ними делать.

И внутри что-то томило её. Она знала: бывают такие минуты, когда проводишь близкого тебе человека и будто потеряешь что-то. Стоишь и думаешь, сам не помня, о чём, будто твою память на время отключили... Вот и сейчас с Зиной было такое состояние.

6. Дрова прибыли

С дровами напрасными были их переживания: в конце следующей недели они и «прибыли», как выразился дед Фёдор. Тут без его ветеранского авторитета не обошлось.

Зина с Шурой как раз у него в доме прибирались, а сам он под навесом во дворе кормушку для Дарьки чинил.

День был яркий, один из последних по-летнему ярких дней сентября. Солнце звенящей бронзой увядающей листвы играло среди берёз дедова палисадника.

Зина глянула в окошко, а там, рыча и воняя дымом выхлопной трубы, огромный грузовик с нарезанными дровами к воротам подпячивается.

Два мужика в жёлтых рабочих спецовках залезли в кузов и принялись сбрасывать полуметровые, ровно напиленные берёзовые чурбаки.

Зина крикнула Шуру, обе посмотрели и сразу выскочили за калитку. Мужики увидели их и замерли с чурбанами в руках: ба, отколь такие красавицы в этом захолустье?

Вслед за девушками за калитку прихромал и сам дед Фёдор. Оказывается, он знал про дрова и ждал их. Ореховский глава Табакуров ещё вчера по мобильнику предупредил, что, ему, инвалиду, бывшему воину-интернационалисту, пострадавшему за интересы Отечества, местная администрация своим распоряжением бесплатно выделяет машину дров на зиму.

И вот она приехала, теперь и разгружается.

Молодой лесоруб, длиннорукий, худой, с облупленным от загара носом, увидев хромого старика в солдатской панаме, весело ощерился и спросил высоким, игривым тоном:

— Ты где, дед, на каком фронте таких шикарных краль подцепил?

— Где подцепил, там и подцепил, — в тон ему ответил Фёдор Лукич. — Ты глаза не пяль, не по твоему носу они.

— Это почему же? — обиделся облупленный нос. — Может, я жениться хочу.

— В другом месте невесту поищи. И сачка давай не дави: кучней дрова кидай. Девушки у нас как алмаз, только не для твоих глаз.

— Ишь, какой несговорчивый старик, — осклабился малый. — А ты чего, Сергеевич, молчишь? — обратился он за поддержкой к своему напарнику, мужику в летах, с плотной, медвежьей фигурой и толстым, сизым от загара загривком.

Но тот лишь хмуро сопел, расчётливо сбрасывая дрова.

Иван Никольшин. Трудная зима

Водитель, похоже, из приезжих, человек лет сорока с узкими глазами на плоском, молодом лице, из кабины не вылез, положив голову на баранку, делал вид, что дремлет.

Пока машина разгружалась, Зина с Шурой без дела, торча рядом, завидовали деду: хорошие дрова, плотные, должно быть, жаркие, — им бы таких!..

Когда с разгрузкой покончили и дед Фёдор стал расписываться в поданной ему бумаге, Зина возьми и спроси старшего из лесорубов, молчаливого мужика:

— Дядь, а нельзя ли и нам с Шурой привезти по машине?

Мужик недоверчиво скосил на неё глаза, смерил обоих с Шурой сонным взглядом и нехотя произнёс:

— Почему же нельзя? Были бы деньги, дрова будут.

Тут и малый с облупленным носом с готовностью подлетел.

— Для вас хоть сейчас, красавицы!

Шура, желая напомнить о себе, тоже ввязалась в разговор.

— А в прошлую осень нам на колёсном тракторе привозили, — вспомнила она, топчась на месте.

— Эх, чего вспомнила! — нехотя с глухим сипом произнёс старший лесоруб. — Колёсный теперь дрова возит, похоже, чугунные...

И, отворачиваясь, загадочно усмехнулся.

А молодой не унимался: то отходил, то подходил с сигаретой, собираясь что-то ещё сказать.

И сказал, посмеиваясь:

— Ставьте, барышни, пузырь, и через час будут вам дрова!

Дед Фёдор услышал и удивился:

— Это за какие такие чудеса «пузырь»?

— А за оперативность, — пуская колечками сигаретный дым изо рта, с наигранной улыбкой объяснил молодой. — А не хотите — ждите до морковного заговенья... У нас очередь, между прочим...

Подружки смотрели одна на другую и ничего не понимали.

Дед Фёдор помолчал, почесал пальцем у себя за ухом, взглянул на растерянных девчушек и решительно произнёс:

— Ничего, пусть везут, будет им пузырь!

— Слово? — подхватил молодой и дважды шмыгнув облупленным носом.

— Слово ветерана ВДВ! — твёрдо пообещал старик и для убедительности ткнул костылём в землю.

— Вот это разговор! — обрадовался молодой и ободряюще похлопал своего молчаливого напарника по плечу. — Чего при-

Иван Никульшин. Трудная зима

уныл, Сергеевич? Привезём и поправимся... А от этого жмота Ярушкина, учти, ничего не отломится, — предупредил он, видимо, имея в виду хозяина делянки...

И сразу к девушкам:

— Вам две машины? Тогда с вас два пузыря...

Фёдор Лукич искоса посмотрел на парня, опёрся на костыль и недобро спросил:

— А язык не облезет?

— А он у нас закалённый, — похвастался молодой.

— Ты, парень, давай не дури. Вези, как было сказано. Не хочешь, другие привезут.

И отвернулся.

— Ладно, — спохватился молодой и взял своего товарища под локоть. — Поехали, Сергеевич, до вечера два раза обернёмся...

И оба сразу полезли в кабину, молодой крикнул, захлопывая за собой дверцу:

— Ждите, будут вам дрова!

Грузовик утробно рыкнул, фыркнул, плеснув чадом, и отъехал.

Зина с Шурой остались ждать, хотя и без твёрдой веры этому «облупленному носу». И обе гадали, а вдруг обманут?..

Дед Фёдор был спокоен. Он стоял возле кучи дров, шевелил губами, что-то высчитывал, должно быть, прикидывая фронт предстоящих работ.

Затем с озабоченным видом дважды обошёл дровяную кучу, остановился возле томящихся сомнениями девушек и высказал такое своё соображение:

— Вот что, девки, я думаю, вам с колуном не справиться. Тяжёл он для вашего плеча. Давайте поступим так: я буду колоть чурбаки, а ваше молодое дело — возить колотые дрова под навес и укладывать в поленницы. Думаю, недели за полторы можно полностью с ними управиться. Как вам такой расклад?..

Зина с Шурой не знали никаких иных вариантов, переглянулись и с радостью согласились. У обоих заметно поднялось настроение, и лесорубов они ждали уже по-доброму.

Часа через полтора и им привезли дрова: сначала Зацепиным, затем у двора Мурашкиных свалили точно такую же машину берёзовых чурбанов.

Осталось Зине побежать в дом за деньгами, чтобы с мужиками рассчитаться. Мать уже ждала её, сидя на кровати. Узнав, что цена на дрова повысилась, она не удержалась и съехидничала:

Иван Никольшин. Трудная зима

— Конечно, как же им не подорожать, целый год одиноко росли в лесу, обносились и одичали...

— Это деду Фёдору — лафа: ему бесплатно... — весело заметила Зина.

— За это «бесплатно», дочка, ему ногу пришлось на войне оставить, — съязвила мать.

— А что, ему разве за ногу дрова? — не поняла Зина материнского сарказма.

— Да нет, дочка, это я так, с досады сморозила, — поспешила оправдаться Елена Петровна.

И отвернулась — стала глядеть в окно на мужиков, толпящихся возле двора.

Дед Фёдор ещё до приезда машины пришёл к Мурашкиным и сидел в тенёчке клёна с обещанным «пузырём» в кармане.

Зина вынесла тарелку солёных рыжиков, вилки и стаканы — всё поставила на завалинку.

Лесорубы, разгрузив машину, сразу же кинулись к выпивке, налили по стакану. Мужик-молчун первым ухватился за свой гранёный. Поднёс к носу и понюхал.

Дед Фёдор предупредил:

— Смотрите, осторожнее. Первач...

— Ничего, мы привычные, — успокоил его старший лесоруб и опрокинул дедово изделие в широко раскрытый рот.

Молодой поманежился для вида, как бы показывая, что он не хочет пить, а его кто-то принуждает. Но манерничал он недолго и тоже, не хуже пожилого напарника, одним дыхом опорожнил свой стакан.

Оба быстро завеселели, ожили и забормотали что-то пустое.

Зина вручила деньги узкоглазому шофёру, презрительно поглядывающему на захмелевших мужиков, он дал ей расписаться в поданной бумаге.

Молодой, как и давеча, опять стал цепляться к Зине со сватовством, пожилой Сергеевич лишь убаженно сопел, чихал и тёр нос рукавом рабочей куртки.

— Ладно, выпили, потешились, теперь дуйте ко дворам. Ать, два, руки в гору — и поехали! — по-военному scomандовал дед и для убедительности костылём указал направление дороги.

Лесорубы не стали ждать повторной команды, подошли к машине и полезли в кабину к скучающему шофёру. Старший из лесорубов обиженно скосил на деда Фёдора глаза, выставил трубочкой толстые губы и, желая подразнить старика, прогудел го-

Иван Никульшин. Трудная зима

лосистым паровозом: «У-уу!» Молодой в подражание ему взвизгнул дурашливым фальцетом.

С тем они и отъехали.

— Вот жеребцы! — засмеялся над их дурачеством дед.

И Зина с Шурой тоже рассмеялись.

7. Этот загадочный дед Фёдор

Дни стали короче, ночи — длинней, с заморозками под утро, но погода всё ещё была светлой, солнечной, будто специально подгадала под заготовку дров.

Ещё восход не отгорал, ещё розовый туман стлался над камышами непересыхающего болота, а дед Фёдор уже с задорным хыканьем взмахивал тяжёлым колуном, и чурбаки под его ударами звонкими поленьями разлетались по сторонам. Особенно работа ему давались по утреннему, раннему морозцу.

Зина с Шурой приходили к деду после того, как управятся с домашними делами. У них задача одна: загружать дедову тележку подсушенными под солнцем поленьями и везти их под навес дровяника.

Артельная работа спорилась: с дедовыми дровами было покончено в три дня, с Шуриными — на день больше. А вот с Зиниными работалось уже с ленцой, без прежней, звенящей удали: дед Фёдор заметно притомился, колол чурбаны с «перекурами» и даже как бы нехотя.

А в общем-то они всё равно были молодцами: управились посухому, лишь однажды за эти дни мелкой, ледяной дробью сыпануло на них из тучки, вылетевшей из-за ближней, берёзовой рощи. Но и эта тучка пролетела быстро, рассеявшись за деревней в недалёких полях.

А вот потом уже, через день или два, небо заволокло сплошным покрывалом мрачного ненастья. Дождик сеялся долгий, нудный, мелкий и частый. Земля стала хлопать и пузыриться.

В субботу баню отменили, чтобы не шлёпать по грязи. Дед Фёдор сказал, что в любой ближний, светлый день протопит.

Теми же днями была у них с медицинским обходом, а вернее сказать, с объездом деревенок своего врачебного участка, Софья Леонидовна. Шуриной матери она дозволила помывку в бане, только не в жаркой, не в первый чтобы пар.

Зине с Еленой Петровной велела продолжать прописанный ею «тренаж», не давать застаиваться крови в ногах, как она говорила. При отёках назначила гель, привезённый ею.

Иван Никольшин. Трудная зима

В общем, ничего нового, всё то же самое, что и раньше. Но Елене Петровне показалось, что её ноги начинают «оживать». Зина никакого улучшения в её болезни не заметила и решила, мать просто внушает себе это «улучшение».

Ну и пусть внушает, решила она: добрые внушения тоже, говорят, во благо здоровью...

С наступлением ненастья совсем скучная потянулась пора. Даже надоедливые серые вороны перестали летать: нахохлившись, дремали по целым дням под дырявым навесом старой пожарной каланчи.

Зина от кого-то слышала, что долгое нахождение в замкнутом пространстве действует угнетающе на человека. А они с матерью почти неделю сидят в четырёх стенах: обо всём успели переговорить, перетолочь, пересыпать из пустого в порожнее.

И Елена Петровна, хорошо чувствующая избыточное утомление дочери, как только увидела, что за окном развиднелось и посветлело, сразу же и предложила Зине:

— Что-то нашего старика давно не видно? Забыли мы его. Ты бы, дочка, сходила, проведала, да и убралась там. Также давно у него с Шурой не прибирались.

Зина и сама думала об этом. И так обрадовалась материнскому предложению, что и звонить Шуре не стала: и без того за эти дни по мобильнику все уши друг другу прожужжали.

Молча накинула на себя старую брезентовую тужурку, в которой мать, должно быть, ещё телят пасла, влезла в глубокие галоши и побежала по мокрой, осклизшей земле.

Хозяйина дома застала за делом. Фёдор Лукич в окружении набора различных стамесок, долот, буравчиков, ножей, шилец сидел перед кухонным окном и вырезал на столовой доске фигуру смеющегося солнца, славянского Ярилу, как сам пояснил.

Зина постояла за его спиной, понаблюдала за резцом и спросила:

— Откуда, деда, в вас столько умелости? И всё-то вы знаете...

— Эх, милая! — засмеялся дед в свои пегие усы. — Поживёшь с моё, и ты, голубушка, много узнаешь. Хотя сразу скажу: знать и уметь всего невозможно. Потому ещё в древние времена люди разделились на сословия пекарей, кузнецов, плотников и прочих разных работников. Каждый на своём месте должен вести дело, которому обучен. А все вместе мы, живые существа, творим одну великую общую жизнь, называемую всемирной историей человечества.

Иван Никульшин. Трудная зима

При этих словах Фёдор Лукич поднял доску, подержал перед глазами на расстоянии вытянутой руки, полюбовался узором и остался недоволен.

— Глазки Ярилы должны смотреться повеселее. Следует чётче их обозначить и улыбку пустить шире, — сказал он, поворачиваясь к Зине. — Я ведь, деточка, когда-то историком собирался стать, — вернулся он к её вопросу. — Два курса исторического факультета кончал, а тут в армию срок пришёл. Так и пролетела потом вся моя здоровая жизнь по армейской линии. Малость повоевать довелось за наш общий интерес, и вот что из этого получилось, — широко откинувшись на спинку стула, пяткой протеза шаркнул он о пол. — А ещё одну зиму малолеткам, угодившим в колонию, пришлось историю преподавать. Это уже случайно вышло в одном гарнизонном госпитале, когда мне вот эту ногу, — похлопал он ладонью по коже протеза, — под мои параметры подгоняли.

Фёдор Лукич коротко вздохнул, посмотрел в окно и продолжил:

— Тогда там же, в отдалённом посёлке колония малолетних правонарушителей обреталась. От них молоденькая учительница сбежала. А начальник той колонии дружил с главным хирургом нашего госпиталя. Он хорошо знал мою биографию, знал, что я помешан на истории древнего мира. Сказал про мой интерес начальнику колонии. Тогда же оба прицепились ко мне: «Выручи да выручи, ты же служивый человек: подмени сбежавшую дивчину! У тебя-де получится. И время для себя с общей пользой проведёшь...»

Поупирался я, поупирался, в основном из боязни, что ничего у меня не получится: обману себя и мальчишек — тоже сбегу от них. Досада взяла на себя: ты же боевой офицер!.. И уступил просьбам. Была не была, испытаю себя!..

Пришёл в учебный класс на костылях, с закатанной штаниной, но при всех боевых регалиях. Это, кажется, впечатлило ребят.

Про свою далёкую Афганскую войну рассказал. Рты разинули, заслушались, зауважали.

И стал я им вкладывать в их незрелые головы, что по учебной программе положено: рассказы о Ганнибале, о Цезаре, о героических спартанцах, о походах Александра Македонского. И, кажется, увлёл: даже самых отпетых неслухов проняло. Стали слушать, как говорится, взахлёб...

Когда пришла пора расстаться, жалели, что я — временный у них. И я жалел. Может, и прижился в том рабочем посёлке.

Иван Никольшин. Трудная зима

Но тут у самого беда: мать слегла, надо было домой спешить — живой застать...

Фёдор Лукич вздохнул и помолчал. Зина тоже удивлённо молчала: какой интересный человек рядом!..

— Мать слепенькой уже была, — как бы откуда-то издалёка продолжил старик. — Увидела меня, хромого, удивилась и заплакала. Ещё удивилась, что приехал не один... Я же ничего не писал об этом...

«Какая жизнь!» — дивилась Зина. А они с Шурой, как две мокрые курицы, живут, ничем не интересуясь.

Она слышали что-то отдалённое. Ходили разговоры среди женщин, приехал Фёдор Лукич не один: с ним была женщина по имени Фрося — молодая, смуглая, с волосами в мелких завитушках, с большими золотыми серьгами в маленьких, розовых ушах. Ни у кого в деревне не было таких серёжек. Зина даже сама раза два видела её, но как-то смутно и тускло. Это, наверное, потому, что сама была ещё ребёнком.

Уже потом, учась в старших классах, эту тётю Фросю с её тонкими золотыми серьгами, двумя блестящими кольцами свисающими до её узких, круглых плеч, по-иному и представить не могла, как только в образе древнеегипетской богини из учебника истории древнего мира.

Говорили как-то бабы, что в иные минуты дед Фёдор и называл её: «Моя богиня».

А в общем-то жили они тихо и незаметно, занимались огородом, выращивали цветы дивных расцветок у себя в палисаднике. Иногда на дедовой «лайбе» ездили в город за покупками, иногда на рыбалку с удочками.

А ещё бывало, вечерами, растворив окно, вдвоём под гитару пели что-то совсем как бы нездешнее, задумчиво-далёкое и нежно-печальное.

Но однажды дедова Фрося так же тихо и незаметно уехала от него. Он, сказывала тётя Оля-почтариха, тосковал по Фросе, ожидал её и до сих пор, наверное, ожидает. Только не приедет она к нему.

Об этом тоже тётя Оля говорила.

Было это лет пять тому назад. Принесла она деду письмо от Фроси, где будто бы его «богиня» тепло и нежно благодарила Фёдора Лукича за совместно прожитые годы и просила больше не тревожить и не ждать её. Она свою судьбу связала с другим человеком, и у них появился ребёнок.

Иван Никульшин. Трудная зима

Почтариха говорила, будто бы, причитав это письмо, дед Фёдор налил себе стакан водки, выпил залпом, снял со стены свою армейскую гитару и спел Есенина: «Клён ты мой опавший, клён заледенелый, что стоишь, нагнувшись, под метелью белой?..»

С тех пор так и живёт скучным отшельником. А гитара и ныне сиротски висит у него за крашеной перегородкой в его спальне. И они с Шурой, убираясь у деда, каждый раз протирают её от пыли.

Зину не удивляет дедово одиночество. У него много книг, им давно прочитанных, но он их не выбрасывает, как ныне делают иные ворчливые старухи, говоря: «Ну их к шутам: от них лишь пыль собирается...»

Дед Фёдор — начитанный человек, так думает не одна Зина — мать. К нему на его стариковские премудрости порой приезжают не только его скучающие сверстники, бывают и молодые, довольно занятые люди. Глава сельской администрации Табакуров часто навещается. С ним больше о производственных делах у них разговор.

А как-то по теплу, когда они с дедом занимались дровами, на мотоцикле с коляской приезжал старик с жёлтыми, совиными глазами, с гладко расчёсанной окладистой бородой. Он запомнился потому, что на нём одежда была как бы монашеской, что-то вроде гладкой, серой сутаны чуть ли ни до пят. А на её нагрудном кармане крест вышит розовыми нитками. Это тоже бросилось в глаза.

Увидев гостя, Фёдор Лукич отложил колун, присел со стариком на лавочку, и оба деда стали говорить между собой, поглядывая, как они с Шурой из готовых поленьев городят «домики» для просушки.

Приезжий смотрел, смотрел на их работу, да и спросил по-смешному замысловато:

— Это чьи такие отроковицы на тебя батрачат?

Дед Фёдор поднял голову, прищурился на солнце и ответил совсем просто:

— Местные обе. Одна, — кивнул на Зину, — дочка Лены Мурашкиной, вторая — Нади Зацепиной девка. Родительницы-то обе в хвори пребывают. Вот они теперь тут у нас за хозяек.

— Оно и видно, что не городские, — согласился старик. — Городские-то избалованы: не больно трудиться заставишь...

Он потрогал бороду и добавил внушительно:

— Вот и сказано в Святом писании: «Пойдут девицы — бестыжие лица». И пошли ведь, телевизор хоть не включай, одна голозадая трясучка...

Иван Никольшин. Трудная зима

Дед Фёдор промолчал, а приезжий продолжил:

— Ныне вся современная жизнь сходится по писанию: голодные моря в Африке, дурные поветрия по всему Свету, истребление детей на Востоке... А ещё сказано, — легонько шевельнул плечами дед. — «И поднимется брат на брата...» И ведь поднялись, никуда не делись, — вот оно, писание: верно всё предугадало...

Он намеревался что-то ещё сказать, но Фёдор Лукич опередил его, коротко спросив:

— А что, прежде этого не было?

Гость замялся, пальцами поплутал в своей необъятной бороде и нехотя согласился:

— Было, конечно, но не так, как теперь. Вот и приехал к тебе поговорить о некоторых сомнительных вопросах. Ты у нас человек бывалый — повоевал, пороха понюхал, — скосил приезжий глаза на протез Фёдора Лукича. — Вот я и хотел спросить как человека повоевавшего: ты пошёл бы в разведку с лицом двойного, тройного гражданства? Али как?..

— Пошёл бы, — сразу же ответил дед Фёдор, — но только сначала пристрелил бы его.

— Как это?! — воскликнул гость, изумлённо вскинув голову, и кустистые брови его поползли вверх.

— А вот так, чтобы случайно в спину мне не пальнул! — быстро ответил дед Фёдор. — А как по-другому ещё? Мне доверено два десятка солдатских жизней, на мне — успех важной, боевой операции. И мне неизвестно, чем дышит этот двойной гражданин, какая страна в данный момент ему дороже: та, где он родился, или та, где свои деньги хранит...

Бородач смотрел на деда Фёдора и не верил ему. И Зина не верила: так уж и застрелил бы?..

— Ну и шутки у тебя! — засмеялся гость и покрутил головой, косясь на Фёдора Лукича. — Хотя ты и в парнях был горяч.

— А я и не шучу, — сухо ответил дед Фёдор и спокойно пояснил: — Когда на кону интересы страны и жизнь людей, то не очень как-то шутится. На войне не до шуток. Туда идут умирать и побеждать. «Или со щитом, или на щите», — говорили матери древних спартанцев, провожая на бой своих сыновей. А тебя чего замутил этот вопрос? — спросил он гостя.

— Да как-то сам возник. Да и в Думе недавно поднимался вопрос двойного гражданства. Правда его тут же замылили... Выходит, не всем он с руки... Да я не только с этим к тебе при-

Иван Никульшин. Трудная зима

ехал, — пояснил гость и подвигался на скамье, плотнее устраниваясь.

Зину увлёл разговор двух старых людей — она даже дрова в тележку стала класть тише, но тут у Шуры со звоном посыпался дровяной домик, кинулась помочь ей. Потом повезла тележку под дворовый навес. Пока хлопотала там, выкладывая поленицу, вернулась к разговору стариков, когда с двойного гражданства они перенеслись уже на искусственный интеллект.

Об этом интеллекте теперь по телевизору постоянно болтают. Им с Шурой тоже интересно. Не далее как вчера они смеялись, говоря для прикола: «Если он такой умный, что даже превосходит нас, то в следующую зиму родительниц оставим на его попечение. Пусть сам с хворыми женщинами управляет: лекарствами их поит, блины печёт, на тележке в баню возит, а мы для своего удовольствия в город махнём».

И, дурачась, хохотали, представляя, как всё это в натуре должно выглядеть.

Выходит, зря прикалывались, если даже два почтенных деда о нём взялись всерьёз толковать.

Дед Фёдор, привыкший говорить обдуманно, на этот раз говорил с лёгким раздражением. Бородач лишь морщился, слушая его, кивал головой и временами реплики подавал.

— Надо думать, — по-лекторски убеждённо звучал голос Фёдора Лукича, — искусственный интеллект — это не творение Бога, а значит, без живой человеческой души. А коли нет одухотворения, то он всего лишь чисто техническая функция, набор электронно-механической изощрённости человеческого ума...

— Дьявола затея, — по-своему быстро определил электронную новшество гость.

Фёдор Лукич без внимания оставил его замечание и продолжил, ставя твёрже голос.

— Машина не может ни чувствовать, ни смеяться, ни плакать. В сущности, это обычная техническая химера! — рубяще взмахивал он костылём в такт своим рассуждениям. — Поскольку чувства ей недоступны, то соображения, вложенные в неё, могут обернуться против самого же их создателя. Писали же фантасты прошлого о «бунте машин». Вот оно и приходит, время этих умных машин, готовых на бунт.

А почему бы ей не взбунтоваться, ежели по своему уму она превзошла самого хозяина? — в упор обратился он к бородачу. — Уже не он, она приняла на себя весь порядок обще-

Иван Никольшин. Трудная зима

ственной жизни, всю гамму социального уклада. Она и видит, и слышит, и производит буквально всё необходимое для её собственного существования. Зачем в таком случае ей человек? Существо слабое, хилое, безнадежно изленившееся за счёт труда машин, превратившееся в беспомощный живой кокон потребления...

Разумеется, произойдёт это не сразу, не в один год, — провёл костылём дед Фёдор перед собой на земле жирную черту. — Возможно, даже не одно столетие уйдёт на формирование этого кокона стандартного дармоедства. Только вот зачем и кому это нужно? — повернул Фёдор Лукич глаза на гостя. — Природа строилась и живёт по законам суровой необходимости. Всё ненужное, бесполезное решительно отторгается. Вот и человек отторгнется. Искусственный интеллект и погонит человеческое никчёмное существо электронной метлой, как дворники гонят несчастного шелудивого пса со своего двора.

Этим и кончится эра нашего полного безраздельного царствования на Земле. Один бездушный механический разум будет владычествовать!

Дед Фёдор последнюю фразу произнёс с такой суровой убедительностью, что Зина задержала полено у себя в руке, и мысль её унеслась в такую запредельную даль, в которую и дед Фёдор не посмел заглянуть.

«И тогда, — думала она, — искусственный Интеллект Земли соединится с интеллектом других планет, во всём звёздном пространстве образуются Вселенская империя Искусственных Интеллектов; она искоренит живой дух человеческой плоти и с помощью компьютерных флешей будут плодить себе подобных механических существ».

У неё зашумело в голове: ей показалось забавным всё, о чём она думала. Поразившись своим мыслям, она обозвала себя дурой и принялась зло и сурово звонко бросать дрова в тележку.

А мысли-то всё равно кипели, и она удивлялась: «Надо же, о чём говорят старики! Этот бородатый «монах» специально поговорить ехал. Дома, наверное, дела, заботы, а ему поговорить интересно. И мне интересно. Вон Галина Ивановна удивляется, с чего это попса повсеместна? «Всё талантливое в себе умервила, ничего выдающегося не появилось за время её существования...» А с того и повсеместна, что у молодёжи интерес к ней разбудили. А кто возбудил? Это даже городская Мальвина знает. Она и сказала, что всем управляет бабло.

Иван Никульшин. Трудная зима

Когда с ней ореховские девчонки заспорили, она уверенно повторила, выкатив глаза с наклеенными ресницами: «Да, и мой бой-френд так считает! А он лучше вас знает. У него папа газом торгует».

Вот какие вихри кружили тогда в Зининой приметливой голове.

И сами мысли, и разговор тот двух стариков на скамейке не остался для неё пустым звуком. Дома она сказала матери: «Знаешь, мама, как наши деды сегодня меня удивили! Живут среди навоза, а мыслями возносятся к звёздам».

И пересказала содержание их разговора.

«А чего же в этом дурного? — сказала мать. — Кто не смотрит далеко, тот и близко ничего не видит».

А кончился тот разговор стариков, как ей показалось, ничем. Приезжий бородач, выслушав деда Фёдора, долго молчал, уткнувшись совиными глазами в землю, затем шумно выдохнул, резко вскинул голову, решительно произнёс:

— Вот и я так думаю! Без живого духа любая живая материя мертва. И сам человек без души — живой мертвец.

Завёл мотоцикл и коротко сказал: «Мне к обеденной службе надо поспеть».

Газанул мотором и покатил, подпрыгивая среди ямин и колдобин грунтовой дороги.

Зина описала матери фигуру этого бородача, и она по её описанию определила, что это, похоже, Андрей Плещеев, свечной староста из ореховского храма архангела Михаила.

И пояснила, что они годки с Фёдором Лукичом. В молодости оба ералашили: тогдашние ореховские парни во главе с Плещеевым не позволяли елховским женихам ездить к девушкам своего села, елховские же под водительством Фёдора Лещёва гнали ореховских ухажёров от своих невест. До драк дело доходило.

— Только всё равно по их не получалось, — засмеялась мать. — Бабка Уля Трындыкова, мудрая была старуха, царствие ей небесное, вот что по этому случаю нам, молодым губошлёпкам, говорила: «Вот что вам скажу, юные молодухи. Запреты против любви бессильны. Коли девка полюбила, любой замок ей нипочём: к небесам взлетит, а своего добьётся».

И нас никакой запрет не останавливал, — смущённо призналась Зине мать. — На то она и молодость, что ветер шумел в голове. Это в старости все умненькими да гладенькими становятся. Мы девчонками тоже украдкой в Орехово на танцы бегали. Тётя Галя там и приглядела себе дядю Лёшу Стукалина.

Иван Никольшин. Трудная зима

Да и Шурин папа, Павел Сергеевич, тоже родом из Орехово.

Оказывается, с глубокой старины так ведётся: всякий разумный родитель свою дочку в чужую деревню стремился выдать замуж. И это не его вредная прихоть, а истинно родительская забота о чистоте потомства: прежде, чем отдать дочь в чужую семью, дотошные старики до седьмого колена высчитают родословную жениха; проверив, не было дурных болезней в его роду, не подвергался ли сам дурным искушениям.

Живя одной своей деревней, родством легко и перемешаться за века.

Тогдашние невесты хорошо это знали, с того и разбегались у них глаза на чужедальних женихов.

И Зина тихо удивилась: до чего проста разумность векового деревенского уклада! Совсем не глупыми были прапрадеды и прабабки, держась житейских заповедей отцов...

И она посмеялась над собой в душе, довольная тем, что им с Шурой не грозит никаких кровосмешений: для них совсем не осталось в их деревне женихов...

И ещё она восхитилась: какая всё-таки интересная жизнь до них кипела в их Елховке! А они с Шурой никогда всерьёз не озадачивались её историей; словно две весенние бабочки, беспечно порхали с цветка на цветок, ничего вокруг не замечая.

И она с удивлением спросила себя: вот куда и зачем только что уносилась своими беспорядочными мыслями, в какое тридцатое царство? Забыла, с какой заботой к деду Фёдору пришла?..

Он тоже за своими мыслями ничего не стал спрашивать, поднялся со своего табурета, принялся раскладывать инструмент по деревянным ящичкам.

И Зина думала, следя за его уверенными движениями: какая всё-таки замечательная судьба у этого старика! И с какой простотой он только что говорил о своей работе в детской колонии. Воспоминания взволновали его: на переносице три складки собрались.

А история с Фросей? Это же тоже, их бывшая учительница Антонина Васильевна сказала бы: «Целая печёринская драма», — и дед её молча пережил.

И сейчас, наверное, всё ещё переживает. Фотография Фроси и сейчас стоит в зале у деда на его комод. Красивая, хотя красоту каждый по-своему понимает. У хорошего человека она изнутри льётся.

На одной из столовых досок у деда, — а он их с десяток, наверное, купил, чтобы изливать свои фантазии, — на одной из

Иван Никольшин. Трудная зима

его досок изображена женщина, на Фросю похожая. Он её повесил у окна против печного чела. И теперь, когда топит печь, огненные блики играют по резьбе, и женщина как бы оживает, благодаря весёлой игре света.

Только недавно заметила это и сказала Шуре. А та палец к губам приложила, чтобы молчала. Тоже поняла, что неспроста это у деда. У него всё простое неспроста...

Пока с дедом говорили, в передней, светлой зале, почти всегда пустующей, пробили часы. Они всегда бьют так гулко и внушительно, что заставляют думать о чём-то древнем и навсегда ушедшем.

А сейчас заставили вспомнить, с чем пришла к старику, и она сказала, морщась и глядя на усыпанный опилками и стружкой пол кухни:

— Дедушка Фёдор, я ведь хотела бы прибраться у вас.

Хозяин поднял своё старчески худое лицо и улыбнулся, оглядывая мусор.

— Спасибо, милая! А я тут вон сколько насвинячил. В моём ералаше сам чёрт себе ногу сломит.

Ты вот что сделай, пока я разбираюсь тут со своим поделочным свинством. Ты бы, милая, тем временем в чулане сенцев с моими беспорядками расправилась.

— Как скажете, — с готовностью сказала Зина и, прихватив ведёрко с водой, тряпку, швабру и веник, вышла в сени.

Убираясь в сумеречном, пахнущим залежавшимися вещами чулане, с пылью и паутиной, она открыла большой, глубокий сундук, с какими в старину невест выдавали замуж. Разбирая его, копаясь среди мелких столярных инструментов, буравчиков, стамесок и рубанков, неожиданно подняла довольно потрепанную книгу в толстых корках. «Сказки русского Белогорья», — прочитала.

Подивилась году издания: 1931 — почти сто лет назад!

Смахнув тряпицей пыль с книги, понесла показать Фёдору Лукичу.

Он сначала ничего не понял, взял книгу в руки, отстранился, чтобы лучше рассмотреть, и вдруг лицо его засветилось радостью, глаза заблестели, губы задрожали. Он поднял над собой книгу и закричал:

— Это же бесценное сокровище моего детского сердца! Сколько радостных минут пережито с ней!

И стал живо перелистывать книгу, смотреть иллюстрации, по-детски мило улыбаться в свои пегие усы, взволнованно по-

Иван Никольшин. Трудная зима

глядывать на Зину. Его глаза светились молодым блеском, даже паутинка морщин под ними лучилась как-то по-особому.

Она удивилась, хотела засмеяться, но не посмела и, желая выглядеть умно, нарочито-бойким голосом спросила:

— Дедушка Фёдор, не жели вас, такого героического человека, могли увлечь сказки? Это же забава древних старух... Сейчас продвинутые люди Маринину читают...

— Э, не скажи, милочка! — отмахнулся от неё хозяин. — Ваша Маринина, в сравнении с русской сказкой, как раз и есть плевков в никуда. Наша народная сказка велика, мудра и по-житейски необъятна! «Сказка — ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок!» — сказал поэт.

Ну, старик! Какой он всё-таки разный. И о себе подумала, что тоже, наверное, бывает разной. И все люди в разное время бывают разными. Не может человек быть застывшим, как металл.

Вспомнила их разговор на скамейке с бородатым Плещеевым. Тогда на вопрос, пошёл бы он в разведку с человеком двойного гражданства, Фёдор Лукич ответил: «Да, но сначала пристрелил бы его...» Тогда его ответ сильно смутил её. Раве так можно? Не игра ли это в жестокость?..

А когда с матерью об этом говорила, она сказала: «На войне своя мера весов». Но не похоже, чтоб дед Фёдор ожесточился.

Он вон о сказках так славно говорит. Правда не о всех. О современных, которые читают по телевизору, сказал, что они сухи и примитивны, поскольку за их сочинительство берутся бесталанные люди, без художественной фантазии в голове. О таких сказках не скажешь: «Там русский дух, там Русью пахнет».

Сам того не замечая, он разгорячился, стал ходить по кухне и говорить, в лад самому себе постукивая о пол клюшкой:

— Сама наша деревня исстари дышала сказкой. Да и сама сказка была частью народной жизни. В каждом сельце и деревушке всегда находились самобытные люди вроде покойной сказочницы бабы Дарьи, — остановился он перед Зиной. — Тут и суровые природные условия играли свою роль. Наш деревенский мужик круглый год был в работе. Летом он пахал, сено косил, хлеб молотил, а зимой ему в отход пора собираться: лес валить, дрова возить, чтобы в холодной избе не дать семье замёрзнуть. Сам климат наш нам явлен не для праздности.

Зима — самое время стариков и старушек, способных, лёжа на печи, творить сказку, теща ею души своих детей и внучат. Это на добрых дрожжах их сказок и всходили у нас славные Ильи

Иван Никольшин. Трудная зима

Муромцы, Добрыни Никитичи, героические Евпатии Коловраты, умные Бовы-королевичи, искусные Василисы Прекрасные и все иные хранители и защитники земли русской.

А ты говоришь, сказка — это ерунда! — возмущённо потрянул дед Фёдор клюшкой. — Чему вас только в школе учат?.. Учти и помни, что хорошая сказка готовит маленького человека к большой и правильной жизни. Она его учит тому, что есть лучшего в людях: добру, правде, героической отваге, сердечной справедливости.

Слова разгорячившегося Фёдора Лукича летели, словно искры из жарко горящего костра.

«Вот завела старика! — с неловкостью думала она. — А мы с Шурой учились и ничему этому не научились».

— Русские сказки, — говорил старик, потряхивая костылём, — сострадательны к простому человеку. Как, впрочем, сострадательна и вся наша классическая литература.

У Зины от долгого стояния на месте стало тяжелеть в коленях. Она невольно пошевелилась, дед Фёдор сразу замолк и перекинул взгляд за окно, откуда доносился мокрый лепет листвы на берёзах. Ветер то беспощадно трепал и срывал их, то, стихая, сам падал куда-то вниз, и тогда одинокие ветки мгновенно распрямлялись и занимали своё прежнее пространственное положение.

Они, наверное, напомнили деду Фёдору о том, что пришла пора последнего увяданья. Он взял со стола книгу и решительно протянул Зине.

— Бери и читай! Придёт время, ребятишек заведёшь, им читать станешь. А пока сама читай. Грядущая зима пусть будет вам с матерью подмогой!.. А я эту книжицу ещё в детстве зачитал. А ты теперь читай! Это полезнее, чем в телевизоре на паралитическое вихляние пялиться.

И Зина, прибравшись в избе у старика, забрала книгу с собой.

— Вот, — сказала она матери, придя домой, — сказки дед Фёдор от скуки посоветовал читать.

— А сам-то он чего их не читает? Не помогают ему....

— Сам он народным промыслом занялся, — небрежно ответила Зина. — Столовые доски резьбой украшает.

— Он такой, без дела не посидит, — завистливо проворчала мать и добавила уже с долей лёгкой печали: — Тоску по Фросе в себе выжигает. А нам с тобой, дочка, только и осталось — сказки читать.

Иван Никольшин. Трудная зима

И потекли у них дни в чтении сказок и нетерпеливом ожидании снега. А его всё не было. Погода стояла мутная, грязная, с низкими тучами, с часто морозящими дождями.

Зинин день начинался с того, что, исполнив весь набор назначенных Софьей Леонидовной процедур, отзавтракав с матерью и прибравшись по дому, она садилась к окну и бралась за сказки. Читала, молча погружаясь в мир удивительного волшебства и чудных приключений.

Елена Петровна день понаблюдала, другой посидела, сложа руки, томясь дочерним молчаливым погружением в книгу, и однажды не выдержала.

— Зин, чего взялась за сказки? Вот влепилась! Вот невидаль!.. Да ты их сама с бабкой Дарьей выдумывала. Всё какого-то красного дятла поминала. А теперь за книгу взялась. Мне скучно смотреть на тебя.

— Так интересно же, мама.

— Тогда вслух читай, чтобы и мне было интересно.

Вслух, так вслух, и она стала читать вслух.

Елена Петровна, свесив ноги с кровати, сидела, слушала, напряжённо вытянув шею. Иной раз вмешивалась в чтение, поправлять начинала сказку, и тогда у них с дочерью доходило до спора.

— Это что же он ведёт себя по-хамски? — возмутилась как-то она героем сказки «Два Ивана — солдатских сына». — Пришёл царевну спасать, а сам головой улёгся ей на колени: «Ну-ка поищи у меня в голове». Это хамло какое-то, а не благородный витязь.

— Мам, это же сказка. И потом, в старину не было химии — вшей вручную выводили. Нас русские бани с прожаркой белья хотя бы спасали. А вот во Франции, где бань не знали, даже по королевскому дворцу вши вразвалочку ходили...

— Прям, скажешь, вразвалочку!.. — засмеялась Елена Петровна.

— Да, вразвалочку, — смеясь, отвечала Зина. — А ещё в обнимку с придворными дамами: с баронессами, виконтессами и всякими прочими маркизами.

— Ну, Франция — ладно, бог ей судья! — отступилась Елена Петровна от виконтесс и маркиз. — Но здесь-то герой не француз, а русский удалец, с лютым змеем не заробел сразиться. Ему сам Бог велел с девушками поприличней себя вести. Перед ним всё-таки — царевна, и он — сын солдатский, а не хвост собачий...

Иван Никольшин. Трудная зима

Подобные перепалки случались нередко. Порой Зина до слёз смеялась над проявлением материнского возмущённого благородства...

Эти дни со спорами, с горячими обсуждениями поступков героев, с радостями и горестями переживаний за них, пробегали гораздо веселей прежнего.

Зина прямо-таки вжилась в деда-Фёдора подарок, иной раз у неё сердце закатывалось от дивных, сказочных страстей.

И всё равно чего-то не хватало, была тоска по чему-то светлому и высокому. А где оно — это высокое?..

Часто вспоминался Игорь Стукалин, прогулки с ним по школьному коридору.

Где теперь всё это?..

8. Волчьи ночи

Наконец природа как бы одумалась: перестала квасить грязь, время на зиму повернула. В одну ночь от выпавшего снега вокруг стало бело и в окнах заметно посветлело.

С этой поры и потянулись студёные долгие ночи — волчьи, про такие обычно говорят.

Звёзды по всему небу ясным жаром разбегались; само небо было высоким, ясным, с мучнисто холодной дымкой Млечного Пути.

Под вечер полная луна лениво выкатывалась из березняка, словно диск огненно-раскалённого колеса; она звала и манила Зину с Шурой на вечерние задумчиво-одинокое гуляния.

Когда-то под такой же раскрасневшейся от мороза луной, под такими же высокими звёздами гуляли заневестившиеся елховские девушки, своими задорными песнями маня и вызывая нерасторопных ухажёров на жаркие любовные свидания.

Зина с Шурой тоже взяли себе за правило задолго до сна с песнями гулять по улице. Пройдут из конца в конец, споют одну, другую песню. Чаше почему-то на ум приходила давняя: «Огней так много золотых на улицах Саратова, парней так много холостых, а я люблю женатого...» — из почти совсем забытого советского кинофильма.

Взрослые девушки, которых помнила Зина, когда-то пели её. А теперь они с Шурой поют. Дойдут до общественного колодца, встанут рядышком, потомятся, оглядываясь вокруг: а нет никаких парней — ни холостых, ни женатых. Один дед Фёдор на всю Елховку — человек мужского звания. У него — огонёк в окнах.

Иван Никольшин. Трудная зима

Не спит старик, наверное, читает или какое-то хозяйственное занятие себе нашёл.

Им же с Шурой только и остаётся — бесцельно глазеть на звёзды да вспоминать весёлые школьные вчера и свои первые подростковые заигрывания с парнями.

Игорь Стукалин вспоминался обеим. И Зина, и Шура скрывают, что думы у обеих о нём: где он теперь, что делает в этот вечерний час? Наверное, с Зойкой Смагиной в клуб под ручку пошёл. И сразу у обеих зависть с досадой на эту Зойку Смагину: чего это она возле Игоря ошивается? И он возле неё чего, как мокрый телёнок, слюни распускает? Почему не гонит от себя?

Оно, на самом деле, может, и нет никакой этой Зойки возле Игоря, может, вообще ничего нет, а мысль ворочается, зацепляется, гложет. И с языка Шуры нечаянно срывается.

— А я бы не пошла...

— Куда, с кем не пошла? — сразу, настораживаясь, подхватывает Зина.

— Да ни с кем — так я: ни о чём...

И, отворачиваясь, смотрит на звёзды. И Зина отворачивается, подносит варежку к носу, тёплым воздухом в неё дует себе на пальцы. Скучно, тоскливо обеим.

А вокруг со всех четырёх сторон — безраздельная тишь морозной, лунной ночи. Слух девушек напрягается, им начинает казаться, что до них долетает звон самой яркой в небе звезды. Он похож на тихий, малиновый звук. И сердца девушек начинают волноваться от чего-то вечного, близкого и одновременно недостижимого. Зине становится так тошно от сосущей сердце печали, что хочется выть. Она поворачивает к Шуре бледное от лунного освещения лицо и говорит:

— Тебе ничего не хочется? А давай повоем.

— Как это? — не понимает Шура.

— А как волки. Я буду голосом матёрой волчицы выть, будто нехорошие люди отняли у неё волчат. А ты вой подголоском, с тонким надрывом, будто ты ещё совсем молодая волчица, тебя в стае все обижают. И ты как бы жалуешься полям и лесу на эти обиды: у тебя нет ни еды, ни звериного приюта. Всё отняли не добрые люди. И тебе тошно жить.

— А давай, — соглашается Шура. — И правда, отчего-то тошно...

Она расправляет плечи, выпячивает грудь и выдавливает из себя первый звук, короткий, треснувший, как пересохшая еловая шишка.

Иван Никольшин. Трудная зима

— Слабо, — не понравилось Зина. — Вот слушай меня.

Она попрыгала на месте, давая хрустящий снег, ободряюще хлопнула себя по бёдрам, вскинула голову, вытянулась всем телом и завывала по-звериному дико, протяжно и густо.

И такое утробное отчаяние пролилось в этом звуке, что у самой навернулась слеза.

— У-ууи! — отозвались эхом лес и небеса.

— У-уу! — покатилося по заснеженному полю.

Во дворе деда Фёдора заблеяла, заволновалась коза Дарька.

— Уии-и! — не давая оборваться звуку, скуляще тонко подхватила Шура.

Сладившись, они стали выть то отдельно, то вместе. Звуки лились один за другим и умирали где-то далеко за деревней. Выли долго, дружно, до холодных мурашек на спине.

В окне передней половины избы Фёдора Лукича загорелся свет. Вскоре хлопнула сенная дверь, морозно проскрипело крыльцо, два ружейных заряда один за другим со свистом улетели в небо. С проводов электролинии посыпался иней.

Шура с Зиной в страхе опустили на корточки, притаились за колодезным срубом, варежками прикрыли себе рты.

В окне Шуриной избы с белой от снега крышей тоже тускло вспыхнул свет.

Должно быть, Надежда Захаровна включила ночник у себя в изголовье.

Во дворе Фёдора Лукича тем временем проскрипели воротца карды: старик, должно быть, для надёжности от греха подальше убрал козу в сарай.

Следом звякнула щеколда сенцев, через некоторое время в окнах старика погас свет. И в Шуриной избе вскоре погас.

Деревня вновь погрузилась в вековую тишь ночного покоя.

Подружки воровато поднялись с корточек, с молчаливым укором поглядели одна на другую и так же, молча, побрели каждая в свою сторону.

Войдя к себе в дом, Зина не стала включать света: и без того видно от струящегося в окна мерцания снега во дворе. Мать, в ночной рубахе с распущенными волосами сидящая на кровати, походила на добрую ведьму из сказки.

Когда, сняв с себя цигейковое пальтишко, Зина прошла к своей постели за платяной шкафом, Елена Петровна спросила свистящим шёпотом:

— Это с чего же вы, молодые шалопутки, выть-то взялись?

Иван Никольшин. Трудная зима

Зина не ответила, а мать проговорила:

— Господи, дай терпения!..

Кому дать терпения, не сказала.

Зина накрылась одеялом с головой и затаилась.

Мать вздохнула и умоляюще спросила:

— Зин, может, всё-таки уехать тебе в город к тётке?

— А ты?

— Я как-нибудь одна... Социальная работница будет навешать.

— Мам, давай оставим этот разговор, я же сказала: никуда от тебя не поеду!..

И обе затихли, даже как бы дышать перестали...

А утром спозаранку к ним пришёл дед Фёдор. Зина, лёжа в кровати, слышала весь их с матерью разговор.

— Спит девка-то?

— Спит.

— Ты ночами-то не пускала бы её на улицу. А то у нас никак волки объявились... В лесу жрать-то нечего стало, и скотину во дворах перевели, как бы с лютого голода на людей не стали кидаться...

— Какие волки?! Отколь? — не дала ему всего сказать мать.

— Выли вчера, — неопределённо пробормотал дед Фёдор и отчего-то сам смутился. — Может, это собаки у охотников потерялись? — догадался он.

— С этими охотниками скоро и живой букашки не останется, — не преминула сесть на своего конька мать, припомнив, как эти охотники своей собакой её до инвалидности довели. — С нынешним вооружением, — завела она обычную песнь, — это уже никакая не охота, а самое настоящее палачество! Никакого шанса у несчастного зверя нет на спасение. Какие тут волки? Отколе? Вон Зина сказки читает. Только в наших сказках и остались эти волки. Всю природу искоренили. Живого скворца не услышишь весной. Сами себе яму роём...

— Вот я думаю, откуда взяться волкам? — рассудительно-фальшивым тоном согласился с ней дед Фёдор. — Выходит, и правда, охотники собак потеряли... — с сомнением повторил он. — Они ныне, охотничьи-то, посвирепей волков будут... А девка-то поздно пришла? — топчась у порога, опять перевёл он разговор на девчат.

— Да я и не обратила внимание на время, — с ленивой позевотой ответила мать. — Я рано заснула, — фальшивила она.

— Дело молодое, пусть поспит, — согласился старик, с тем и ушёл.

Иван Никульшин. Трудная зима

Мать помолчала, дождалась, когда дедова фигура за окном мелькнёт, и тихо произнесла:

— Слышала, кукую булгу своим воем подняли?

— Слышала, — нехотя ответила Зина и встала, чтобы затопить печь и начать готовить завтрак.

9. Серебряный колодец

Вечером сошлись они с Шурой и решили, больше не будут выть, станут с песнями ходить, на ледышках по овражному спуску кататься, разными забавными историями себя тешить.

— Буду теперь, Шуручка, тебе сказки пересказывать из дедовой книги, — после того, как обсудили свои домашние новости, со смехом заметила Зина.

— О, только не сказки! — в ответ на её предложение замахала обеими руками Шура. — Лучше что-нибудь взаправдашнее.

— Хорошо, — весело согласилась Зина. — Вот наш Серебряный колодец. Каждый вечер возле него толчёмся, чем тебе не взаправдашнее? Чего ты о нём знаешь?

— А сама ты чего знаешь?

— Вот и расскажу тебе, что от мамы слышала, от деда Фёдора, от других людей. А когда совсем маленькой была, бабушка Дарья говорила, будто выкопал наш общественный колодец знаменитый колдун.

— Да ну тебя! — недовольно поморщилась Шура. — Навыдумываешь, как всегда.

— А вот и не навыдумываю. Дай твою ручку, моя золотая.

Зина взяла Шуриную ладонь, пустила перед собой клуб морозного воздуха и стала говорить медленно, как бы издалека:

— Пожалуй, нет в нашей округе такого сельца, деревеньки, где бы не нашлось какого-то памятного случая, предмета, какой-то собственной реликвии, которую бы помнили, чттили и говорили бы о ней.

В Елховке это не только случай с коровьем пастухом, заснувшим в лугах...

Шура заулыбалась.

— Ну и вот этот наш общественный колодец, — торжественно продолжала Зина, глядя поверх Шуриного вязаного платка, — прославленный своей необыкновенного вкуса водой.

В жаркие дни трудового лета, — легко катился её голос, — всякий прохожий, проезжий человек останавливался у колодца,

Иван Никольшин. Трудная зима

чтобы испытать его живительной влаги, имеющей, как уверяют знающие люди, вкус чистого серебра. А каков вкус у этого металла, никто не объяснил, — улыбнулась Зина, — но колодец прозвали Серебряным.

Поставлен он был на бойком месте: против бывшего конского двора, на краю пологого овражка, вымытого сгоном вешних вод с окрестных полей.

Шура надула губки, рукавичкой пихнула Зину в грудь и плаксиво заметила:

— Ну, хватит тебе насмешничать, Зин, скучно от твоей лекции. Всё это ты ещё весной в школьном сочинении на тему «Там, где мы живём» изложила. Я же помню всё это!

Зина извернулась на месте и капризно возразила:

— А вот и не всё! Там я не писала, что предназначался колодец для водопоя колхозных лошадей и деревенской скотины. Об этом поныне свидетельствует наполовину созревшая, берёзовая колода.

И она указала рукавичкой на то место, где должно было лежать это гнильё, занесённое снегом.

— Ох, какая новость!.. Открыла Америку, а то я этого не знала! — возмутилась Шура и, подражая подруге, продолжила её тоном: — Выкопал колодец не менее знаменитый в округе колодезник дед Яшка по прозвищу Рябчик.

— Ну что, дальше можно не рассказывать? — обиделась Зина.

— Валяй давай, рассказывай! — озорно прокричала Шура и запрыгала, хлопая ладошами в рукавичках.

Зина поправила платок на себе и продолжила:

— Был он маленького росточка, умещался в большой конской бадье, в которой и спускали его в колодец. Все, кто знал этого старичка, вспоминают, что был он от природы сильным человеком, юрким, как мышь.

В помощниках у него ходил Стёпа, большой, неуклюжий малый; он и таскал на верёвке бадью с грунтом со дна колодца. Руки у Стёпы были могучими жилами перевиты, крепкими, как стальные канаты.

— Прямо не человек, а трактор, — засмеялась Шура.

— А сруб для колодца рубил всё тот же Лука Прохорович, отец нынешнего деда Фёдора, — не моргнув глазом, продолжила Зина с прежней серьёзностью.

— Ну, всех вспомнила, никого не забыла, — засмеялась Шура.

Иван Никольшин. Трудная зима

— И был этот колодезник наделён волшебством колдовства, — не слушая Шуру, говорила Зина. — Сквозь землю глубоко мог видеть родниковую жилу.

Тут уже Шура насторожилась. Она знала Зинину привычку пугать её «страшилками».

— Когда Рябчик умер, — перешла на торжественный тон Зина, — прошёл слух среди народа, что его нетленный дух растворился в водах Серебряного колодца. И сейчас он там, среди родниковых вод, — уже грубоватым голосом произнесла Зина, поднимая обледеневшую крышку колодца.

Влажным холодом пахнуло из сруба.

И Шура почувствовала, как напряглись её жилочки.

— Фу! Перестань, Зин, — умоляюще поморщилась она. — Опять страшилка... Я уже боюсь.

— А вот и не страшилка! — воскликнула Зина. — Сейчас посмотрим, есть ли там кто.

Она первой заглянула в створ сруба и замерла, увидев глубоко внизу живую, колеблющуюся тень чьего-то расплющенного лица с чёрными блестящими глазами.

— О, а там кто-то есть! — удивилась она, попятившись и догадываясь, что, должно быть, её тень отразилась в зеркале воды.

И всё равно лёгкий холодок потёк у неё по спине.

— А кто там? Кто? — боязливо ёжась, спрашивала Шура.

— Наверное, добрый дух колодезника деда Рябчика, — шёпотом, с таинственным придыханием произнесла Зина, опять потянувшись к срубу. — Смотри, это его вроде бы там шляпа...

Шура, хотя и страшно ей было, поднявшись на цыпочки, тоже заглянула в створ колодца.

— Ой, и правда!.. А кто это?! — отпрянула она в страхе.

Вместе с ней тоже кто-то отпрянул.

Схватившись за голову, Шура отбежала в сторону и по колено утопла в снегу.

У Зины хотя и билось сильно сердце, но она не теряла нити затеянной игры в страшилку. А Шура по-настоящему испугалась. Она же известная трусиха. Её всякий раз приходится успокаивать.

— Ты чего? — говорила она подруге. — Собственной тени испугалась? У нас дед Фёдор всю нечистую силу извёл.

Шура верила и не верила, стояла в сугробе и не шевелилась.

— Когда, кого извёл? Это что у тебя, новая страшилка такая? — наконец спросила она.

Иван Никольшин. Трудная зима

— Да никакая это не страшилка, — сказала Зина, подавая Шуру руку, чтобы вытащить её из сугроба.

И начала плести новую ерунду.

— А помнишь, ливни на деревню обрушились, вода в колодцах замутилась? — на полном серьёзе говорила она. — Я тебе тогда не стала сказывать, что бес её замутил...

— А зачем бесу надо воду мутить? — осмелела Шура, догадываясь, что подруга снова разыгрывает её.

— Такой уж это подлый народ, — бойко отвечала Зина. — У них первое дело — это воду мутить.

— А ты сама когда-нибудь видела этого беса? — в упор спросила Шура.

— А как же! — тараща глаза, убеждённо ответила Зина. — Ходила папину могилку проведать, а он против кладбища под дорожным столбом сидит: маленький такой, хилый, лохматый, с двумя рожками во лбу.

— И как же ты?

— Я осенила себя крестом и сказала: «С нами Бог и крестная сила, да расточатся все наши враги!»

Под столбом полыхнуло что-то чёрное, взвизгнуло и серой завоняло.

— Ох, Зина, какая ты всё-таки бесстрашная! Откуда ты молитвы знаешь?

— От матери научилась. Когда ей мерещится что-то нехорошее, она всегда говорит: «С нами Бог и крестная сила!»

— Ой, как ты меня напугала! Я теперь домой одна идти боюсь. А что, если бес?..

— Я провожу.

Зинино сердце сосёт что-то вроде тревоги, но она смело берёт подругу под руку.

Обе идут с тревожным напряжением внутри, у обеих громко стучат сердца.

Луна сегодня яркая: светит так, что за версту видны любые тени. Они то быстро смыкаются, то разбегаются под лёгким лётном облаков. Под ногами скрипит и пересыпается снег зелёными, красными искрами.

Когда проходили мимо двора деда Фёдора, кто-то, блеснув чёрными крыльями, с сухим шелестом снялся с князька его избы. В сарае двора заблеяла коза и, словно кого-то пугая, стукнула копытом о доску настила.

Подруги вздрогнули и остановились. Зина первой всё поняла.

Иван Никольшин. Трудная зима

— Это ворон, — напомнила Шура. — Наверное, нынче дед костей ему не бросал. Вот он и задумался на крыше.

— Фу ты! — держась рукой за сердце, прижалась к подружке Шура. — У меня даже лоб вспотел от страха... Ты перестань пугать своими страшилками. Лучше добрые истории выдумывай.

— Ладно, — пообещала Зина, — буду говорить добрые...

Против Шурино дома подруги обнялись, и прежде, чем расстаться, Шура вдруг призналась:

— Зин, я ведь понимаю, что это выдумки, а всё равно робостно. Останешься одна среди звенящей тиши огромного пространства и озираешься. Невольно западает мысль, что не может быть, чтобы такая великая бескрайность не была населена какими-нибудь живыми существами. И такое напряжение охватит, что ночная бабочка шелохнёт крыльями, а у тебя уже страх до пят и шум в ушах, будто бомбой тебя оглушило.

— Это пустые страхи, — успокоила её Зина и побежала, не оглядываясь, с ощущением лёгкого холодка по низу живота.

В избу забежала, запыхавшись, мать не спала, сидела без света, сама белая, как тень, недовольно спросила:

— Чего такая всклоченная, уж не волки ли за тобой гнались?

— Мороз гнался, — раздеваясь, как можно спокойнее ответила Зина.

Мать вздохнула и проворчала:

— Хватит вам дурачиться-то. Не маленькие, чтобы в страшилки играть.

Зина промолчала.

Когда проходила к постели за шкаф, в темноте трюмо промелькнула её тень, и в голове скользнуло: «Сама как привидение...»

Мать, в свою очередь, подумала: «И чего девку пилю? Скучно им с нами, старыми. Вот и бесятся...»

Она понимала, что и Зина всё понимает, и оттого, что понимают, обе чувствовали себя неловко.

10. Царство заснувших снегов

На следующий день была зимняя Никола. Зина собралась стиркой заняться, а мать сказала:

— Не надо, дочка, грешить. И без того здоровья нету, а мы на церковный праздник гваздаться будем. В банный день постираешься.

И обе ничего не делали в этот день. Мать вязанье отложила, гладила колени, вздыхала, утупив глаза в потолок.

Иван Никольшин. Трудная зима

Зина и сказки не стала читать, лежала и думала, как в деревне всё переплетено, перевито людскими судьбами, делами и общей памятью.

Знаменитый Серебряный колодец с некоторых пор для них с Шурой стал если ни местом их общего поклонения, то местом их постоянных встреч, разговоров, забав и расставаний. Здесь они и о делах дневных болтают, и сокровенными девичьими тайнами делятся, и события обсуждают, которых почти нет.

Здесь у них и скатывания на ледяных кругляшах в пологий овраг.

Елена Петровна, как услышала, что они катаются на ледышках, намороженных в бадье, взялась ругать Зину:

— Да вы что, с ума сошли?! Простудите свои жмени, а вам замуж выходить, детей рожать.

У матери одна молитва на уме: «Вам замуж выходить», — думает Зина. Блины утром в печке подгорели, тут же упрёк: «Не будьте с Шурой неудачами. Учитесь, пока родительницы живы. Вам замуж выходить, детей рожать».

«Как будто обязательно рожать!.. — с досадой размышляет Зина. — По телеку посмотришь, все прыгают, скачут, никто не торопится с детьми... Это что же им с Шурой за всех потом отдуваться?..»

С матерью она старается не спорить, понимает, что ей и без ворчливых отговорок её с больными ногами тошно.

И с подгорелыми блинами, тоже мать права, сама проворонила, засмотрелась на свару сорок за окном, за сковородой не проследила...

И про ледышки они с Шурой знают, что можно застудиться, но молодость же, кровь в жилах кипит. Это же здорово — с визгом, с хохотом слететь в овраг с ледяного кругляша, потом, пытая, скользя и скатываясь, по ледяной дорожке овражного склона вползать вверх.

Особенно славно в тихие, лунные ночи. Наскучит катание, возьмёшь полную грудь прозрачного, морозного воздуха, пройдёшь с песней из конца в конец, и так хорошо тебе, будто сама деревня оживает, будто кто-то молодой и весёлый вот-вот отзовется на твой песенный призыв.

Но некому отозваться. Родительницы в ночную дрему впадают, дед Фёдор, как только установилась зима с ровным снежным настом, обул отцовы широкие лыжи, сходил на болото, нарезал две вязанки камыша и взялся за плетение бытовых поделок.

Иван Никольшин. Трудная зима

Услышит их песню, поднимет голову, по-стариковски вздохнёт, да и скажет: «Ну, разгулялись наши девицы! Дело молодое, тоску-скуку разгоняют».

И опять, играя кочедыком, ещё резвее возьмётся за работу.

С Николы задули северные ветры с ледяным морозом. Выйдешь во двор, они тебя будто стальными иглами насквозь прошивают.

Сегодня, однако, помягчело, снежок выпал. По деревне грейдер прошёл в направлении райцентра. Видно, выборы скоро: готовят дорогу...

Тракторист молодой, наверное, слышал, что в деревне девушки проживают, долго крутился возле Серебряного колодца, площадку расчистил. Никто не вышел к нему. Фыркнул газом, дальше поехал.

Зина с Шурой с неделю не виделись, по телефону общались. Соскучились! В объятия бросились. Пошли обнимания, целования, разговоры ни о чём. Как же без них?..

Потоптались у колодца, с песней «Вот кто-то с горочки спустился...» дошли до бывшей своей школы-старушки с присыпанной снегом крышей, с разохшимся, скрипучим крылечком, с навсегда уснувшими окнами, остановились, не зная, что дальше делать, куда девать избыток своих нерастроченных сил.

Переглянулись, вздохнули, пошли назад, добрались опять до колодца и встали, глядя в звёздную бездну зимней ночи. Хорошо-то как! Любота-то какая! Величественно-тихо кругом — всё в белом убранстве. Звёзды высоко горят и без конца перемигиваются, будто игру затеяли, одна другой что-то заветное сказать хочет.

Зину, начитавшуюся добрых сказок, опять на сказки повело, и она говорит Шуре:

— А ты знаешь, подруга, мы с тобой в сонном царстве живём.

Шура посмотрела ей в лицо, белое от лунного света, фыркнула и язвительно засмеялась, прикрывая улыбку варежкой.

— Да уж, конечно! — ответила Зине. — В царстве заснувших снегов.

И резко отвернулась, стала смотреть на лес, засыпанный снегом. А перед ним во всё широкое пространство бывшего деревенского выгона зеркала тонких ледышек лунно переливаются и светятся холодной сыпью огней.

Зина запрокинула лицо и сощурилась на луну соломенного цвета. Не давая застыть ногам, обе топчутся на месте. Снег скри-

Иван Никольшин. Трудная зима

пит так пронзительно, что ломота зубы цепляет. А вокруг всё та же белая тишь.

И ничего больше.

11. Как дед Фёдор скуку победил

А в следующий раз, когда подруги сошлись в назначенный час у Серебряного колодца, как всегда, обнялись для приветствия, и Зина сказала:

— Я тебе, Шуручка, обещала новую сказку.

— Только чтоб не жуткую.

— Но нынче будет не сказка, рассказ о том, как дед Фёдор скуку победил, — и спросила: — Тебя когда-нибудь заедает тоска?

Шура не сразу ответила, подумала и сказала:

— Ещё как! Это когда маму увезли в больницу, и я одна осталась. Так жутко стало, не знала, куда девать себя.

— Вот,— обрадовалась Зина, — а дед Фёдор всегда один. Как думаешь, томит ли его тоска-скука постылая?

— Наверное, томит.

— Вот и я так думаю. Забежала проведать, а он один, как колдун... Прежде-то тётя Оля-почтариха его навещала, а теперь — только мы с тобой. Сидит с кочедыком. Вся кухня камышом завалена — корзины вяжет.

Спрашиваю: «Тебя, дедушка Фёдор, тоска-скука не заела тут одного?» — «Нет, — отвечает, — милая, нет, не заела. Я с ней легко справляюсь, и вас, молодых, научу, как от неё обороняться»

— И как же это он делает? Рогатину берёт? — поспешила насмешливо вставить Шура.

— Он всё в шутку свёл. Будто бы посоветовался с вещими духами Земли и Неба, и они его научили. «Найди, — сказали, — старик, себе дело по душе. Знай: увлечение делом — всякой лени-скуки злейший враг. Уйдёшь с головою в дело, тогда и самая лютая скука тебе нипочём».

Зина засмеялась, а Шура задумалась: как это?

Думала, думала, глядя в снег, и вдруг сама себе, своей догадке удивилась:

— Зин, а ведь правы эти дедовы духи!.. Помнишь, в школе я по алгебре «хвосты» имела? Тогда на меня какая-то ленивая морока напала: скучно и тошно было этой алгеброй заниматься. Впору на урок не идти, казалось, какую-то пустоту долблю. И тут подвернулся мне под руку старый календарь с заметкой, как арабы алгебру учили. Прочитала и удивилась, оказывается, про-

Иван Никольшин. Трудная зима

сто и убедительно у них продумано: «Враг моего друга — мой враг». Алгебраически эта формула так звучит: минус на плюс даёт минус. Или: «Друг моего друга — мой друг»: плюс на плюс даёт тоже плюс.

Романтикой повеяло от такой формулы, наглядно всё представилось. Кочует где-то по Аравийским пескам с табуном кобылиц какой-нибудь Саид. А по соседству Али со стадом верблюдов гуляет. Он друг Саидова друга Мурата, а значит, и Саиду кунак. «Ай, куда же ты, Али? Заходи в мой шатёр, дорогим гостем будешь! Чай будем пить на верблюжьей колючке...»

Как проста и понятна стала вся суть алгебраических построений. И заучивать их не надо. Само всё залегает в память...

С этого и увлеклась алгеброй! Сама, наверное, помнишь, даже в хорошистки вышла? И про лень свою забыла.

— Дед Фёдор — мудрый старикан, знает, что говорит! — с восхищением подтвердила Зина и принялась выдумывать.

— Ты помнишь у дедова порога в уголке сундучок с обувью? Так вот, пока дед работой тешил себя, его скука на этом сундучке всё сидела, томилась. Всё ждала, когда он бросит дело. А он не бросает. «Она извздыхалась вся, извертелась, изголодалась, исхудала, щека щёку ест, — рассказывал дед, — плюнула с досады на деда, поднялась и ушла милостыню собирать».

Вот такая история.

И они с Шурой долго хохотали, представляя, как эта самая скука, прозрачная, словно тень, хромая и горбатая, побрела с клюкой, неведомо куда.

— Озябла теперь, бедная, — смеясь, говорила Зина. — На легкой же в осеннем пальтишке ушла.

И Шура, тоже смеясь, подхватила Зину под руку и решительно предложила:

— А чтоб она к нам не прицепилась, давай с песней пройдем — ей в отместку. Давно же не пели.

Зина, кажется, только этого и ждала.

Не прошло и минуты, как, расколов тишину, взлетели в небо два звонких девичьих голоса с забытой песней их матерей: «А у нас под окном расцветает сирень, расцветает душистая роза...»

Прошли, спели, и самим вроде бы радостней стало.

Вот так и проходил день за днём, черёд за чередом, вот и катилось их время, как сорванный ветром сухой лист по гладкому льду. Не успеет Зина печь истопить, еду приготовить, с матерью процедурами позаниматься, в избе прибраться, воды, дров со

Иван Никольшин. Трудная зима

двора натаскать, как уже смеркаться начинает. Дни-то совсем короткими стали.

Пора свет включать, за ужин приниматься, новости по телевизору слушать.

У Шуры радость пришлась на эти дни: у матери рука стала оживать, слушаться помаленьку начала, пальцы потеплели. Тётя Надя говорит, будто иголками их у неё покалывает. Софья Леонидовна сказала, что это хороший знак: кровь задвигалась, ходы себе прочищает.

Старику Лещёву пресытилось украшать кухонные доски резными узорами. Он от них отступился и твёрдо перешёл на бытовые поделки из камыша.

Для Елены Петровны и Надежды Захаровны в качестве новогоднего подарка сплёл по корзиночке, да такие изящные, что в пору на выставку народных промыслов отправлять.

Девушкам ничего не приготовил, сказал, посмеиваясь в усы и лукаво щурясь:

— А вам, молодым шельгам, не припас подарка. Приходите ко мне и учитеесь житейскому ремеслу вместо того, чтобы выть по ночам.

Зина с Шурой переглянулись и покраснели: говорят же, что старого воробья не проведёшь на мякине. Догадывался дед, кто ночью выл, знал, кого он пуганул из ружья. Знал и помалкивал. Ожидали: «Ну, сейчас отчитывать начнёт», — а он о деле заговорил, будто невзначай и шутиливо:

— Вы вот что, любезные девушки, игры играми, пора бы вам и о государственном интересе подумать. Встали бы утречком на лыжи, сгоняли бы на болото да рогоза по вязке себе нарезали.

Обе обрадовались, засмеялись, Зина заметила ради лёгкого каприза:

— Дед Фёдор, да какое же это государственное дело? Это же личный интерес.

Дед скосил на неё глаза и с улыбкой ответил:

— Молодые вы ещё, похоже, в житейский ум не вошли. За мамкиными спинами росли, жареный петух, куда ему положено, ещё не клюнул.

Он благодушно обеими руками пригладил, как бы умаслил себе голову.

— А я скажу вам так, мои юные красавицы, — уже серьёзным тоном заговорил он. — Всякое разумное действие в своём государстве и служит государству. По сути и само государство

Иван Никольшин. Трудная зима

состоит из великих и малых наших дел. Поэтому оно само и есть повсеместное, ежечасное творение народа.

Зина в своих мыслях так высоко ещё не взлетала. Пока она, обдумывая мудрость, высказанную дедом, водила вокруг себя глазами, Шура задиристо спросила:

— А что, если само это дело никому не нужно?

— Значит, это было не дело, а чья-то глупость, выдуманная глупым человеком, — не задумываясь, выпалил старик. — А вообще-то ненужных дел не бывает, — твёрдо заметил он. — Если возникла в нём потребность, следовательно, оно кому-то на что-то нужно.

Скажем, из камыша, собранного вами, я сплету корзину, кто-то будет ей пользоваться, это означает, она служит нужному делу.

— Но при чём здесь государство? — не успокаивалась Зина.

— А разве вам не объясняли в школе, что государство — это все мы, весь народ наш, участвующий в его строительстве?

У Зины с Шурой не было на это что сказать, они смотрели одна на другую и виновато молчали.

— Всё понятно, — сказал старик, — вам не объясняли. А вернее всего, вы сами не хотели слышать... Ладно, — произнёс он, — мы с вами ныне и без того далеко продвинулись в политической грамоте, — и взялся разбирать камышовую соломку.

И тут Шура спохватилась, морща лобик, собралась доказать, что и она чему-то обучена.

— А как же моя мать? — торжествующе выпалила она.

— А что твоя мать? — удивился дед Фёдор. — Она исполнила свой материнский долг. Тебя вот, новую гражданку страны на ноги поставила!

И обе девушки, хлопая ресничками, поразились такому простому доводу.

— Ладно, — правильно понял их молчание дед. — Хотите ремеслу учиться?

— Да, хотим! — крикнули обе.

— Тогда берите соломку, берите табуреты, садитесь, буду вас обучать.

С этого разговора и пошло их учение плетению корзин. Сначала ничего у них не вязалось, не плелось. Но дед был настойчив в своих требованиях, заставлял снова и снова начинать с шуткой-прибауткой, под разговоры, что не боги горшки обжигают, что старание и труд всё перетрут, — и стало помаленьку у них получаться.

Они и сами стали во вкус входить. Никто их не гнал, сами потянулись к учению старинного ремесла. И родительницы

Иван Никольшин. Трудная зима

были не против: пусть учатся. Это лучше, чем страшилками друг дружку пугать.

Накануне Нового года приехала предпринимательница Галина Ивановна, привезла очередной продуктовый заказ.

Зина знала, что тётя Галя должна приехать, была дома, обрадовалась, встретив её.

— Вы тут без меня не одичали? — ставя на кухонную лавку сумку с продуктовым заказом, певучим голосом произнесла гостя и побежала к Елене Петровне целоваться. — Ну, ты, залёта, совсем засиделась. Хотя бы с дедом Фёдором в догонялки поиграла для собственного физического развития, — шутила она. И к Зине: — А вам с Шурой, молодые матрёшки, Игорь приветы прислал.

— Спасибо! И ему от нас, — отозвалась Зина с кухни.

И сердце её отчего-то затрепетало, запрыгало.

Галина Ивановна вернулась к своей сумке, достала моток пуховой пряжи, поднесла хозяйке дома.

— Ты, подруга, как понимаю, от безделья изнываешь, — весело заговорила она. — А я тебе подходящее занятие нашла. Чего, думаю, баба, сидя на кровати, без дела постель протирает? Могла бы и делом заняться. Вот моток пуха привезла. Ты ведь в девках у нас первой рукодельницей была.

— Все мы были рукодельницы, — скромно потупилась Елена Петровна. — Все одна на другую зарились.

— Вот и славно, — сказала Галина Ивановна и принялась объяснять, что она вознамерилась открыть небольшое дельце, наладить продажу варежек, шарфиков ручной вязки из пуха. Оренбургские платки, говорят, вышли из моды, а лёгкий тёплый шарфик на шею любая модница купит.

И для наглядности похвасталась:

— Я уже сделала почин. У старушек для пробы вязанье взяла. И всё в один час в распродажу пустила. Вот и ты возмись, Еленушка-мастерица, вспомни наше девичество! Ведь ты тогда без дела не сидела. А теперь в твоём положении тебя на дело сам Бог благословляет. И руки будут заняты, и семье какой-нибудь прибыток. Пробьёт час, и вам с Надей для ваших девок этот прибыток, ой, как будет нужен! Их ведь когда-никогда в замужество снаряжать придётся...

Я и Надю, если она шевелится, к делу подключу, — не переставала говорить гостя. — А вы своих девок в оборот возьмите. В семейную жизнь пойдут с умелыми руками.

Иван Никольшин. Трудная зима

Она обернулась на Зину и, как ей показалось, поощрительно засмеялась. И в Зине тоже что-то тихо дрогнуло, и она подумала: «Нет, с тётей Галей не пропадёшь. У неё ничего не заржавеет, всё в коммерческий оборот обратит».

И ей стало легко и свободно, будто это у неё, а не у тёти Гали проявилась предпринимательская жилка. К тому же ещё и подумала о чём-то таком сокровенном, о чём даже самой себе не посмела бы на ушко шепнуть. И мыслью опять на Игоря вильнула: «Это мне он шлёт приветы. Шура тут ни при чём».

Глаза её блеснули. Она не утерпела, взглянула в кухонное зеркальце и двумя пальчиками легонько коснулась пряди своих густых, чёрных волос.

У них с Шурой порой настоящее соперничество случается из-за этих их волос. Шура иной раз задумчиво потрогает свою каштановую прядь и простодушно похвастается:

— Пощупай, какие у меня мягкие волосы!

Они, и правда, у неё мягкие, лёгкие, так и стекают на плечи с льняным отливом.

Зина завистливо посмотрит на подругу, сморщит носик и возразит.

— Ну и что, если они мягкие? Ими что, подушку, что ли, набивать? А у меня пусть и прямые, жёсткие, зато блестят, словно лепестки чёрной розы. На мои волосы даже мальчишки в школе обращали внимание...

На самом деле Зина не знает, на её причёску ли мальчишки обращали внимание? И бывают ли в мире чёрные розы? Она их никогда не видела, зато слышала в каком-то кино, как герой картины, усатый элегантный красавец в широкополой шляпе, сказал своей девушке: «Ты сегодня прелестна, как чёрная роза в хрустальном бокале!»

Эта киношная фраза запомнилась Зине, в ней виделось что-то неведомо-манящее, недоступное, что захотелось и себя видеть эдакой загадочной чёрной розой в бокале. Пусть все любят!..

Пока размышляла так, двумя пальчиками касаясь крыла своей причёски, Галина Ивановна тем временем углядела на трюмо корзиночку, сплетённую дедом Фёдором. Она мгновенно подхватила её, держа на весу, покрутила перед глазами и, любуясь ею, с восхищением спросила:

— Откуда такая прелесть у вас?

Елена Петровна не замедлила пояснить:

Иван Никольшин. Трудная зима

— Это дед Фёдор у нас такой мастер! — и похвасталась: — Вот преподнёс нам с Надей своё рукоделье в честь Нового года.

— Да это же чудо, а не корзиночка! С ней хоть сейчас в супермаркет.

— Думаю, Фёдор Лукич и тебе в подарок приготовил. Девки говорят, он их, как блины, печёт. Он и наших девок взялся вооружать работой. А мы с Надей и не против: пусть учатся, — не переставала хвастливо говорить Елена Петровна. — Чем им тут волками выть, лучше пусть настоящим делом займутся... Слышишь, чего я говорю? — вытянув шею, обратилась она к дочери, занятой на кухне сумкой с привезёнными покупками.

— Слышу, слышу, — с миной неудовольствия отозвалась Зина. — Завтра с Шурой становимся на лыжи и катим за рогозом на болото.

— Вот ведь как ловко!.. Вижу, у вас тут целая артель подбирается, — призадумалась Галина Ивановна, не выпуская корзиночку из рук.

Походило, она на чём-то важном спотыкнулась: своим крашеным ноготком трогала тонкое тростниковое плетение, подносила корзиночку к носу, вдыхая её камышовый запах, никак не хотела расстаться с понравившимся изделием Фёдора Лукича.

Сводя брови, долго прикидывала что-то в мыслях и вдруг поняла, сорвалась с места, воскликнув:

— Господи! Чего я тут, как курица, топчусь? Мне же дед Фёдор нужен!

Ничего не объясняя, оставив корзиночку, вылетела на улицу к машине, хлопнула её дверцей и отъехала.

— Вот метеорит! — бросила вдогонку Елена Петровна.

— Это с чего-то она?.. — не поняла Зина.

— А ни с чего! — с насмешкой отмахнулась мать. — К Фёдору Лукичу полетела. Это значит, какую-то коммерческую выгоду углядела...

Зине не понравилось материнская раздражительная насмешливость, и она скривила губы.

Удивляла и порывистая стремительность Галины Ивановны. Надо же, словно бы столб вихря слетел с места!

Обеим оставалось лишь гадать: чего надумала их гостя?

Долго гадать, однако, не пришлось. Не успела Зина загрузить холодильник привезёнными продуктами, рассортировать макароны и крупы по шкафам и ящикам, как Галина Ивановна вернулась.

Иван Никольшин. Трудная зима

— Эврика! — улыбаясь во всё своё зарумянившееся от возбуждения лицо, воскликнула она и вскинула два растопыренных пальца. — Вопрос решён, Фёдор Лукич в восторге от моего предложения! Отныне мы с вами на базе нашей Елховки создаём народную промысловую артель по изготовлению бытовых поделок из чисто природных материалов. И название я уже придумала...

— Погоди, коза, в лес! Охолони маленько, — осекла её Елена Петровна. — Пирог ещё не испечён, а ты уже стол собрала. Очень уж легко у тебя получается. Будто сама не знаешь, как это даётся.

— А ты знаешь, — упрекнула её Галина Ивановна.

— На себе испытала, — оправдалась Зинина мать. — Тоже довелось хлебнуть бюрократической тюри: когда-то пункт искусственного осеменения собиралась открыть. Увидела, через какой частокол контор и ведомств предстоит продираться, руки опустились...

— Сама ты их опустила! — весело поправила её Галина Ивановна. — А ведь мы с тобой, милочка, ещё в школе пели: «Кто привык за победу бороться...» А ты, — с улыбкой склонилась она к лицу хозяйки, — сдрейфила и отступилась. А я не отступлюсь! Все бюрократические огни и воды пройду, а своего добьюсь! — пообещала она решительно и твёрдо.

И её мягкие, женские ладошки сжались в тугие кулачки, а лицо слегка побледнело.

Зинина мать вздохнула и притихла.

А Зине понравилась решимость Галины Ивановны, и мысли её были не на стороне матери. Она знает, из-за чего страдает родительница, и все знакомые в глаза ей говорят, что в случае с телятами по своей слабости болезнь подцепила: от собаки-дуры в болото полезла.

И от городской конторы ничего не добилась. Судиться не решилась — вот тут и вылезло наружу извечное наше раздолбайство: с сильным не борись, с богатым не судись...

Когда хватилась, от той конторы и щепки не осталось — растворилась, улетучилась.

Фёдор Лукич об этом случае иной раз возьмёт да и напомним женщинам, в какое время живём: рынок на дворе, а он жестокий дядя, и не почувешь, как шапку с головы смахнёт. И хорошо, если только одну шапку...

Подобные разговоры взрослых прежде для Зины с Шурой были не более, чем ветер, упавший в траву, а то и смешными казались. И они смеялись, оставшись наедине.

Иван Никольшин. Трудная зима

А ныне совестно подумать об этом. Ну, что смешного в словах деда Фёдора, как-то сказавшего о них с Шурой, что к ним пора возмужания-де подкатила — о делах задумываться стали.

Они потом с Шурой, две пустышки, зашли за угол дома и, валяя дурака, давай хохотать да руками в траве шарить, спрашивая сами себя: эй, где ты, наше возмужание? В какую траву упало?..

Глупо всё это. Зина и сама чувствует, что глупо: в ней и самой меняться что-то стало. На мир уже не смотрит, как птенец, впервые открывший глаза, уже не дивится тому, как он велик и безбрежен.

Зина хотела ещё куда-то своими мыслями улететь, о чем-то более глубоком подумать, да вовремя хватилась, услышав, как Галина Ивановна говорит, стоя против постели матери:

— Тебя, Леночка, напрасно смущают мои намерения. Фёдор Лукич — на что человек критических взглядов, а полностью поддержал мою задумку. Если не шевелиться, само ничего не вырастет. Под лежащий камень вода не течёт.

А с корзиночками, пообещал Фёдор Лукич, сколько надо, столько и будет. Вот сказал, обучит девок, — кивок в сторону Зины, — и на полные обороты заработает его фабрика.

Я, в свою очередь, во время зимних каникул своего Игоря на учёбу к деду подошлю.

Зина услышала про Игоря, и у неё загорелись мочки ушей. «Как здорово! — обомлела она. — Знает ли об этом Шура?»

Женщины говорили что-то ещё, а Зина думала о том, как бы поскорее Шуру об услышанной новости известить.

И весь дальнейший разговор двух близких женщин ей стал совсем неинтересен.

Неинтересно было и то, как мать слабым голосом оправдывается перед Галиной Ивановной:

— Да я разве против твоих задумок, Галя? Мне и самой с вязаньем будет веселей, и девкам нашим польза... Я про хлопоты с оформлением говорю.

И как Галина Ивановна возразила на это, тоже было неинтересно.

— Ну, милая, тут как самастроишь себя! А я от своего не отступлюсь! — твёрдо пообещала она и повернулась к Зине, собравшись ехать.

Зина живо влезла в пальтишко, чтобы проводить Галину Ивановну до её машины, но гостя прежде, чем окончательно рас-

Иван Никульшин. Трудная зима

прощаться, не упустила случая ещё про общественный колодец поговорить, про его удивительно вкусную воду.

Стоя среди избы, она опять вспомнила, как когда-то их родители, возвращаясь с полевых работ, вместе с натрудившимися лошадьми, бывало, пьют, не напьются чудесную влагу, пьют да приговаривают: «Ай да Рябчик! Надо же, сподобил такой чудесной водицей!..»

— Все считали её серебряной, — напомнила Зинина мать.

— Вот и прекрасно! — подхватила Галина Ивановна. — Давайте и будущую артель назовём «Серебряный колодец». А что? — вскинула она подбородок. — И завлекательно, и по делу. Наш народ любит приманиваться на чудеса, а тут целый серебряный колодец! Что это такое?.. Где он?.. Да вот же, не за горами, не за долами, в светлой деревеньке Елховка.

И повалят люди валом к нашему прилавку...

И всё это напевным голосом Галина Ивановна говорила так прельстительно и завлекательно, что и у Зины заблестели глаза.

Но тут опять вмешалась её мать.

— Ещё поле не вспахано, жито не посеяно, а ты уже собралась урожаем убирать в закрома, — с сомнением заметила она. — Ну, Галя, что в девках была, что сейчас с залётами!.. Видно, так и останешься мечтательницей.

— А тебе, Ленка, обязательно надо сказку испортить, — отговорила Галина Ивановна и засмеялась.

И смех у неё получился задорный, уверенный. Зине даже радостно стало, что и они с Шурой вовлечены в очень важное и нужное дело.

Жаль, что Шура не слышит ничего этого. Но будет вечер, будет их привычное гулянье, и она всё расскажет ей. Вот только о том, что Игорь Стукалин после Нового года может здесь появиться, промолчит. Зачем Шуре это знать? Ещё размечтается, вобьёт себе в голову какую-нибудь блажь...

Подумав так, она по-матерински строго поджала губы.

А Галина Ивановна всё ещё излагала планы на будущее: говорила, вот на этих днях поедет в город, возьмёт воды из «серебряного» колодца на анализ в областную лабораторию. Если установят её целебные свойства, обяжет своего Алексея Михайловича пробурить скважину на старой родниковой жиле, тогда и воду можно будет пустить в коммерческий оборот.

Вот и будет вам приварок к инвалидному пенсиону.

Иван Никольшин. Трудная зима

Зинина мать тоже понемногу оживилась, заслушавшись подругу, и про свои больные ноги на какое-то время забыла.

— Ох, и выдумщица ты, Галина! — не удержалась она.

— Хочешь жить — крутись винтом, — рассмеялась на её похвалу Стукалина.

Рассмеялась и Зинина мать, а вслед за ней и Зина засмеялась.

С этим приподнятым настроением и проводила она ореховскую гостью до машины.

12. Новый год

А тут и Новый год подлетел на крылатых морозных воздушных шарах. Зина и представила его румяным, в пушистой, белой шубе, в расписных праздничных санях.

Но в их жизни ничего этого не было, всё происходило, как всегда обыденно, по-житейски скромно.

Она ещё вчера на лыжах сходила на опушку ближнего бора, набрала наломанных ветром еловых веточек, и для украшения предстоящего праздника по большой ветке и дду Фёдору, и тётке Наде с Шурой принесла.

Свою веточку, облепив ватными снежинками, в большой хрустальной вазе поставила на туалетный столик возле зеркала. Не прошло и часа, как в избе запахло хвоей и сделалось свежей.

Праздник все три двора решили собрать в доме Мурашкиных, на него собирались и Шурину мать, Надежду Захаровну, привезти на санках. Но побывавшая накануне Софья Леонидовна отсоветовала делать это: сказала, что больная ещё слаба, только начала подниматься, её лучше не трогать.

Как сказал врач, так и поступили.

Зина всегда восхищалась этой не по возрасту подвижной, рассудительной старушкой, напоминающей ей придворную, величественную даму императорской эпохи из какого-то советского фильма.

Её старомодные букли были всегда безукоризненно белы и отливали поднебесным, голубовато-царственным светом. Да и само старушечье, густо напудренное лицо выглядело царственно.

Собрались к столу уже затемно. Первой пришла Шура, её серые глазки возбуждённо блестели, округлые щёчки горели розовой свежестью, она живой куколкой гляделась под материнским пуховым платком. Зина, как всегда, залюбовалась ею, помогла снять шубку и трижды поцеловала.

Иван Никольшин. Трудная зима

Дед Фёдор съездил в Орехово, привёз девкам по шоколадному тарту и бутылку шампанского к столу.

Надежда Захаровна прислала с Шурой вишнёвою наливку на меду собственного приготовления — лет пять, сказала, томилась в её погребке на случай приезда Павла. А он не только сам не едет, но и денежные переводы перестал слать. Похоже, сбывается пророчество Ольги-почтарки: точно спутался с какой-то свеженькой дальнобойщицей-красой, золотою косой. А что ему: в самой поре — не замёрз же в самом деле он в степи глухой, как поётся в старинной ямщицкой песне.

Дед Фёдор долго не мог успокоиться после побывки в Орехово: «Макдональдс» — самый большой магазин там закрывают, согласно западно-атлантическим санкциям.

— Это англичанка нам вредит, — говорил старик, возмущённо вскидывая седые брови. — Она ещё со времён Суворова нам гадит.

И тут же перекидывал свой гнев на отечественных компродор-баронов, как он выразился, вздрагивающих от любого западного окрика и по-заячьи трусливо прижимающих уши.

— Что нам эти санкции? — гневался старик. — Мы что, такие немощные, что сами со своими задачами не справимся? Да кто это так гундит?! Да мы же великая, самодостаточная страна; наши недра — это вся таблица Менделеева! Наши поля бескрайни, а воды бездонны!

Чего нам не хватает?.. — постукивал он о пол клюшкой. — А я скажу вам — чего, — задержал он дыхание. — Самоуважения, державного достоинства — вот чего!

А на Европу давно бы плюнуть пора, — махнул он рукой. — Её нет давно, той настоящей, старой Европы! Её молох сатанизма пожрал. И в нас целются всё те же сатанисты вкупе с русофобией.

Девчата слушали деда Фёдора с рассеянным изумлением, Елена Петровна — с блуждающей улыбкой. А когда он кончил, шутя сказала:

— Не расстраивайся, Фёдор Лукич, мы ещё покажем, где у нас раки зимуют. Мы с вами ещё на солнце полетим.

Старик поглядел на неё, сдвинул брови, вздохнул и с печальным смущением произнёс:

— Мы с тобой уже никуда не полетим. Полетят вон они, — кивнул он на Зину с Шурой, беспрестанно поглядывающих на праздничный стол, ими же обставленный закусками домашнего приготовления.

Иван Никольшин. Трудная зима

Шура, разомлевшая от избытого тепла, вдруг недоумённо округлила глаза и по-девичьи изумлённо спросила:

— А что, они могут запретить нам хрустящие палочки, что ли? Да они же их, по телеку сказали, из наших твёрдых пшениц делают. Вот возьмём да не посеём этих твёрдых пшениц, и останутся они без палочек и спагетти.

Зина с Еленой Петровной засмеялись, сочтя её слова наивными, а дед Фёдор, улыбнувшись, похвалил:

— Правильно, дочка! Себя не уважать, и тебя никто не уважит.

И, вытянув шею, убеждённо произнёс:

— У них же не осталось ничего своего природного! Вот и зарятся на нас. Только бодливой корове бог рогов не даёт.

— Ну, Фёдор Лукич, слушаю тебя и всякий раз дивуюсь! Любой случай в политическую рогожину завернёте! — произнесла Елена Петровна с шутливым осуждением. — Только ну их, всех этих сатанистов, что своих, что дальних. Все они в одном дёгте варены, одним солидоллом мазаны. Мы не для этого собрались. Давайте ближе к столу двигаться.

Зина с Шурой кинулись стулья расставлять. Деда Фёдора усадили в передний, красный угол.

С Еленой Петровной пришлось повозиться. Для неё сбоку поставили старое кресло, единственное в доме, полученное хозяйкой в качестве поощрения ещё при работе в комсомольском звене на молочной ферме.

Зина с Шурой с двух сторон подхватили её под руки и по воздуху с кровати доставили к столу.

— Вот, — засмеялась она, — на старости лет в гуси-лебеди довелось поиграть.

Зина с Шурой засмеялись, да так стеснительно, как будто их щекотал кто.

Когда гости уселись, Елена Петровна вскинула голову и, оглядывая гостей, слезливым голосом произнесла:

— Ну, вот и довелось всей нашей деревне быть сегодня в сборе. Нади только нет. Одна теперь, бедная, пялит глаза в телевизор.

— Ничего, — сказал старик, — она на нас не в обиде. Заходил её проведать, поправляется наша Надежда Захаровна. Она по секрету сказала, что попробовала даже по стеночке пройтись, да голова немного закружилась.

— К весне поправится, — сказала Шура, да так убеждённо, что все посмотрели на неё с изумлением.

Иван Никольшин. Трудная зима

Дед открыл шаманское, девушкам тоже налил в стакан из тонкого стекла.

— Этого можно, — ответил он на неодобрительный взгляд Елены Петровны, — они уже взрослые. Песни нам споют.

— Мы и без них с вами споём, — распетушилась хозяйка.

Когда подошёл Новый год по местному времени, прослушали поздравление своего губернатора и, скашивая друг на друга глаза, выпили за общее счастливое будущее. Елена Петровна дотянулась до пульта и выключила телевизор, пожелав самим своим застольем песню спеть, стали гадать — какую?..

— Эти ваши молодёжные дрыгалки: «Ча-ча-ча-ча», — нам не надо, — сказал дед Фёдор девочкам. — Давайте сладим общую компанейскую, какую сами поёте, гуляя по вечерам. Чтoб со смыслом, с чувством было.

Зина с Шурой мялись, манежились, стесняясь запеть.

Инициативу взяла на себя Елена Петровна.

— Ладно, — бодро сказала она, — давайте запою, что сама в молодости певала.

И, собравшись с духом, вся подобравшись, запела негромко, приятным, обволакивающим голосом:

*— Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от весёлых подруг?*

И требовательно посмотрела на девушек. Они поняли её и робко подхватили:

*Знать, забило сердечко тревогу,
Всё лицо твоё вспыхнуло вдруг.
И зачем ты глядишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?*

Подняла свой голос Елена Петровна и по-дирижёрски взмахнула рукой, призывая и девушек уверенней держать тональность.

*На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.
На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя каждый не прочь...*

Это уже дед Фёдор вклинился своей медно-гудящей басовой струной.

Когда закончили, всем было легко и свободно.

А деда Фёдора опять повело на политику, и он сказал:

— Вы заметили, что у наших современных демократов Некрасов находится как бы в табу?.. Это потому, — поднял он указующе палец, — что Некрасов был поэтом-гражданином и

Иван Никольшин. Трудная зима

настоящим демократом. А наши, современные... только притворяются демократами. А на самом деле они — никто.

— Ну, дед понёс, — покривилась Елена Петровна. — Фёдор Лукич, хватит о политике. Это Галины Ивановны нет с нами, не то сейчас началась бы схватка...

— Это не политика, а наши убеждения, — строго поправил её дед Фёдор.

— А я вон за них воюю! — указала Елена Петровна на смущённо раздумывавшихся девушек. — Вот их надо до ума доводить.

— Сами дойдут и нас доведут, — ответил на это старик, собравшись что-то ещё сказать, но Зина остановила его.

Поняла: опять будет спор, если не опередить. И, лукаво блеснув глазами, быстро спросила:

— Дедушка Фёдор, а почему свою гитару не принесли? Сыграли бы нам.

— Гитару? — вдруг удивился старик и замолк, как будто зазлбнулся.

Долго молчал, обдумывая, и наконец грустно произнёс:

— Время моё отошло, милая. Отгитарил я своё...

— Э, Фёдор Лукич, вам грех жаловаться. Столько лет одни, не спились, не опустились, как иные...

— Это потому, что заботами тещу себя. Вот Галина Ивановна тоже с заботой подкатила. Будем забытое народное ремесло осваивать. Есть забота, значит, и дальше можно жить без печалей. Люди ведь не от болезней, от своей ненужности, милая, умирают. Зачем же умирать, если ты кому-то ещё нужен?

— Да, — печально согласилась Елена Петровна и всхлипнула. — А я вот как безделица на выброс.

Зина сразу поднялась к ней, стала говорить:

— Какая безделица, мама? Что ты говоришь?

Тут и дед Фёдор встрял.

— Нечего тебе, милая, плакаться, — остановил он хозяйкино причитание. — У тебя вон дочь-красавица растёт, живи и жизнью наслаждайся. У меня тоже было нытьё души, когда остался без ноги. Думал, жизни больше не будет. А видишь, живу и в ус не дую... Чем нюни распускать да печалиться, давайте лучше песни петь.

И первым завёл, прихлопывая ложками себе по колену:

— По Дону гуляет, по Дону гуляет казак молодой...

Так играли и пели они песню за песней, перед рассветом разошлись, утомлённые праздником простой человеческой радости.

13. Начало — всему голова

Ожидали Галину Ивановну с Игорем на новогодние каникулы, а она приехала с главой сельской администрации Петром Архиповичем Табакуровым на его персональном внедорожнике, правда стареньком уже.

Он и сам, Табакуров, как и его внедорожник, довольно поношенный мужчина: сухой, высокий, гладко выбритый, коротко постриженный, с жёсткими, серыми волосами. Говорит сдержанно, как и положено руководящему чину говорить с вверенным ему народом. Зина сразу поняла, что перед ней деловой дядька.

Войдя в дом, Табакуров за руку поздоровался с хозяином дома, обежал взглядом кухню, заваленную камышом, и заговорил о делах. Голос у него густой, с начальственным сухим звоном.

— Ну, давайте, — распорядился он, — показывайте своё ремесло. Галина Ивановна дорогой все уши мне о вас прожужжала.

Он подошёл к Зине, взял с табурета готовую корзиночку, стал внимательно рассматривать.

Зина не слушала, что говорит Табакуров, её обескуражило, что Игоря среди гостей не видит. Как же так, Галина Ивановна обещала, а его нет? Вот досада!..

И Шура озадаченно напряглась. Обе девушки переводили глаза то на гостей, то на входную дверь.

От Галины Ивановны не укрылась растерянность девушек. И она догадалась их успокоить, объяснив, что Игорь обязательно будет этими днями. Вот сыграет свою роль в школьном новогоднем спектакле, и она сразу его привезёт.

— Я и продукты на него прихватила. Скоро нескучно всем будет.

И стала наказывать деду Фёдору, чтобы поосторожнее был со своими учениками; пусть, как следует, изучают народное ремесло.

Заодно и своими торговыми успехами похвасталась.

— А ваши корзиночки, — сказала, — что для пробы брала, нарасхват пошли!

Табакуров слушал, смотрел и молчал.

Дед Фёдор на слова Галины Ивановны шутливо сказал:

— У меня не побалуешь. Я к своим ученикам не менее строг, чем чеховский сапожник к Ваньке Жукову... Правда, девушки?

И они, глянув на него, заулыбались. Галина Иванова тоже улыбнулась словам старика, а Табакуров спросил:

Иван Никольшин. Трудная зима

— А как сами девушки, справляются с наукой?

— А чего им не справиться? — удивился дед Фёдор. — Дело нехитрое. Заправляй готовую камышовину в её гнездо и веди свою строку...

— Языком мы все мастера, а как до дела, глаза — в разбег, — заметил на это Табакуров и взял у Шуры её корзиночку.

Оглядел со всех сторон и заметил:

— А, правда, ловко получается... Может, своим мастерством девушки и новую жизнь в Елховку вдохнут? Возродят её былую славу, — посмотрел он сначала на Галину Ивановну, затем на Фёдора Лукича.

— Конечно, возродим! — тотчас уверенно подхватила Стукалина. — И опять зацветёт Елховка, как в нашу молодость всё было.

Фёдор Лукич искоса взглянул на неё, тяжело навалился на косяк и сомнительно вздохнул.

— Нет уж, похоже, не зацветёт. Прежней деревни нам уже не возродить. Время её убежало.

Тронул усы и принялся разъяснять свою мысль.

— Какой-нибудь ремесленный посад — это вполне возможно, — произнёс твёрдо и убеждённо. — Но это будет уже не деревня в том значении, в каком она исторически строилась и с чего возникала.

Табакуров, слушая старика, смотрел на него и сухо улыбался. Недоверчиво смотрели на деда и девушки.

У Галины Ивановны тоже, похоже, были какие-то сомнения. Но она занялась делом: стала сортировать корзиночки, меньшие к меньшим ставить в один ряд.

Фёдор Лукич, похоже, давно обдумал, о чём говорил: слова он произносил с убеждённостью старого учителя, досконально изучившего свой предмет.

— Чем кормилась наша российская деревня, и что держало в ней простого мужика? — чеканил он слова, обращаясь к Табакурову.

Тот засмеялся простому вопросу и ответил:

— Это и курице понятно. Земля держала, крестьянский надел...

— Во-о! — радостно согласился Фёдор Лукич. — А сейчас надел держит кого-нибудь?.. Является ли он узлом зарождения деревни?.. Прямо скажу, нет, не является. Сейчас на земле все вопросы решает прогресс, современная техника: мощная, скоростная, высокопроизводительная.

Иван Никольшин. Трудная зима

Пригнал хозяин на поле свои машины, в один день вспахал, посеял; время пришло, опять в один день убрал и урожай увёз. Как ныне и делают владельцы агрохолдингов. Зачем им, спрашивается, строить деревню? Вводить себя в колоссальные, совершенно ненужные расходы?.. Кого потом селить в этой деревне?.. Молодёжь? — глянул он на Зину.

Девушки услышали, что разговор касается их, насторожили слух. А Фёдор Лукич, не задерживаясь, дальше повёл свои рассуждения.

— А вот прежнему пахарю с его конной тягой, — уточнил он, — нужно было селиться круг своей земли и жить на ней. Иначе он физически ничего бы не посеял и не вспахал. И селился он не абы как, не где попадя, а строил жилище с таким расчётом, чтобы можно было встать утречком на зорьке и вместе со своей сивкой-буркой сразу включиться в пахоту.

Вы думаете, с чего российские деревни одна от другой ставилась на удалении примерно 10-12 километров? Случайно ли это? А нет, не случайно. Целесообразность подобной застройки продиктована опять же требованием крестьянского пахотного владения. Селиться на большем удалении от своей земли просто не было никакого смысла. За наше короткое лето хозяин попросту не мог бы ничего поспеть со своей конной тягой.

Вот и получается, все российские деревни росли и собирались исключительно круг своего посевного клина. А при нынешней технике необходимость в этом отпала.

— Ну, Фёдор Лукич, — решила возразить старику Галина Ивановна, — вы так расписали нам, что для деревни выхода иного, как погибнуть, не осталось.

— Это не я расписал, само время так расписало. Не я же придумал законы истории в её бесконечном развитии, — добродушно отговорился старик.

— Демагогия, — сухим насмешливым тоном заметил Табакуров, видимо, не впервые слышавший подобные суждения старика.

Он и слушал его с таким выражением, будто ему наперёд был известен весь ход истории.

«Что, колонии рассыпались? — читалось в его глазах. — Походите, увидите ещё, как сама Европа станет колонией. У неё уже сейчас вон отбирают Гренландию...»

— А если всерьёз сказать, — продолжал Табакуров, подвигая под себя свободный стул, — все мы движемся к чему-то роково-

Иван Никольшин. Трудная зима

му. На очереди вот — искусственный интеллект. А это, как я понимаю, сплошная цифирь. А первопричиной всему — экономическая целесообразность. Она ещё в шестидесятые годы тысячи деревень стёрла в пыль.

Молодые плохо слушали Табакурова. И Зина слушала так себе. Она уже знала, что во все времена старики пугают молодых пришествием будущего. И это потому, что у самих этого будущего не остаётся...

— Вот и я о том же говорю, — слушая Табакурова, опять оживился Фёдор Лукич. — Наши деды выстраивали свою жизнь под гужевой транспорт, под лошадиное тягло. А началась механизация — ни лошадей, ни малых деревень не осталось. Всё как корова языком слизнула.

Зина взялась за плетение, решив, что лучше ничего не слышать, ни во что не вникать. А так получается: напрасны их с Шурой надежды и старания, не поднимется их Елховка. Что останется тогда? Одно пахотное безлюдье. А зачем и кому это нужно?..

Эта мысль, должно быть, стрельнула не только ей в голову. И остальным стрельнула.

На какое-то время в избе стало тихо. Лишь дедовы старинные часы за дверью залы сухо шлёпали маятником. И Зина решила: вот кто, время, и поглотит когда-то все человеческие изобретения, как их Елховку, считай, уже поглотило.

— А для чего же тогда мы всё это делаем? — держа в руках своё плетение, среди общего молчания вдруг спросила она.

— Для жизни, деточка, для жизни! — сразу же с твёрдым убеждением ответила Галина Ивановна и принялась рассказывать, как она добивалась торгового места на губернском рынке, где директриса, молодая «пигалица», по выражению Галины Ивановны, сказала про их корзиночки, что с подобной рухлядью надо было лет 100 назад выходить.

«А теперь кому она нужна? Только место зря будите занимать».

— «Рухлядь? — возмутилась я и — к покупательницам, стоявшим рядом. — Женщины, — говорю, — вам нужна такая рухлядь?»

И показываю корзиночки, они подошли, взяли, крутят в руках, любуются, спрашивают: «Откуда такое чудо?»

Я гордо отвечаю: «Эти изделия исключительно ручной работы девушек народно-промысловой артели «Серебряный колодец». Изготовлены из экологически чистого тростника, запасён-

Иван Никульшин. Трудная зима

ного нашим старым доблестным воином Фёдором Лещёвым из деревни Елховка».

— Всех похвалила, никого не забыла, — заметил, улыбнувшись, Табакуров.

— Как они накинулись на ваши корзиночки! — восторженно продолжала Стукалина. — Даже цену не спросили. Тут же расхватили, запросили ещё. А у меня их больше нет.

Говорю им: «В следящую субботу привезу, сколько наши красавицы к этому времени изготовят, тогда — пожалуйста». А они в один голос: «Вези, вези своё природное добро — всё раскупим! Надоел людям этот сумочный дерматин — все продукты химией провоняли. За что ни возьмёшься — одни пакеты, целлофаны да пластик».

Две расторопные молодки свои телефоны дали — будут моего звонка ждать...

У директрисы рынка и глаза квадратные. Сразу видно, фишочка на импорте торчит, своего отечественного в упор не видит. Хорошо, что женщины её одуматься заставили. Самое бойкое место в торговом ряду мне выделила.

И Галина Ивановна обратилась к Зине с Шурой:

— Слышите, девчонки, что говорю? Давайте, не ленитесь тут, а за мной дело не застрянет...

— И за ними тоже не встанет. Они в трудах живут, — похвалил девушек дед Фёдор.

Зина с Шурой переглянулись и, довольные, улынулись.

С рыночного успеха Галины Ивановны мужчины быстро съехали на Европу, стали говорить, что она ошалела от старости, своими санкциями все пиратские дукаты профукала.

Галине Ивановне их разговор был неинтересен, у неё устройство артели на уме: не зря ж она притащила с собой Табакурова. Потому и стала теребить их с дедом Фёдором прогуляться с ней до пустующей школы, чтобы определиться с помещением под будущую артельную мастерскую.

Втроем они и отправились определяться.

Зина с Шурой, остававшись одни, сразу заговорили об Игоре: обе жалели, что не приехал. А уж так они его ждали!

Зина ещё со вчерашнего вечера, до того, как ей уснуть, рисовала картины, как они встретятся, что он скажет ей, что она ему скажет.

А вот не случилось. Такая жалость!..

14. Ура, Игорь приехал!

Игорь тоже думал о встрече. Он и не стал ждать, когда мать освободится от дел: самостоятельно приехал на вахтовой попутке с дежурными электриками, объезжающими линию.

Когда вошёл в избу деда Фёдора, Зина с Шурой за работой сидели, спиной к входной двери. Они и не почуяли, что он приехал: думали, дед стучит у порога, обивая обувь от снега.

Зина оглянулась и обомлела — Игорь стоит! Пуховая куртка на нём, шапка-ушанка, шея красным шарфом повязана, сам свежий, румяный с мороза.

Хотела вскочить и не могла: волна тёплого тока прокатилась по ногам.

Бросила плетение и замерла, ничего не понимая.

Дед Фёдор вошёл со двора. Рукавицей похлопал парня по спине, приветливо спросил:

— Прибыл, значит, орёл? Вот и славно! Давай раздевайся и включайся с девушками в дело.

Тут и Шура вытаращила глаза, тоже удивилась, сказать ничего не может. Поднялась, держа в руках своё плетение, и застыла, разинув рот.

Зато Зина успела собраться с мыслями и спокойно спросила: — Это на чём ты?.. Каким ветром занесло?

И смутилась от глупости своего вопроса.

Игорь улыбнулся во все щёки — зубы ровные, белые. Глаза — серые, весёлые, чёртиками прыгают.

Всё это Зина в одно мгновение успела схватить взглядом — сразу отметила: вытянулся, выше стал ростом; мальчишеская округлость спала со щёк; над верхней губой пушок обозначился.

Шура тоже всё это успела увидеть. Обе приветливо встрепетулись, подлетели с двух сторон, стали Игорю раздеваться помогать: одна вцепилась в пуховик, другая — шапку с головы тащит. Суется, спрашивают наперебой: как доехал, не озяб? Про одноклассников спрашивают, про то, как в новогоднем спектакле сыграл.

Игорь тоже смущён, на вопросы охотно отвечает и всё время смотрит на Зину, разглядеть подробно хочет. Ей даже неудобно от его взгляда: «Чего, как букашку, разглядывает?»

Дед Фёдор, видя девичий переполох, радовался и приговаривал:

— Во! А думали: не приедет. Вишь, приехал. Смотрите, какой орёл!

Игорю предложил:

Иван Никульшин. Трудная зима

— Может, чая с дороги?

— Какой, дед, чай? Такая встреча, а он с чаем!

Дед топтался, не снимая с себя армейского бушлата, а когда страсти улеглись и все успокоились, похрамывая, стал поглядывать в окна на пустое, заснеженное пространство улицы. Видимо, о каком-то деле вспоминал.

Кончилось тем, что он вытащил из-под стола свободный табурет, поставил его в шахматном порядке между табуретами Зины с Шурой так, чтоб в работе один другому не мешали, и, глядя на Игоря, произнёс:

— Давай о деле, парень... Турусы на колёсах потом будем разводить, а сейчас дело...

Усадил Игоря на свободный табурет и стал показывать, как заплести камышовую заготовку в основу будущей корзины.

— Бери в руки кочедык, шильце ли с изгибом, смотри, как Зина с Шурой управляют, и сам таким манером старайся... Что непонятно, спрашивай, не стесняйся. В один приём не получится, снова берись. Ты парень, как я понимаю, с головой, никаких сложностей не предвижу... Приноровишься, словно по маслу пойдёт...

А я, поскольку мне места не пришлось, отвлекусь на иное дело.

И больше ничего не сказав, взял рукавицы, вышел за дверь.

Потом в окно стало видно, как, опираясь на деревянную лопату и костыль, Фёдор Лукич на лыжах ушёл в сторону заснеженного пустыря, где принялся копать среди развалин бывшего конного двора.

Что он мог отыскать в январских, слежавшихся сугробах, молодёжи было непонятно и неведомо.

Они и не собирались ничего понимать, дело молодое, потешать себя стали. Глядя на маячившую вдалеке фигуру старика, Игорь насмешливо спрашивал девушек:

— Что он там раскапывает, клад царя Додона?

И дружно смеялись над любой своей пустячной выдумкой. Весело было, понимали, чушь городят, а пускай, для забавы и чушь хороша!..

Так с шутками-прибаутками и работали до возвращения старика.

Вернулся он ни с чем, но довольный, распаренный, первым делом кинулся проверять, как они тут без него управились.

Игорю подсказал: «Ровнее тяни строку, чтоб не было ни петь, ни пузырей, ни вздутий. А так — молодец, потихоньку по-

Иван Никольшин. Трудная зима

лучается. Девчата, наверное, подучили? Они у нас такие шельмы, всему научат...»

Благодушно подмигнул Игорю, улыбнулся девушкам. И они в ответ застенчиво ему улыбнулись.

Заговорил о деле, какое задумал: начал издавека, ходил вокруг да около, загадками да намёками в тон настроению молодёжи.

— Прошлый раз дорогу чистили, — с чего-то вспоминал он, — и тракторист долго крутил свою машину возле общественного колодца. Большую площадку расчистил, — скосил он глаза на Зину с Шурой, ища их подтверждения. — Полагаю, для гуляний наших девушек делал. А я вот тоже для их забавы только что тележное колесо откопал на пустыре. И с того к вам моё стариковское прошение: возьмите санки и по-молодецки доставьте это колесо на расчищенную площадку.

Молодёжь удивлённо переглянулась: совсем сбрендил старик — что за колесо? Зачем?

Однако спрашивать не стали. Велит, значит, деду для чего-то надо.

Их недоумение не осталось без внимания старика, и он поспешил их успокоить.

— Не думайте, не спятил. Время придёт, убедитесь, что моё распоряжение было отдано при полном моём здравии.

А им-то, молодым да весёлым, что в здравии, что без здравия. Не прошло и часа, как опять же с шутками, с прибаутками колесо было доставлено на указанное место.

Смеялись над колесом, над дедом Фёдором, над его утверждением, будто в труде молодой человек быстрее достигает и зрелости чувств, и гражданской зрелости. Смеялись, а между тем в голову что-то западало...

Тем же вечером, покончив с делами, вышли гулять втроём. Было морозно и тихо, высоко светила луна, снежные скрипы под ногами разносились за версту.

Игорь успел освоиться в новой для себя обстановке и держался свободно. Гуляя среди пустоты елховской улицы, он дивился её безлюдью, оглушающей тишине, шутил над всем этим, говоря: «У вас тут совсем особый мир, какое-то зачарованное царство. И всё в нём необыкновенно: хромой дед Фёдор, как героический воин-ратник из прошлого эпоса; и этот Серебряный колодец, возле которого вы тут гуляете; и вещий ворон, дремлющий на крыше старикова дома; и дух колодезника Рябчика, обитающий в створе сруба. Сплошная сказка, сплошная быль.

Иван Никольшин. Трудная зима

А рядом, — поглядывал Игорь на девушек, — две премудрые волшебницы-чаровницы, владычицы всего этого околдованного мира.

И спрашивал девушек, заглядывая им в лицо: «Вы не ведьмы, случайно? Дед вас не катает на этом деревянном, тележном колесе? И сами вы не летаете на нём на Лысую гору?»

Девушки смеялись, радуясь его шуткам, самому Игорю, веря, что с его приездом жизнь у них пойдёт совсем другая: весёлая, бурливая, как горная речка.

Когда Игорь вёл их под руку, они пели, полные избытка чувств: «Что было, то было, закат заалел, сама полюбила, никто не велел...»

И делали это с таким небывалым подъёмом, что у самих звенело в ушах.

И говорили они торопливо, громко, как будто хотели, чтоб весь мир их слышал. Сами же плохо слушали одна другую, обеим хотелось выглядеть и голосистей, и задорней, и бойчее.

Как всегда, долго стояли у колодца. Игорь, дурачась, катал по расчищенной площадке привезённое ими тележное колесо, покоробленное, не ошинованное железом, без одной выпавшей спицы. Дважды катнув его по площадке и животом проехав на нём, он извалился в снегу.

Шутки, смех, разговоры — всё это возбуждало их, а вот когда пришло время расставаться, примолкли.

Стали рядиться, кого первой проводить до двора. Ни Зина, ни Шура не хотели быть первыми. Обе мялись, ожидая, как Игорь решит.

И он решил.

— Зин, давай Шуру до дома доведём. Ей одной страшно: лес рядом. А в нём у вас кикиморы живут.

Засмеялись, конечно, кикиморам, но невесело, не дружно, а так, для порядка.

Против Шурина двора остановились среди дороги и молча постояли.

Опять ничего не говорят Шуре ни Зина, ни Игорь. И она молчит. Потопталась, скрипя снегом, нехотя побрела до калитки, повернулась, пролепетала, прикрывая губы варежкой: «Ну, ладно, встретимся завтра у деда».

Ей не ответили. Игорь сразу взял Зину под руку, и они быстро пошли. Обоим было хорошо, только вот перед Шурой отчего-то немного неловко.

Иван Никольшин. Трудная зима

У калитки остановились. Игорь спросил, заглядывая Зине в глаза:

— Тебе хорошо?

— Да, — смущённо выдохнула она.

— И мне так хорошо, что не хочется уходить.

— Время, — капризно сказала она и проворно нырнула в калитку.

Он подождал, пока мелькнёт свет у них в окне, и потащился к лещёвскому дому.

Что-то славное, тихое, нежное трогало его сердце. И все мысли его были о ней, о Зине.

15. Артельный разговор

Работать молодёжная артель к одиннадцати сходилась. До этого девушки дома прибирались.

Игоря дед Фёдор с солнышком поднимал. Себя он держал в армейском строгости, по пояс снегом натирался для силы духа, как выражался сам, и парню внушал этот свой армейский порядок.

Они чистили дорожки во дворе, задавали корм козе, меняли у неё постилку.

Игорю не очень нравились дедовы порядки, его стариковское занудство, как он его понимал, но приходилось терпеть, слушаться старика, который как бы насмешничал над ним, говоря: «Тяжело, сынок, в ученье, но легко в бою. Терпи, три к носу — в армии образцовым солдатом будешь».

С ними, молодыми, дед обращался легко и непринуждённо, если и напускал на себя суровость, то она была чаще всего снисходительно-ироничной.

В урочное время, когда они занимали свои места и приступали к плетению корзин, дед Фёдор тоже с какой-то сильно взлохмаченной книгой усаживался за кухонный стол и насмешливо провозглашал:

— Ну, в добрый час, мои юные чада! И какой у вас на сегодня тренд?

Это он так издевался над любителями оснащать свою речь новомодными иноземными словечками.

А ещё насмешками прохаживался по адресу их любимых «звёздных» кумиров, не щадил и спортивных комментаторов.

— Пустоболты, — как-то сказал, кривя в улыбке рот. — Это надо же так не любить ни себя, ни своего родного языка, чтобы любимых футболистов низвести до лошадиного уровня. Загляну-

Иван Никульшин. Трудная зима

ли хотя бы в словарь прежде, чем пускаться в словесные звоны, убедились бы, что «дерби», о которых так радостно трещат, совсем не из области футбола, а из области конских соревнований.

Вот, — поглядывая на молодёжь со своего застольного места, тыкал он пальцем в книгу, — не будьте самодовольными невежами, не хватайте чужих речений, берегите своё, отеческое.

Они слушали и улыбались.

— А какое оно, это самое Отечество? Как его понимать? — решила как-то Зина завести старика на долгий разговор.

Фёдор Лукич сердито глянул на неё из-под своих лохматых бровей и мгновенно произнёс:

— А всякое, каким его наши отцы и деды нам передали.

Девушки переглянулись с Игорем и, сдерживая смех, поджали губы.

Старик не пропустил эту весёлую мину на их лицах и хмуро проворчал:

— А ничего смешного. Вам весело, а кто-то в этот самый час за Отечество кровь проливает.

Девушки молча поджали губы, а у Зины сразу — укор себе: «Тоже сумничала, называется!.. И чего вылезла?..»

Игорь решил вступить.

— А зачем нам всякое? — гордо подал он голос. — Если оно всякое, значит, и кислое, и горькое. А я, к примеру, горького не желаю.

— Эх, сынок, сынок, ты ещё не видел этого горького, — покачал головою старик. — Горького никто себе не желает, а приходится... обстоятельства вынуждают... Я вот тоже не хотел, а довелось...

Без горького и сладкого, говорят, не бывает. За Отечество и кровь порой приходится пролить. Вы ещё молодые, многое вам неведомо. А вот мой боевой товарищ за наше Отечество навек в чужой земле остался. И сейчас, пока мы с вами рассуждениями тешим себя, кто-то тоже за нас с вами бьётся, чтобы этого, так называемого горького, не было.

Сказано это было хотя и просто, вроде бы не для упрёка, а всё равно Зине стало совестно: дед для них старается, а она ради куража завести его вздумала.

Шура с Игорем тоже, наверное, подумали об этом.

— Не бывает Отечества без сыновних подвигов и материнских слёз, — со вздохом заключил дед Фёдор и, поднявшись, неторопливо простучал своей клюшкой к порогу, стал одеваться.

Иван Никольшин. Трудная зима

— Вы тут помаракуйте без меня, а я выйду на свежий воздух. Что-то сердцу душно стало.

С этими словами и вышел.

Оставшись одни, они долго молчали. Потом Игорь сказал:

— А у вас идейный дед.

Зина ответила:

— Он не идейный, он правильный, на русских сказках вырос...

— Эх, ты! — удивился Игорь. — А что они, эти ваши сказки?!

Выдумка да глупость одна.

— Они справедливости учат, — за подругу ответила Шура.

Игорь рассмеялся. Зина искоса посмотрела на него, и он замолк.

И Шура промолчала.

Поскольку знала: порой мальчишки нарочно дурачатся, чтобы девчонкам понравиться.

Вскоре дед Фёдор Лукич вошёл. Они дождались его со смущением.

16. Лиса Патрикеевна

В конце недели такой случай вышел: Зина лисицу от охотника защитила.

Эта лисица с коих пор обреталась круг деревни. Теперь всё дикое зверье к человеческому жилью жмётся: в лесу кормиться стало нечем. У жилых дворов хотя бы отходы человеческого обитания можно подобрать.

Правда и с ними у зверья свои сложности: отходы теперь в контейнеры валят, а они металлические, с высокими бортами — тут уже и «око не видит, и зуб неймёт».

Лиса к ним повадилась с той поры, как однажды Зина выкинула воронам запрещшую тыкву за дорогу в снег.

Птицы полностью её не поклевали, на остатки вороньего пиршества как-то утром и заявила лиса.

Мать с кровати увидела её в окно и крикнула Зине:

— Погляди, дочь, к нам никак гостя пришла.

— Кто?

— Сама Лиса Патрикеевна пожаловала. Посмотри, как она, бедная, мучается, мёрзлую тыкву гложет.

Зина кинулась к окошку, стали вместе смотреть на лесу, исхудавшую, облезлую, горбатую от голода.

— Боже мой! — морщилась от жалости мать. — Похоже, не я одна страдаю, и зверье в страданиях живёт... Ты бы, дочка, вынесла ей что-нибудь из съестного.

Иван Никольшин. Трудная зима

— Мы же вчера картошку в «мундире» варили, — вспомнила Зина. — В чугушке осталось, как пойду к деду Фёдору, вывалю на снег...

С того времени и стали подкармливать эту лисицу. Приходила она не всякий день, но раза два на неделю заглядывала. Иной раз подберёт еду и в лес не уйдёт, в развалинах бывшего двора Стукалиных спрячется.

А на этот раз она не сама пришла: Зина аж побелела от ужаса — лисицу охотник гнал на снегоходе «Буран». Вихри снега клубились за ним, треск мотора разлетался на всю окрестность.

Зина, идя к деду Фёдору, уже возле общественного колодца была, когда лисица, прыснув мимо неё, чиркнула хвостом по снегу и мгновенно скрылась в развалинах сгнившего сарая.

Следом и охотник подлетел. Солидный такой дядька, с двойным подбородком, краснувший от мороза, в просторной дохе из меха какого-то пушистого зверя.

Эта доха из зверя, двойной подбородок и ружьё с оптическим прицелом вызвали неприязнь у Зины. «Наверное, не одну зверушку загубил», — мелькнуло у неё.

Подняв на лоб очки, охотник заглушил мотор, и сразу стало так мертвенно-тихо, что даже в ушах у Зины зазвенело от этой жуткой тишины.

Она смотрела на его по-хозяйски выверенные движения, как приготовил он для выстрела ружьё и сразу спросил:

— Где она?

— Кто?

— Ты мне дурочку не гни, милашка! — рассердился охотник. — Куда лиса, спрашиваю, нырнула?

У Зины будто щетина на горбу выросла.

Неприязнь к охотникам, их собакам, ружьям, капканам, перенятая от матери, вскипела с новой силой.

Вспомнились стонущие крики подраненного гуся с Берёзового озера в далёкий, печальный вечер, и сердце её будто крапивой ожгло. Она вздрогнула и вызывающе спросила:

— И что с того, если нырнула? Это деревня, а не охотничий полигон! — обвела она глазами пустую улицу.

Охотника передёрнуло от её дерзости. «Ах, соплячка!» — видимо, подумал он и сердито произнёс:

— Ты мне не дерзи! Не выросла ещё для дерзостей. Я, наверное, постарше тебя и знаю, где деревня, где труха.

Иван Никольшин. Трудная зима

— Ну и знайте, а я сейчас Фёдору Лукичу доложу... Пусть он своих бойцов поднимет. Они разберутся, что за люди с ружьями у нас по деревне бросят.

Откуда только взялась эта выдумка? Будто кто-то на язык положил.

Охотник явно не ждал от девчонки такого отпора и слегка смешался.

— Что за бойцы? Откуда? Что за фантазии?!

Он недоверчиво окинул глазами убогие дворы, посмотрел на большой дом Фёдора Лукича с трубой, весело пускающей дым всё ещё топившейся печки.

— А таких, с военной операции на отдых прибыли! — усмехнувшись, едко выпалила Зина.

И повернулась, чтобы уйти.

Охотник озадаченно помолчал и с досадой произнёс:

— С этой операцией совсем с ума походили!

Потом крикнул, будто одумавшись:

— Всё равно добуду эту вашу лисицу!

Зина не остановилась и не ответила.

Охотник завёл мотор, резко газанул, сделал вокруг колодца разворот и уехал, оставив после себя запах сгоревшего бензина.

У неё стучало в висках, она шла и думала: «А что, и добудет. И тогда ещё одной зверушки не станет в их лесу».

Когда-то в школе ей вздумалось поспорить с учителем биологии, с его утверждением, что большинство птиц и животных исчезли ввиду отсутствия кормовой базы. «А куда эта кормовая база-то девалась? — спросила она. — Не мы ли её сожрали?.. А теперь спасаем амурского тигра...»

Весь класс захохотал, и ей вlepили двойку за некорректное высказывание.

С этими печальными мыслям Зина и вошла в дом Фёдора Лукича, где её уже ждали.

Игорь первым поднялся навстречу.

— Ты чего такая взволнованная? — удивился он, глядя ей в лицо.

Зина бросила на сундучок с дедовыми инструментами свои варежки и прямо с порога начала рассказывать про лисицу, про свой разговор с охотником.

— Вот козёл! Ему надо запретить здесь охоту, — садясь на место, горячо выразил своё возмущение Игорь.

Иван Никульшин. Трудная зима

Шура послушала Зинин рассказ, удивлённо хлопая глазами, и произнесла:

— Ну и бесстрашная ты, Зин! А если бы он тебя застрелил?

— Хоронить бы стали, — безразлично усмехнулась она.

Дед Фёдор, сидя за столом над своей лохматой книгой, слушал и улыбался. Ему скучно, наверное, было слушать их, и он неопределённо произнёс:

— А что, дураков не сеют, не пашут...

Затем стал возмущаться:

— Лучше бы на позиции ехал проявлять свои снайперские возможности. Но, должно, кишка тонка, вот и хлопает последних в лесу зверушек... как же, герой, ружьё купил с лазерной наводкой. Эх-хе-хе, глупые люди!..

У Игоря горели глаза, он всё ещё с восхищением смотрел на Зину, но мысли его были не столько об охотнике и лисице, сколько о поцелуе, торопливо сворованном у Зиной со щеки при их вечернем гулянии.

Он уже успел приспособиться к однообразному рабочему ритму: руки его действовали как бы вслепую, на ощупь выхватывая нужную тростину, а голова бродила где-то далеко в мечтательных туманах.

Сидевшая слева от него Шура работала хотя и с присущим ей старанием, но тоже думала о чём-то таком, о чём все девушки её возраста думают. Ей было немного обидно, что для одиноких провожаний Игорь выбрал не её, и она гадала: интересно, о чём они говорят с Зиной, оставаясь вдвоём? Неужто о лисице?..

Когда общее возбуждение улеглось и успокоилось, дед Фёдор, не желая мешать молодёжи, их разговорам и сердечным переживаниям, по-тихому оделся и вышел.

С приходом Игоря он чаще стал оставлять их одних, давая им повольничать без его церберского догляда, как сам иронично говорил о себе. Они смеялись, не зная, кто такой Цербер. Он смеялся, что они плохо в школе учили историю древнего мира.

И вообще, он охотно говорил с молодыми и многое им объяснял. Игорь как-то обмолвился о том, что в какой справочник не заглянешь, везде только импортные изобретатели, русских совсем не видать.

Старик из этого вопроса сотворил целую комедию.

— А чего вы хотите? — наивно изумился он. — Они же на Западе с каждой мелочёвкой в патентную контору бегут. Сковырнул ногтем бородавку: ура — открытие сделал, бородавку

Иван Никольшин. Трудная зима

ногтем скovyрнул! Выписывайте патент на моё открытие!.. Ньютону яблоко плюхнуло по темечку: ура — закон всемирного тяготения открыл!

А наш безвестный мужик приладил себе крылья из петушиных перьев, собрался с колокольни в небо взлететь, шлёпнулся наземь, вскочил, потёр рукой ушибленное колено и никакого патента себе не потребовал.

Зато наш Гагарин, — перешёл он на пафос, — однажды так взлетел, что весь мир задохнулся от восторга! И никакого патента не надо: без него всё видно.

Они дружно хохотали над дедовыми выдумками, над его патентом на скovyрнутую бородавку, над петушиными перьями мужика, над Ньютоном и свалившимся на него яблоком.

Словом, дед не давал закиснуть.

Они уже привыкли к тому, что он мог быть и весёлым, и строгим, и понимающим их молодёжные интересы. Он нередко по-стариковски смущённо оправдывался: «Как же, сам был молодым».

А им как-то не верилось, что хромой дед когда-то мог быть молодым, таким же как сами они.

Не верилось и в то, что они тоже когда-то будут старыми.

В общем, вся их жизнь по настроению строилась.

А ныне у деда не было настроения развлекать ребят.

После его ухода помещение кухни с русской печкой и чуланом сразу ушло в скучное однообразие шорохов и шелестов тростниковых стеблей, в быстрые мелькание молодых, проворных рук.

Эти убаюкивающие звуки, их однообразие вводило в дрему.

Первой этого состояния не выдержала Шура.

— Зин, — сказала она плаксивым голосом, — чего это мы молчим? Как будто схоронили кого-то. Лисичка жива, чего ещё надо? Сказку, что ли, заведи.

— Ага, сказку про сову-лупоглазку! — возмутился Игорь. — Начинайте прямо со «Спокойной ночи, малыши»... Вы что, хотите, чтобы я уснул у вас?

Зина недолго молчала, задумчиво посидела и надумала.

— А давайте песню, как в давности было в Елховке... Представим, что мы, деревенские девушки, на своих вязальных и прядильных посиделках, — предложила она.

— Наши мамки и ныне своим кружком поют не хуже, чем на старинных вязальных вечерах, — подхватила Шура.

Она поводила плечами, потянулась всем корпусом и задумчиво запела первое, что в голову ей пришло:

Иван Никольшин. Трудная зима

— В низенькой светёлке огонёк горит.

Молодая пряжа у окна сидит...

Они переглянулись с Зиной, та откашлялась и тоже подхватила:

— *Молода, красива,*

Карие глаза...

При слове «карие» Зина посмотрела на Шуру, будто хотела убедиться, что глаза у подруги не карие и не чёрные, как у самой, а такие, которые можно назвать, наверное, ореховыми, а они тоже приманчивы.

Игорь, не бросая дела, слушал, как они поют. Ему стало уютно в тёплой избе среди слаженных девичьих голосов, и сама песня была тёплой, уютной, как всё у деда Фёдора в хозяйстве — крепкое, просторное, уютное. Это песню он тоже знает давно. Порой её поёт мать при утренней кухонной стряпне. Он ещё нежится в постели, и материн задушевный голос уносит его куда-то далеко-далеко, в какие-то задумчиво-дальние дали, где всё окрашено в тёплые, розовые тона.

Сейчас вспомнилось всё это, и сладко щемящее чувство подкатило к груди.

Работая, так и пели девушки песни, одну за другой, до прихода старика. Он, вернувшись, не раздеваясь, постоял у порога, послушал, как они поют, и похвалил их.

А про историю с лисой как-то быстро забыли. Она и сама куда-то пропала. Наверное, в другой лес ушла.

17. Дедова карусель

Про Фёдора Лукича мать однажды сказала Зине:

— Он, дочка, прямо как железный. Так и неймётся, так и ищет, чем бы себя занять. Это, должно, от тоски у него. По своей Фросе убивается...

Зина удивилась, какая может быть тоска по тому, чего нет? И она ответила:

— О чём ты, мама? Да и жива ли она, эта Фрося?

— А хоть бы и не жива! Отца твоего сколько нет, а я всё поминую, — стыдливо призналась она и концом платка утёрла глаза...

— Ты другое дело. Папа и умер совсем молодым... я его даже не помню, — потупилась Зина.

И мать спохватилась.

— Да что мы всё о себе да о себе?! — бросила она с досадой и быстро спросила: — А, вот Ольга Петелина с чего, думаешь, от нас сбежала? Да всё с неё, с бабьей тоски окаянной!.. А сколько

Иван Никольшин. Трудная зима

нас, таких, по городским и деревенским углам кукует!.. А всё с крушения бабьей судьбы. С неё всё. Уж коли она не задалась, то, считай, жизнь разлетелась в склянки!..

Последние слова мать бросила резко, со злым вызовом, как будто кому-то чего-то доказать хотела, но, пошмыгав носом, уставилась на Зину и удивилась:

— Чего это я?

И принялась объяснять:

— Невзгода, она для всех одинакова: и для молодого, и для старого. Вот и на деда, похоже, накатила его невзгоды блажь?.. С того и уходит в разные игры-забавы... Ты говоришь, тележное колесо откопал?.. — переспросила она. — Площадку намораживает?.. Догадываюсь, чего задумал этот старый колдун. Масленица же скоро, вот и собрался вам карусель устроить.

И глаза её молодо заблестели.

— Мы-то, весь наш тогдашний девичий выводок, — кинулась она в воспоминание, — не застал этого. А вот на лошадаках, украшенных цветными лентами, нас покатали! Тоже весело было.

— Можешь не рассказывать, мама. Уже разъяснилась вся дедова архаика. Он сам и устроил её в какие-то два морозных дня и нам разъяснил: что, зачем и откуда, — засмеялась Зина, целуя мать и готовясь уйти в лещёвский дом на плетение корзин.

Когда потом проходила мимо общественного колодца, не утерпела, заглянула на расчищенную площадку, желая убедиться, что цело, висит тележное колесо на вмороженной торчмя оси среди ледового круга, не унесла его никакая старинная, вражья сила, молча насмешничала она над дедовым творением, как эти дни вся их молодая компания насмешничала над самим дедом Фёдором и его затеей.

К колесу дед приладил гладко отёсанную, берёзовую вагу, или «води́ло», как сам потом пояснил.

— Прицепляйте к концу ваги санки, и карусель моего детства готова! — весело объявил он, когда Игорь с иронией спросил, что за космическое устройство он изобрёл.

— Привязывайте санки и лётайте, как мы когда-то лётали на этом тележном пропеллере! — умильно щурясь, хвастался старик.

— И это в космической век цифровой экономики? — изгалялся Игорь над сооружением старика. — Это надо патент выписать на столь редкостное изобретение!

Дед не обижался: готовый и пошутить, и на серьёзный разговор себя настроить, он отвечал:

Иван Никульшин. Трудная зима

— Милой мой, чтобы оценить настоящее, надо знать прошлое! Народ во все века что-то для души своей изобретал. Этой каруселью, думаю, ещё сам Авраам услаждал распрекрасную Еву.

Зина, слушая старика, дивилась: ну, никакая тоска деда Фёдора не заест, и стариковской вредности в нём нет: сам над собой потешается.

Опробовать же дедово карусельное чудо первым в санки сел Игорь. Зина с Шурой прокрутили колесо, но щадяще, не так быстро, чтобы их с Шурой обожателя центробежной силой не снести в снег.

А по-настоящему их карусельная забава пришлась на вечер, когда втроём собрались у колодца. Тут они уже от души повеселились, дав себе волю и накричаться до хрипоты, и нахохотаться, и с визгом в снегу навалиться.

Игоря Зина с Шурой на этот раз раскрутили с такой бешеной скоростью, что он, не удержавшись, улетел далеко в сугроб. Вдвоём вызволяли его из снежного плена.

Пришёл черёд им прокатиться. Игорь тоже не стал их миловать, тоже с бешенством раскрутил колесо, и они на первом же круге послетали с санок.

Зину унесло в такой глубокий сугроб, что не было сил выбраться.

Игорь кинулся помогать. Поднимая её, он склонился над хохочущей Зиной так низко, что не удержался и поцеловал её в губы. Ей стало так хорошо, что она на мгновение онемела, и губам было так горячо и сладко!

Всё произошло на глазах изумлённой Шуры. Она отвернулась, отошла в сторону и остаток вечера провела молча.

И у Зины потерялся интерес к разговорам с ней.

Когда наступило время расставания, Шура отказалась от привычных провожаний её до дома. «Холодно, — сказала. — Сама дойду».

И, не попрощавшись, пошла быстро, морозно скрипя свежим, напорошённым снежком.

Игорь с Зиной недолго смотрели вслед, тоже молча повернулись, не сговариваясь, обнялись и в обнимку побрели к Зинину дому.

Обоим было хорошо и немного совестно из-за Шуры.

Но и это свербящее чувство тихой совестливости недолго томилу Зину. При расставании с Игорем она уже сама обняла его и поцеловала в губы таким долгим, затяжным поцелуем, что у неё замутнело в глазах.

Иван Никольшин. Трудная зима

Потом дома в постели, лёжа с открытыми глазами, она долго вспоминала, как было хорошо ей от своего долгого поцелуя.

А утром за Игорем приехала его мама.

18. Расставание

Что приехала Галина Ивановна, Зина догадалась сразу по весёлым притопам её зимних сапожек в сенях. Так легко, с плясовыми прискоками-притопами обивать снег с сапожек могла только она.

И Зина в который раз подумала: «Какой всё-таки славный человек — тётя Галя. У неё ко всему в жизни есть интерес. Об этом можно судить даже по её быстрым глазам, которые в один миг всё обегут, заметят и запомнят».

И о себе Зина подумала, что у неё появился взрослый интерес к общему делу, в котором хочется самой жить и участвовать.

Не успела подумать так, как её обожгла страшная догадка: «А ведь тётя Галя приехала, чтобы Игоря забрать!»

И эта догадка была столь оглушительна, что скомкала, убрала, отодвинула все другие мысли. «Ну, зачем? С ним же мне хорошо! Пусть ещё поживёт...»

И Зинины руки, принимающие от тётки Гали привезённые продукты, стали неловки, и сама она сделалась как ватная.

И тётя Галя, подавая ей упаковку с макаронами, удивилась её неловкости:

— Ты чего, девка, будто тебя сварили?..

— Я ничего, — блестя глазами, испуганно принялась она оправдываться. — Я ничего!

— Выспалась плохо, никак не раскачается, — заметила с кровати мать. — На дедовой карусели накатались.

— И мой Игорь до сих пор раскачивается: гуляете подолгу, — догадливо засмеялась тётя Галя и сразу перешла на разговор о делах.

Начала с того, что корзиночки она все реализовала, получила ещё заказ и уже доложила об этом деду Фёдору. С документальным оформлением артели дела продвигаются. Уже вывеску заказала.

— Ну и ловкая ты: прямо дело горит у тебя в руках! — похвалила её Елена Петровна.

— Хочешь жить — умей вертеться, — сказала на это Галина Ивановна и продолжила перечислять свершённые ею дела. — В Орехово, — сказала она, — вовлекла в общий наш круг старика Плещеева и ещё двух пенсионеров. Все они согласились

Иван Никульшин. Трудная зима

быть мастерами-надомниками. Плещеев, оказывается, специалист по бересте, а другие — умельцы по части резных ложек, плошек, коробушек, свистулек, дуделок, сопелок, гуделок: всё в дело пойдёт — кому для украшения, кому для забавы и памяти детства.

Люди истосковались по своему природному, заветному, деревенскому и хотят в доме иметь частицу своего бывшего луга, леса, речки. Ведь большая часть теперешних горожан — это же всё бывшая деревня...

— Вот и будем работать на их интерес, — и она весело подмигнула Зине, а Елене Петровне ободряюще сказала: — Возможно, и для тебя с коляской что-то прояснится к теплу. Во всяком случае, Софья Леонидовна не теряет надежды. Надейся и жди, подруга! — берясь за сумку, заключила она изложение текущих новостей. — Вот пока, кажется, и всё у меня, о чём имела случай вам рассказать, — и поглядела на Зину. — А тебе, деточка, наверное, пора в дедову мастерскую? Собирайся, подвезу, заодно Игоря заберу. Всё: каникулы позади — пора за учёбу. Он же у меня в вертолётку нацелился, а туда теперь, говорят, конкурс. А народному мастерству, чего не успел ухватить, у наших ореховских стариков подучится... Давай, поехали, — заторопила она.

— Вот, всем по серьгам раздала, всё распределила! — опять, уже в который раз за утро восхитилась Елена Петровна проворством подруги.

Галина Ивановна звонко рассмеялась в ответ, а Зина кинулась одеваться; сама от волнения рукой в рукав не может попасть. И мысль одна в голове: Игоря сейчас увезут...

Тётя Галя, кажется, уловила её переживания и потихоньку сказала:

— Не переживай: весна не за горами... Соскучится, сам прилетит...

В машине она стала спрашивать Зину, как Игорь тут вёл себя и проявил ли способности в науке плетения корзин?

Зина стала нахваливать его, чему Галина Ивановна, конечно, не верила, но слушала с интересом.

У Лещёва Игорь был уже наготове и сразу встал, как только они вошли.

— Собран? — с порога спросила мать. — Вот и отлично! Давай, поехали, — заторопила она. — Мне ещё в налоговую надо доскочить...

Иван Никольшин. Трудная зима

Игорь остановился против Зины, близко посмотрел ей в глаза, что-то хотел сказать, но не сказал, взял правую руку, крепко сжал и сразу вышел.

Она хотела выйти следом, но кинула взгляд на Шуру, на деда Фёдора, стоявших напротив, и остановилась.

Дед Фёдор подсказал ей:

— Давай вешай своё пальтишко: втроём теперь будем управляться.

Шура, понимавшая состояние подруги, ничего не говорила, копошилась, не поднимая головы, перебирая шуршащую, тростниковую соломку.

Дед Фёдор концом клюшки подвинул под себя свободный табурет и водрузился на место, где ещё вчера сидел Игорь.

В избе сделалось сонно и глухо. С улицы в окно глядела голая берёзовая ветка, её колебал ветер, и она по-зимнему уныло скребла о стекло.

19. Вещание лисы

С отъездом Игоря потускнели Зинины дни. Ожидала чего-то светлого, а было одно томленье души.

И с Шурой их отношения стали как бы сдержанней: они уже не летели с прежними радостными восторгами навстречу друг дружке. Их как будто останавливал кто-то, и эта сдержанность угнетала обеих.

С плетением корзин осталось всё то же самое, что было и вчера, только работалось уже без прежнего задора.

А тут ещё дед Фёдор немного прихворнул, пришлось девушкам принять на себя его заботы о козе, о чистоте двора.

Старик, слава богу, не умел подолгу валяться в постели: не прошло и трёх дней, как он был на ногах и сам принялся наводить порядок в своём дворовом хозяйстве.

Без Игоря у девушек совсем потерялся интерес и к обычным вечерним гуляниям, и они, не сговариваясь, перестали ходить к колодцу.

Дедову карусель потихоньку начало заносить снегом, для Зины с Шурой она тоже стала без интереса.

Было, правда, раза два за всё время: пробовали покатать сами себя — получилось нудно, уныло и неинтересно, будто не развлекшись вышли, а некую повинность отбывать.

Одно осталось в утешение: зима на убыль пошла — дни заметно прибавлялись, больше стало света.

Иван Никульшин. Трудная зима

Словно бы радуясь наступлению первого робкого тепла, тётя Надя, Шурина мама, начала на крыльцо выходить.

Выйдет с палочкой, как древняя старушка, подставит лицо солнышку и смотрит за дворы — на белый полевой простор, схваченный местами синими пятнами робких мартовских проталин.

Снег и на обочинах зимней уличной дороги темнеть и сочиться начал, а под крышей дома капель запрыгала, заиграла: весна не за горами!

Радоваться бы и Зине с мамой, только вот с лечением у них заметных сдвигов нет.

Софья Леонидовна, наезжающая с подворными медицинскими обходами, неумолима: требует от матери с дочерью надежд не терять, рекомендованную ею физиотерапию неуклонно продолжать.

Елена Петровна теряет надежды, а Зина — на стороне врача.

Опять возник разговор об инвалидной коляске; Софья Леонидовна сама его возбудила, сказав, что со своим врачебным ходатайством обратилась в общество социальной защиты. Описала положение, как оно есть: больная женщина с дочкой школьного возраста проживает в глухой, заброшенной деревушке на совсем небольшое пособие от государства, самим купить коляску им не на что — нужна помощь.

— Будем надеяться, что помогут, — с надеждой произнесла она и суеверно поплевала себе за спину.

— Дай-то бог! — не менее суеверно воскликнула Зинина мать и трижды перекрестилась.

Сама Зина с надеждой смотрела на Софью Леонидовну: её умиляла эта старушка. Слышала о ней, что она, выросшая в городе, приехала в Орехово сразу после института, да так навсегда и осталась здесь: и замуж тут вышла, и состарилась тут — маленькая, согнутая, голова в буклях, белых, как лебяжий пух, а руки бороздками морщин испещрены.

И всякий раз Зинина мысль спотыкается об одну и ту же кочку: «С чего это они с Шурой вздумали в город лететь? На Мальвину раззавидовались? А вот не чета им человек, всю жизнь в деревне живёт!..»

И ей становилось как бы немного неловко за себя, и она торопилась поскорее увернуться от набегающей следом мысли, что они с Шурой, две вертихвостки, много думают о себе...

Да и не сможет она уехать от большой матери, видимо, ей, как и Софье Леонидовне, навек предстоит остаться в деревне.

Иван Никольшин. Трудная зима

И здесь исподтишка подкрадывалась, выползала другая, более ужасная мысль: Игорь выучится и улетит от неё на вертолёт. А она и городской не станет, и одна навек останется...

У Шуры — иное дело. У её мамы подвижки видны в лечении. Тёте Наде и банные дни с коих пор Софьей Леонидовной были позволены, только не жаркие, не в первый пар.

Ой, сколько можно всего передумать наедине с собой! И как только всё это в голове уместается?..

С такими мыслями Зина и шла домой, чтобы маму обедом накормить. До своего двора уже дотопала, глянула за дорогу: ба, лиса вернулась: на прежнем месте сидит!

«Жива!» — и сердце Зины радостно прыгнуло. Она ведь думала: больше не увидятся. Думала, что этот битюг на снегоходе подстрелил её. А нет, увернулась голубушка!.. Больше недели пропадала и вот пришла. Изголодалась теперь...

И Зина побежала в дом за объедками для своей лесной хлебницы.

Так с самой середины зимы у них повелось тут: дед Фёдор одинокого ворона прикормил, а они с мамой — лису. Жить-то всем надо. Мать говорит: «Живые должны живым помогать, о мёртвых святые позаботятся».

Зина забежала в дом, кинулась к посудине с объедками.

— Ты чего как угорелая? — удивилась мать, недоумённо глядя на неё.

— Лиса там! — махнула Зина рукой, указывая на улицу.

— Пришла! — обрадовалась мать и потянулась головой к окошку.

Зина мигом вылетела из избы.

Лиса, увидев её с посудиною, подняла уши, нетерпеливо задёрнула носом, пушистым хвостом по снегу заводила. Ой, как страшно и голодно! Взвизгнула по-собачьи и в сторону отпрянула.

Зина вывалила еду на снег, притолчённый воронами, и вернулась домой.

Пока они с матерью обедали, лиса тоже покончила едой.

Потом, по возвращении Зины к деду, она в отдалении сопровождала её до самого общественного колодца. Здесь остановилась, как бы в раздумье посидела и направилась в поле.

Зина решила, что лисице отчего-то стало грустно, и она, придя к деду Фёдору с Шурой, стала рассказывать:

— Идёт за мной следом, вся какая-то задумчивая, будто что-то сказать мне хочет.

Иван Никольшин. Трудная зима

Дед не удивился лисьей задумчивости, а Шура съехидничала: — Это она весточку передать хотела, а ты не поняла...

И, вода глазами, засмеялась.

«Чего несёт? Какую весточку?» — рассердилась Зина, а у самой в груди заскребло: «Вот бы Игорь объявился!»

Хотя с какой стати, с чего?

А он и правда вечером объявился.

Уже смеркаться стало, свет в избах зажгли, с улицы в окошко к Мурашкиным кто-то кинул рассыпавшимся снежком. Зина вздрогнула, вспомнив Шурино вещание, откинула штору, вгляделась в улицу и воочию увидела за калиткой Игоря. Он стоял, упёршись в лыжные палки, а рядом кто-то ещё был...

Она сразу же выскочила на крыльцо, крикнула, что сейчас оденется. А сама как в лихорадке.

— Кто там? Женихи, что ли? — догадливо спросила мать.

Зина не ответила. Схватила с вешалки куртку, платок — на голову.

— Теплее одевайся! — вдогонку крикнула мать.

Куда там, уже за калитку унеслась. Здесь и узнала: вместе с Игорем — его одноклассник Виталька Ермолаев. Оба в лыжных костюмах, оба разгорячённые, паром пышут.

Оно и не шуточное дело — семь километров нетронутой, снежной целиной на лыжах отмахать. «Как бы не застудить их!» — кинулась в голову заботливая мысль.

А погода была как на заказ: мягкая, с лёгкой облачной наволочью, редкий, крупными хлопьями снежок, как пух, с неба слетал.

— Это как же вы надумали? — сияя глазами, спрашивала Зина. — Зима же: холодно в костюмах, — для порядка укоряюще говорила она, а сама до безумия рада видеть обоих.

— Нам жарко, — засмеялся Игорь. И Виталик улыбался. — Это вот ему вздумалось Шуру увидеть, — кивнул на друга Игорь.

А Зине было это странно: с чего тут Виталик? Они вроде бы и в школе редко общались. Он стеснительный, этот Виталик.

«Вот так новость!» — дивилась она.

— А тебе не вздумалось? — застенчиво улыбаясь, упрекнул Игоря Ермолаев. Он тоже рослый, как и Игорь, с волосами изпод серой вязаной шапочки.

— И мне захотелось, — как-то робко произнёс Игорь. — Мы же соскучились по вас.

Иван Никольшин. Трудная зима

— Ладно, мальчики, — взяла на себя роль хозяйки Зина. — Стоять на холоде вам, разгорячённым, долго невозможно. Могу предложить чаю.

— Нет, нет! Никакого чаю, — запротестовал Игорь. — Моя мать говорит, что с чая только лягушки поправляются.

— Да мы ненадолго, только повидаться! — вслед за Игорем подхватил Виталик.

— Тогда давайте поступим так, — предложила Зина. — Давайте прогуляемся до Шуры, а затем мы проводим вас за деревню, чтобы вы ненароком не заблудились в наших дичающих местах.

У неё было такое волнение, в голове такая мешанина, что казалось, так умно и правильно рассуждает совсем не она, а кто-то другой.

— Не бойтесь, мы не заблудимся. Мы же не ваш коровий пастух, — сострил Игорь, намекая на давний случай с заблудившимся в лугах пастухом.

И сам же смущённо засмеялся над своей остротой.

— Ну, вот, вспомнил! — рассердилась Зина и сразу отправилась за лыжами во двор.

Вынесла, и они все трое без лишних разговоров двинулись к Зацепиным.

У старика Лещёва был свет, проезжая мимо его дома, Игорь на ходу пояснил своему товарищу:

— Вот здесь живёт наш главный наставник и добрый старый колдун. Он наших девушек на тележном колесе катает. А ещё у него есть мудрый ворон, — продолжал Игорь, не останавливаясь. — Они с дедом изучают древнюю историю.

Зина засмеялась и добавила к Игоревой шутке:

— И не только древнюю историю, но и нашу современную жизнь... А ещё он героический человек, воин-интернационалист, где-то в Африке воевал.

Больше не нашлось, что добавить, и они лихо промчались дальше, прошуршав лыжами по снегу.

Через минуту стояли уже у дома Зацепиных.

Зина забежала во двор, постучала в окошко, вызвала подругу на улицу. Увидев парней у калитки, Шура сильно смутилась и некоторое время была в замешательстве, не понимая, как и зачем они все трое тут?

Игорь от калитки принялся объяснять, что и без того было яснее ясного: приехали себя показать, на своих милых девушек посмотреть.

Иван Никульшин. Трудная зима

Зина стала решать, как дальше им поступить: погода хотя и мягкая, а без движения на улице не постоишь. В дом ребята идти не хотят, значит, надо шевелиться, двигаться.

Когда окончательно собранная Шура вышла, всё ещё смущённая и как будто немного растерянная, Зина предложила:

— Давайте, мальчики, так поступим. Вы нас почтили своим посещением, а теперь мы с Шурой хотим ваше доброе внимание к нам оплатить своими тёплыми проводами вас до самой Окружной дороги. Там и распрощаемся.

— Мы и прибежали, чтобы только поздороваться, — объяснил Игорь. — Скоро лето, — начал он о планах на будущее. — На велосипедах будем к вам в гости ездить.

Шура из кладовки тоже вынесла лыжи, с тем и двинулись напрямую через огороды в поле по хрусткому снегу. Зина с Игорем шли в одной связке, Шура с Виталиком — в другой, но шли кучно, чтобы не потеряться.

На полевом просторе было и свежей, и мутней; кругом лежала серая снежная пустота огромного нежилого пространства, которое, думалось Зине, не может, не должно, чтоб среди его великой пустоши не обреталась какая-нибудь незримая жуть.

Она, хотя девушка и не робкого десятка, но со своей впечатлительностью одна или даже вдвоём с Шурой, пожалуй, побоялась бы идти в этот стылый мрак, стелющийся на много вёрст кругом. А с ребятами ничего, с ребятами не боязно.

Они быстро пролетели поле, пересекли защитную лесополосу и вышли к Окружной дороге, обычно замирающей к этой вечерней поре.

За дорогой опять — уже другие поля, такие седые и холодные, как и те, которые только что пробежали. Они терялись где-то за далёкой, мутной чертой, над которой жёлтым заревом высоко горело небо: это Орехово светило своими ночными фонарями. Зине казалось, что это сам космос светит с неба.

Она остановилась и, запыхавшись, сказала:

— Ну а дальше вы уже одни...

— Что же, будем прощаться, девушки, — медленно произнёс Игорь и, воткнув палки в снег, положил ладони Зине на плечи, хотел поцеловать, но застеснялся, да и дыхания хватило лишь на то, чтобы крепко обхватить её руками.

Она услышала его частое сердцебиение, и в ней самой заволновалось, застучало сердце, и ей стало душно.

Иван Никольшин. Трудная зима

Она высвободилась из Игoreвых рук и увидела, что Шура с Виталиком тоже стоят обнявшись. И Зине стало легко и свободно, будто какая-то внутренняя скала обрушилась и освободила её от тяготы, томившей последнее время. И Зина поняла, что это её девичья ревность в ней пала.

С этой раскованной свободой в сердце она и побежала домой, не замечая ни снежной мути полей, не их печального зимнего одиночества.

Шура тоже молча бежала рядом, словно пристяжная лошадка. Зина догадывалась, что подруга, должно быть, думает о какой-то важной для неё тайне, о которой лучше молчать, крепко замкнув её в своём сердце.

20. Кресло-коляска приехала!

Дни стали длиннее: проходили они у девушек не только в повседневных хозяйственных заботах и в плетении корзин под поучительные истории деда Фёдора, но и в ожиданиях чего-то личного, необыкновенно-светлого. «Это какой-то угар головы», — думала Зина, пугливо закрывая глаза.

Ещё, кажется, совсем недавно каждый очередной день для неё начинался с узнавания чего-то нового, ещё неоткрытого, теперь же другое её волнует: она стала взрослой, любовь постучала в её сердце. И это только начало, верила она, которое обязательно должно вылиться во что-то вечное — в какую-то бесконечно великую дорогу счастья.

Под восьмое марта приехала тётя Галя Стукалина, привезла вывеску будущей артели. Исполненная на толстом квадратном стекле рубинового цвета, в чётком буквенном начертании под золото: «Елховская народно-промышленная артель «Серебряный колодец», — она выглядела солидно.

Порадовались на вывеску, понравилась и артельная печать. Её тётя Галя достала из шёлкового кисета, чтобы показать присутствующим в избе деда Фёдора и торжественно произнести:

— Слава богу, рухнули все бюрократические твердыни!.. Сколько и каких переживаний перенесла, лишь я об этом знаю.

Ладно, теперь всё это пролетело, — махнула она рукой. — Теперь дело за нами, за нашим настроением и организованностью.

«Ой, как складно у неё получается!» — думала Зина, глядя на тётю-Галино зарумянившееся лицо.

— Вот так-то, мои милые мастерицы, — сказала Галина Ивановна, обращаясь к Зине с Шурой. — Кто чего хочет, тот

Иван Никульшин. Трудная зима

обязательно своего добьётся. Дело теперь за малым: осталось дожидаться окончательного тепла — оборудуем мастерскую и будем переселяться. Освободим деду Фёдору кухню: надоели, наверное, ему.

Фёдор Лукич, убравший вывеску в ящик большого старинного комода, услышал, что она говорит, и тут же возразил, усаживаясь за кухонный стол с деревянной, им же когда-то выточенной солонкой:

— Мне народ не в тягость. Я человек общественной закваски: всю свою жизнь на народе. А тут такие писанные красавицы, — растопырил он руки в сторону Зины с Шурой. — Разве могут они кому-то быть в тягость?

— Фу ты, а я за своими делами про красавиц совсем забыла! — шлёпнув себя по бёдрам, спохватилась Галина Ивановна. — Им же от женихов тёплые приветы и праздничный гостинец. Только я его в машине оставила. Сейчас принесу.

И шагнула к порогу.

— погоди! — остановил её хозяин. — И порасторопней гонцы есть... А ну, кто из вас самая рысистая? — обвёл он глазами девушек.

Первой со своего рабочего места встала Шура, Зина тоже поднялась.

— Ну, не все сразу! — засмеялся Фёдор Лукич, обращаясь к Галине Ивановне: — Разве такие проворные работницы дадут заскучать?

И стал хвалить девушек, а Стукалина крикнула вдогонку Шура:

— Конфеты на сиденье смотри!

— Вот у нас про молодёжь неодобрительные слова говорят, — гудел дед Фёдор. — Запросы-де у неё не по чину. А наши девушки ничего и не запрашивают, с неба звёзд не хватают. Что в доме есть, то им и в честь. Вот малярами задумали стать. Кто-то в звёзды метит, а они — в маляры! Так что молодёжь молодёжи большая рознь...

— И хорошо, что о профессии задумались, — подхватила Стукалина. — Я их намерения одобряю.

И стала говорить, глядя на Зину, неловко ежившуюся под её пристальным взглядом:

— У девочек всё только начинается. Мы и сами начинали жизнь не с алмазного ларца. При желании и маляром можно быть гениальным, а не простым мазилкой. У меня в городе зна-

Иван Никольшин. Трудная зима

комая есть, — вспомнила она. — Так вот, эта молодая женщина вам распишет стену так, что куда там иным, так называемым художникам, с их ребусами и чёрными квадратами! У неё не стена получается, а луг в весеннем благоухании! К ней — очередь из клиентов. Так, что, Зиночка, не ошибёшься, если у тебя есть фантазия в голове.

И сразу перешла на старину, про своих деревенских прабабушек заговорила.

— В каждом человеке есть мечта о прекрасном, — повея глазами, со значеньем произнесла она. — Это мечта и в наших старозаветных бабках была. Откройте их сундуки под приданое. А там — глаза разбегаются: словно корабли в сказочном царстве, картины во все цвета радуги. Чего только нет! И бобы-королевичи, и русалок хор с рыбьими хвостами, и лебёдки белоснежные средь моря синего, и старики со старухами на завалинках, и даже добродушный домовый, похожий на кота с голубыми глазами, есть.

И всё это — поэзия простого человеческого духа. Все эти фантазии, заметьте, рождались в головах совсем не образованных, деревенских девчонок, готовящих себя к замужеству.

Зина слушала тётю Галю в рассеянном смущении, как бы хваталась за что-то ускользающее из рук. «А ведь и нам с Шурой пора готовить себя к замужеству», — думала она.

Само замужество в её представлении выглядело тоже чем-то ускользающим — туманно неясным и даже фантастическим.

Это походило на то, когда спросонья открываешь внешнее окошко и проваливаешься в ослепительную пучину света. Хочешь что-то рассмотреть, а ничего не видишь в сплошном ослеплении.

А что, если получится, как у тёти Нади Зацепиной с её пропавшим дядей Пашей?..

Пока Зина так думала, Дед Фёдор, забавляющийся раскрашенной солонкой за столом, как-то неопределённо улыбался, слушая рассуждения Галины Ивановны о будущем Зины с Шурой, поддакивал, кивал головой и говорил для общей забавы:

— Вы, девчата, не тушуйтесь. Ваши желания пока вилами на воде писаны. Это как голос с неба: вроде он был, а вроде бы его нет. А что, если вы однажды просыпаетесь с какой-то гениальной идеей в ваших умных головках и выдаёте великое открытие не просто для мира, но и для самой Вселенной. Говорят же: человек есть божественная тайна. Вот и вы для нас пока есть тайна...

Иван Никульшин. Трудная зима

Зина улыбалась околесице деда. Галина Ивановна слушала, высоко держа голову и неодобрительно морща нос.

Она не любит, когда конкретное дело превращают в забаву.

Вошла Шура с конфетами в коробках одинакового цвета. И мысли Зины перенеслись на Игоря: «Не забыл наши зимние гуляния...»

И здесь по улице прошла насторожившая всех белая «Газель» с красными крестами.

— Никак наша ореховская «скорая»? — удивилась Галина Иванова, глядевшая в окно, и стала следить, куда она завернёт.

Остальные тоже удивились: с чего это сюда «скорая»? К кому?.. Наблюдавшая за машиной Галина Ивановна увидела, что она затормозила против двора Мурашкиных.

— Ой! — воскликнул она. — Зина, это к вам! Не с матерью ли что?..

Зина кинулась к боковому чуланному окошку с видом на двory. Шура — за ней следом. Обе увидели, как из машины бойко выпрыгнула лёгкая белокурая девушка в халате, медицинская сестра ореховской участковой больницы, Катя; за ней с медлительной осторожностью спустилась сама Софья Леонидовна в тёмных очках. В сочетании с её ослепительными белыми буклями из-под розовой вязаной шапочки они гляделись совсем нелепо, но сейчас этого никто не принял во внимание.

Поблудневшая Зина метнулась к вешалке с одеждой.

— Да погоди ты егозиться-то! — взвинченным голосом крикнула Галина Ивановна, кинувшись за ней.

Похватав свои одежды, все высыпали на улицу и принялись тискаться в машину.

Подъехав к дому Мурашкиных и увидев, что из медперсонала в дом никто не поспешил, все охолонули от горячки, а Зина с Шурой кинулись помогать медсестре, выгружающей из салона кресло-коляску. Возбуждённо разговаривая и дружно толкаясь, понесли коляску в дом, где, напуганная суетой народа, поджидала их, сидя на кровати, гладко причёсанная Елена Петровна, одетая в толстую шерстяную кофту собственной вязки.

— Расселась, как барыня, не видит, что ей транспорт привезли! — радостно набросилась на неё Галина Ивановна и весело приказала: — Давай спускайся со своего бабьего трона, примеряй машину.

Елена Петровна бессмысленно улыбалась, торопливо оглядывая толчею народа, и обалдело хлопала глазами. Она, кажется,

Иван Никольшин. Трудная зима

не всё понимала, что говорят ей, и отчего это столько собралось народа.

Должно, от нервного возбуждения у неё косил и закрывался один глаз.

— Вот совершилось, о чём мечтали, — кивком головы указав на коляску, тихо говорила Софья Леонидовна, степенно топчась позади всех.

Перед ней расступились, дали ей пройти к болящей; коляску поставили посреди избы; принялись трогать её руками и рассматривать.

Медсестра Катя, уставив большие глаза на хозяйку дома, медовым голосом стала объяснять технические особенности совсем новенького заводского изделия.

— Чудо, а не коляска! — восклицала она, помогая себе прищурями глаз. — Модель «Старт»! Совсем бесшумная, самоуправляемая, лёгкая, как пушинка, с никелированными винтами управления.

Говоря это, в ритм своим словам Катя легонько пощёлкивала сухими ловкими пальцами.

Елена Петровна, словно онемела, зачарованно кивала головой и ничего не могла сказать в ответ.

— А давайте сразу и примерим изделие. Может, оно маме будет не в пору, — неожиданно предложила Зина и кинулась к матери.

— Как это не подойдёт? — возмущённо зашумели вокруг. — Должна подойти! Обязана!.. Сейчас и проверим!

Дед Фёдор, топтавшийся позади всех, шутливо заметил:

— Это же не паровоз, можно и примерить...

Шутку старика не оценили, никто не засмеялся. Коляску вплотную поставили к кровати, и Зина сказала Елене Петровне:

— Давай, опирайся, мама, на свою клюшку, приспособляйся сама влезать в эту машину.

Елена Петровна, словно бы ожила, задвигалась, зашевелилась, целясь влезть в кресло-коляске, одной рукой цеплялась за постель, другой, опираясь на клюшку, принялась усаживаться.

— Ну, ну, не волнуйся, мама, потихоньку, — подбадривая мать, помогала ей Зина. — Раз, два — хоп! Вот мы и на месте. А теперь рули давай.

— Смотри нас не задави, — весело крикнула Глина Ивановна, и все засмеялись.

Иван Никульшин. Трудная зима

Елена Петровна и сама не поняла, как у неё ловко всё получилось: напряжённая, вспотевшая, она, словно влитая, сидела в коляске.

А у Зины, наблюдавшей за матерью, даже сердце как бы всплеснуло от радости.

И вокруг все одобрительно гудели, увидев, что получилось; Шура и с медицинской сестрой даже в ладоши от удовольствия похлопали.

Елена Петровна тем временем без подсказок доехала до порога, круто развернулась на углой кухнёшке, поехала обратно в залу. И всё это под десяток внимательных глаз и дельных советов.

Ей было так хорошо в коляске, свободно и уютно, что не хотелось из неё вылезать. И она говорила умильным, мурлыкающим голосом:

— Это совсем другая жизнь. Это совсем другой оборот! Я теперь словно на седьмом небе... Как придёт тепло, буду сама по улице ездить. А в огородную пору — за грядками ухаживать. Да мне теперь сам черт не брат!..

И тихонько смеялась от счастья, от того, что такое везенье ни с чего ей привалило. И все вокруг смеялись, видя её радость.

Софья Леонидовна тоже топталась со всеми, явно довольная, что её хлопоты увенчались успехом. И, поправляя очки у себя на носу, назидательно говорила: «Коляска коляской, мои хорошие, но и про упражнения не должны забывать: укрепляйте мышцы ног».

Наконец, налюбовавшись, нарадовавшись, натешившись радостью Елены Петровны, высказав ей много добрых пожеланий, гости заторопились к делам своим.

Первой, поцеловавшись с хозяйкой дома и мимоходом ласково потрепав Зину за её румяную щёчку, уехала Галина Ивановна. Она прихватила с собой Шуру и Фёдора Лукича, обязавшись целыми и невредимыми доставить их до дома.

Софья Леонидовна с медсестрой, прежде чем отъехать, дали Елене Петровне расписаться в бумаге о получение коляски.

Зина предложила гостям чая, они вначале решительно отказались, но, когда в доме по-настоящему запахло лесной земляникой и запахами заваренного листа чёрной смородины, не удержались, присели к столу.

Разговор с коляски сразу перелетел на предстоящее лето, на ожидание грядущего тепла, на домашние заготовки. Хвастались: кто, когда, какую необыкновенную землянику собирал.

Иван Никольшин. Трудная зима

Софья Леонидовна, похвалив поданное варенье, спросила Елену Петровну, как это она при её нездоровье сумела и ягод в лето набрать, и такое вкусное варенье приготовить?

Елена Петровна с бледным лицом и возбуждённо горящими глазами была в кресле-коляске у стола, и это обстоятельство тоже волновало её. Она держала чашу с чаем близко перед собой, и тонкие, напряжённые пальцы рук её заметно дрожали.

— Это вот она всё, — произнесла, указав глазами на дочь. — Без неё я погибла бы.

Голос её сорвался, она хотела заплакать, но сдержалась.

А сидевшая сбоку медсестра Катя ласково произнесла:

— Ну, что вы: мы этого не допустили бы.

— Дочь у вас — молодчина! — остановила Софья Леонидовна глаза на Зине и неожиданно предложила: а не хотела бы она в сельском стационаре по уходу за больными поработать? Мы бы обеими руками ухватились за столь расторопную, молодую нянечку. Местное хозяйство готово из своего бюджета к зарплате доплачивать... Хотя чего я говорю? — спохватилась она, переводя взгляд на Елену Петровну. — А вас на кого?..

И, виновато улыбнувшись, сразу встала.

— Без неё я пропаду, — упавшим голосом продолжала говорить Елена Петровна, крепко упираясь обеими руками в подлокотники коляски.

— Никуда, мамочка, я от тебя не денусь, — проникновенным голосом произнесла Зина и обняла мать сзади.

Оставшись одни, Зина сразу принялась прибирать со стола, а Елена Петровна отъехала к своей постели.

После гостей в избе установилась тишина, она показалась Елене Петровне такой звенящей, какой только и бывает в летний, жаркий день при обильном, пчелином медосборе.

Эта звенящая тишина густой, воздушной лавой стала ходить вокруг головы Елены Петровны. Почувствовав недомогание, она лихорадочно глядела вокруг и чувствовала, как изба вместе с кроватью тоже куда-то плывёт. Ей вдруг стало легко и как-то даже бесчувственно-свободно: каменная тяжесть, висевшая на ней все эти годы, свалилась с неё; и сама она куда-то мягко провалилась; при этом вначале вскрикнула, словно чего-то испугавшись; потом завывала в голос и взялась плакать непрерывно и навзрыд.

Зина сначала удивилась, затем испугалась её плача, кинулась успокаивать и, утешая, всё приговаривала: «Мам, перестань, да ты что?..»

Иван Никольшин. Трудная зима

Елена Петровна, будто не слышала её, пуще прежнего заливалась слезами.

Зина и целовала её, и обнимала, и гладила, умоляя успокоиться, а мать не утихала.

Обхватив голову руками, она тряслась и качалась; слёзы рекой текли по её залубневшим щекам; губы искривились, подбородок сморщился, искажая лицо.

Зина в отчаянии и сама сморщилась, кривила губы, ничего не понимая и не зная, как ей быть.

Наконец схватила со стола телефонную трубку, выбежала с ней на крыльцо и стала звонить тётё Наде Зацепиной.

Захлёбываясь, ворочая непослушным языком, торопливо об-сказала, что у них сейчас происходит в доме.

— Успокойся, — сразу сказала тётя Надя. — Это от переживаний у неё. Это нервный срыв.

— Какой срыв?! С чего? — кричала Зина.

— А с того... Вы молодые с Шурой, бойкие, а жизни не знаете, вас ещё не клюнул жареный петух. А в жизни всяко бывает... Это сейчас не слышно, а в старину совсем нередко было. От тупости жизни, от её безысходности женщины кликушами становились. По несколько дней плакали, не унимаясь. Святой водой отпавивали, священники молитвой утешали, ладаном окуривали...

Ты, Зина, вот что, — сразу перешла она к делу, и голос её стал совсем тёплым и спокойным. — Ты вначале сама успокойся. Возьми-ка колодезной воды да попробуй попить её, да умой немного.

Шура сейчас у деда Фёдора, как вернётся, я к тебе её пришлю.

Зина забежала в дом, схватила пустое ведёрко, слетала к «Серебряному колодцу», принесла воды, подала матери стакан.

Елена Петровна обеими руками его ухватила. Пьёт, трясётся, лязгая зубами о стекло, вода по подбородку бежит.

Взахлёб выпила с жадностью, затихать стала. Ослабла, глаза от бессилия закрываться начали. Тут и повалилась в сон...

Утром рано проснулась, сразу потянулась к коляске. Зина не стала о вчерашнем спрашивать и мешать ей не стала, лишь посмотрела, как усаживаться будет.

Ничего, сама уселась. Поставила коляску вплотную боком к кровати, опёрлась о костыль, опустила в кресло и покатила по избе.

Зину, исподтишка наблюдавшую эту картину, даже слеза прошибла.

А в голове мелькало: «Какой город? Какой колледж? Куда от мамки?.. И ей куда без меня?..»

Иван Никольшин. Трудная зима

С этими мыслями и взялась за обычные утренние хлопоты.

Пока была на работе, мать самостоятельно на солнечный припёк во двор выехала, сразу же всех подруг и знакомых обзвонила, хвастаясь, какая светлая пора у неё настала! И всё твердила: «Дай бог счастья человеку, придумавшего это чудо-технику! Пусть всегда солнечным будет его небо!»

С этого дня и потекло для Елены Петровны другое время, новыми красками напитанное.

21. Жаворонки прилетели

С первыми признаками весенней распутицы, озадачившись вопросом: не пора ли задуматься о заготовке камыша впрок, дед Фёдор позвонил Стукалиной.

— Все местные камышовые угодья скоро будут затоплены, — пояснил ей. — Возить же со стороны слишком накладно.

— Господи! — изумилась Галина Ивановна. — А мне и не в ум всё это. Вы же у нас как бы главный технолог, всему делу голова! Вот и решайте. Как сами решите, так и поступим.

После телефонного разговора старик сказал Зине с Шурой:

— Всё, девушки, пока плетение корзин отставим. Вооружайтесь секаторами, впрягайтесь в санки, с завтрашнего дня начинаем готовить камыш на пору предстоящего бессезонья.

— А куда возить-то его? — удивились девчата.

Старик обдумал и этот вопрос.

— Придётся — на старый школьный двор. Под бок будущей мастерской, как замышлено. Галина Ивановна вроде бы с Табакуровым уладили этот вопрос: намерена до Пасхи свою мастерскую открыть.

— Ну, что ж, как решили, так и будем делать.

И Зина с Шурой взялись резать камыш. Дорожку к болоту на санках они ещё по крепкому снегу накатали. С приходом тепла дорожный наст помаленьку рушиться начал.

Они, однако, вовремя хватились, успели весь солнечный угол школьного двора камышом завалить. Дед Фёдор сказал: «Пусть на солнышке до кондиций готовой камышовой соломки дозревает. А на болото больше не ходите. Лёд ненадёжен: зыблется, трещит под ногами. Рухнете — греха с вами не оберёшься...»

Тепла столько прибавило, что за какие-то два-три дня с открытых мест весь снег согнало. И сразу ближняя округа по-другому глядеться стала: всё ожило, запело, засвистало, в невероятное движение пришло. На прогретых лугах прошлогодней травой

Иван Никульшин. Трудная зима

запахло, с пахотных рассолодивших полей земляным духом потянуло, по дальним граням марево заиграло.

А вчера с полудня далеко за деревней на полевом возвышении посевная техника городского агрохолдинга станом встала.

Елену Петровну будто подменили. Сегодня утром, вернувшись на коляске со двора, она радостно объявила:

— Всё, дочка, зиме — каюк, весна окончательно пришла: жаворонки загуртычали. Выйди-ка да послушай, какие трели они над проталиной за двором рассыпают! Так и вьются, трепеща крыльями, так и журчат сверху, будто родник небесный живой водой звенит. И такая благодать повсюду — даже сердце заходится от радости! За общественным колодцем вода по оврагу шумит, видимо, последняя, из лесополосы полевого склона уходит...

Умиление умилением, но при всей благодати Елена Петровна про обычную крестьянскую работу не забывает, сразу на неё переходит.

— Скоро за огороды браться, говорит дочери, — грядки возделывать зачнём.

И глаза её тёплым светом небесной радости изливаются.

Как и большинство деревенских женщин, она хорошо усвоила вековую заповедь своих дедов: «Умирай, а рожь сей!..» И дочке своей эту вековую заповедь всякий раз внушает. А Зина и без того всё давно это поняла. Да и как не понять, когда сама земля вокруг духом этой крестьянской заповеди напитана?..

И теми же днями, будто для весеннего смущения местных обитателей, на деревню слетела такая новость, что всё другое на время затмила: Шурин папа, Павел Сергеевич, весточкой с Чукотки себя объявил!

По-разному была встречена эта весть. Кто хорошо знал и помнил молодого Пашу Зацепина, те посчитали, что это он очередной фортель выкинул. Ничего другого не стоило и ждать от этого, дескать, баламута. Ему лишь бы воду помутить, да прошуметь-прозвенеть о себе. Что в парнях-де был — оторви да брось, что теперь — таким же ветром подбитый, тем же солнцем высушенный...

Но были доводы и суждения иного свойства: перевод-то на солидную сумму — это не пустой свист!..

Хотя и над этим кое-кто посмеялся: мол, наш Павел Сергеевич, видимо, много золота намыл в тамошних горах.

С присланными деньгами получалось такое дело: они предназначались на приданое дочери. А ещё из короткого сообщения

Иван Никольшин. Трудная зима

явствовало, что про елховскую жизнь Павлу Сергеевичу всё известно: Оля Петелина его известила.

Вот тут и обрушился на Ольгу самый высокий накал женского возмущения: «Ах, тихоня! Ах, змея подколодная! А сказала, что с Алишером уехала. А у неё вон какой Алишер!.. Это что же, в тайной связи она с Павлом Сергеевичем?..»

Здесь и стали припоминать, что эта Оленька на Павла Сергеевича ещё сопливой девчонкой загадывалась. И будто уже тогда она говорила: «Как вырасту большой, так за дядю Пашу замуж пойду».

Все смеялись тогда, а зря: видимо, запал чем-то Оленьке в душу этот ветренный удалец. И переписку, видимо, с ним имела лукавая письмоносица...

Боялись за Надежду Захаровну, как бы этот случай окончательно её не свалил. Но она мужественно перенесла тяжкий удар. Крепко зажмурилась, хотела заплакать, но лишь махнула рукой: «Что Бог ни сделает, всё к лучшему. Я давно от Павла отрешилась. Вся моя любовь сухим огнём перегорела во мне... А Оле дай Бог счастья! Она хороший человек и любить долго умеет».

Сказала так и сразу отвернулась, чтобы никого не смущать своей милостивой скорбью.

Зина сильно переживала за подругу, но Шура тоже оказалась не слабой духом. Взяла у ореховской почтальонки открытку и вывела ровным старательным почерком: «Уважаемый Павел Сергеевич, вы больше к нам не пишите. Я выросла и вас совсем не знаю. Деньги, что вы мне прислали, я истрачу на мамино здоровье». Подумала и приписала: «Неизвестная вам дочь Шура». Выйдя в палисадник, встала под липой, когда-то в честь её рождения посаженной отцом, и молча поплакала...

Все эти события взволновали Зину. «Вот ведь как бывает, — задумалась она. — Хорошо, что у нас с мамой нет ничего такого...»

И как-то утром воскресного дня сходила на могилку отца, уже освободившуюся от снега, но всё ещё сырую и холодную. Постояла под тёплым солнцем, светившем ей в лицо, платочком протёрла потускневший отцовский портрет на надгробии и поцеловала его холодную гладь.

Потом встретилась с Шурой и похвалила её: «Какая ты все-таки молодец! Приняла всё так, как будто у вас ничего не произошло».

А Шура ответила: «Я ведь его только по фотографии помню. Красивый из себя. Смотрит так, как будто кого-то обжечь глазами хочет...»

Иван Никольшин. Трудная зима

Дед Фёдор по-стариковски неопределённо встретил эту доле-тевшую до него весть; задумчиво потрогал мочку уха, глубоко вздохнул и сердито произнёс: «Что-то душно у нас нынче».

Толкнул дверь и вышел на вольный воздух, но тут же вернулся со словами: «Ворон прилетел, покормить надо».

Собрал приготовленные кости, опять вышел и, пока взъеро-шенный ворон торопливо хватал кучно брошенные ему кости, уныло стоял, прислонившись к дубовой балясине крыльца. Наверное, о своей Фросе думал.

Дома Зина поговорила с матерью об этом тронувшем всех событии.

Выслушав дочь, Елена Петровна подняла глаза и печально произнесла: «Это всё любовь, дочка. Все жилы вытянула из Нади».

— Как это? — не поняла Зина.

— А так! — сердито бросила мать. — Можно сразу хлопнуться, как наш отец. Я пережила, переболела, на том и успокоилась. А можно всю жизнь жилы тянуть из человека...

И сердито отвернулась. Зина поняла, это она о дяде Паше так сказала.

Ещё день-два потолковали об этом событии, посудили, порядили, да и в сторону отставили: чередой новых дел подступила к порогу.

В конце той же недели за деревней полевые работы начались, трактора натуженно запели-загудели, возле палаток две женщины замелькали, походная кухня с утра до вечера задымила.

Зина с Шурой и дедом Фёдором с крыльца его дома наблюдали эту картину.

Фёдор Лукич из-под ладони смотрел, смотрел на могучие орудия сельскохозяйственного производства, да и сказал, победно глядя на девок:

— А я о чём вам говорил?! И зачем им деревня нужна? Приехали, раскинули палатки, в неделю отсеются, опять махнут домой под крыло городской цивилизации. И в уборочную так же, приедет их агроном, посмотрит посевы — молотить пора. Так же в неделю смахнут хлеба, увезут зерно — и никаких тебе заморочек с затратами на сельское, бытовое обустройство.

«А ведь прав дед», — решила Зина, и ей отчего-то стало печально.

Она постояла, подумала, глубоко вздохнула, взяла Шуру под руку и повела в дом корзины вязать.

22. Помочи

О деде Фёдоре ореховская врачиха Софья Леонидовна как-то говорила: «Удивительный старик! Войной покалечен, а не теряет ни сил, ни присутствия духа. Он ведь недавно вот что мне сказал. «Я, — говорит, — чувю, как жизнь во мне замирает. Как силы вытекают, словно из затухающего родника». — «И как же, — спрашиваю, — они вытекают?» — «А тихой струйкой». Вот ведь чего выдумал мудрёный старик. Такого сказать о себе может лишь человек могучей внутренней силы. Смерть всех пугает, а он её не страшится. Видимо, решил, что исполнил всё самое важное для себя, что должен был исполнить».

— А вы бы замуж за него пошли? — вдруг ляпнула ни с чего Зина, и все засмеялись.

Засмеялась и Софья Леонидовна, затем сказала:

— Замужество, моя милая девочка, это по вашей молодой части. В твоём возрасте все думают о замужестве. А в моём — о вечности думы.

Все притихли и молчали. Молчала и Зина, от неловкости не зная, куда глаза девать. С чего выдумала?..

Шура потом её уколола, когда остались одни:

— Ну, что, «сваха», выдала замуж Софью Леонидовну?

И обе рассмеялись...

С приходом большого тепла всё нетерпеливей стали ожидания открытия самой мастерской. Зина ждала этого события с мыслью увидеть Игоря. Но у Галины Ивановны, наверное, с оформлением бумаг что-то не клеилось: от неё всю эту неделю не было никаких распоряжений.

Ожидание решений об открытии мастерской и деда Фёдора томило. И он в один из солнечных дней, ничего не говоря, решительно достал вывеску из ящика комода, прихватил сумку с инструментом и отправился к зданию бывшей школы.

Зина с Шурой не видели, как он прилаживал вывеску, но потом сходили посмотреть, что из этого вышло. Постояли, полюбовались на её рубиновый цвет, вспомнили, как сами ещё недавно обретались в стенах этого здания, обе расчувствовались: до чего быстро летит время! Это когда ждёшь чего-то, каждая минута кажется бесконечно долгой, а с оглядкой на прошлое время выглядит так, будто оно и было — одно мгновенье.

С вывеской, пристроенной на самом видном месте, справа от крыльца, Зине показалось, что и само пустующее здание, срубленное когда-то из соснового свежего долготья, а теперь по-

Иван Никульшин. Трудная зима

черневшее, с унылыми мутными окнами, с серой двускатной крышей, похожей на опущенные крылья большой заболевшей птицы, как-то преобразилось и даже как бы посвежело.

Они с Шурой, пригретые солнцем, посидели на ступеньке крылечка, повспоминали себя бесконечно беззаботными в ту пору, как играли с ребятами в лапту на первой весенней лужайке; как шумно вели себя; и как много их было тогда. Куда теперь все подевались, по каким концам большой страны расточились, разъехались, разлетелись?..

Обеим казалось, что наступил конец не только отшумевшей метелями зимы, но и конец всему их прошлому, что жизнь поворачивается к ним своими новыми крылатыми лопастями. И они чувствуют её могучий наплыв.

А в пятничный день свершилось то, о чём думали, чего давно ожидали, — открытие артельной мастерской.

Накануне, в конце рабочего дня, когда они с Шурой свои рабочие места за собой прибирали, будто почуяв их нетерпение, Галина Ивановна позвонила и попросила деда Фёдора с утра баню протопить: потребуется много воды горячей для помывки и уборки помещения.

— Будем мастерскую обустраивать, — сказала в трубку. — Сегодня договор подписали...

Дед Фёдор девушек сразу об этом известил. Они подумались, конечно, дважды крикнули: «Ура!»

У Зины сердце трепыхнулось: завтра Игоря увидит!

Ночь спала плохо, сосала мысль: приедет ли, и какой встреча будет? Не забыл ли зимние свидания?..

Елена Петровна тоже не спала, лежала, не закрывая глаз, прислушиваясь к беспокойному сопению дочери.

У неё были и свои переживания. Сегодня она совершила первую большую прогулку на коляске, выезжала на просохший участок уличной дороги, местами с рытвинами и выбитым асфальтом. Вышла езда с препятствиями — это даже хорошо для практики.

Теперь думала о том, что надо бы деда Фёдора навестить: сухой тропкой доехать до его дома. А там и до Надиного двора — рукой подать.

А ещё, думала, завтрашних ореховских гостей удивить встречей на коляске...

С этими мыслями и уснула. Глаза снова подняла, когда Зина уже собранной из дома уходила. Удивилась: вот какая заботница — раньше матери поднялась...

Иван Никольшин. Трудная зима

Стукалины приехали, когда уже солнышко хорошо пригрело, уличные лужи закурились лёгкими испарениями.

Галина Ивановна вышла из машины первой и сразу хозяйски кинула глаза на школу. Вслед за ней легко вынырнул Игорь в расстёгнутой ветровке. «Он, кажется, ещё подросток!» — молча восхитилась Зина и дёрнулась было навстречу, но быстро остудила себя, подождала, когда сам подойдёт.

Он, раскачиваясь, как всякий гибкий в талии человек, неторопливо подошёл, слегка наклонившись, подал ей сразу обе руки. Она широко улыбнулась и радостно держала в его руках свои маленькие горячие руки.

Отец Игоря, Алексей Михайлович, высокий, коротко постриженный, с гладким приятным лицом, доставая из багажника машины сумки с инструментом, сухо заметил:

— Ну, вы, молодёжь, потом будете любезничать: давайте делом заниматься.

Зина покраснела, словно на каком-то мелком воровстве её поймали. Она быстро убрала свои руки и отошла от Игоря.

Дед Фёдор, стоявший поблизости, искоса скользнул взглядом по ладной фигуре Алексея Михайловича и с усмешкой упрекнул:

— Будто сами не были такими, не дадут молодёжи встречей насладиться.

— Он забыл, как часами томился под моими окнами, — лукаво поглядывая на мужа, тут же заметила Галина Ивановна.

— Это он сам с усам... — засмеялся Игорь.

Алексей Михайлович, скрывая смущения, нагнулся, в сумках стал возиться.

В это время подъехал и ореховский глава Табакуров с ключами от школы. Сухой, костлявый, в мятом пиджаке, в кепке с куцым козырьком, он походил на человека, приехавшего порыбачить.

Зина помнила его другим на школьной, торжественной линейке — в строгом, чёрном костюме, в белой рубаше с галстуком.

Тут же на малом грузовичке с крытым кузовом прибыли старики-надомники во главе с бородатым Плещеевым.

Мужики, собравшись кучкой, отдельной от Галины Ивановны с Зиной и Шурой, поздоровались, стали толчись и болтать между собой.

Алексей Михайлович стрельнул глазами на вывеску, вопрошающе посмотрел на жену и произнёс:

Иван Никульшин. Трудная зима

— Ну, что, приступили?

— Погоди торопиться-то! — остановил его бородач Плещеев, оправляя и оглаживая на себе свой монашеский балахон с вышитым крестом на его накладном нагрудном кармане. — Дай мужикам одуматься.

Табакуров усмехнулся, глядя на Плещеева, и заговорил, по-мужицки лукаво прищулив один глаз:

— А ведь это, Андрей Григорьевич, хорошо, что ярых либералов в нашем кругу нет, не то, глядя на твой наряд, они звон подняли бы на всю вселенную. Ореховские мракобесы-де свой великий почин устроили, в разорённой ими деревне черносотенное гнёздышко задумали свить. И молодёжь взяли себе под крыло. Плещеев у них там главным закопёрщиком. У него и наряд соответствующий...

Все засмеялись. Плещеев оглядел себя сверху вниз и удивился:

— А что, наряд как наряд: практично и удобно.

Ореховских тоже не смутило его облачение: человек при храме состоит — у него и форма должна быть соответствующей.

Фёдора Лукича одяние Плещеева не только не смутило, у него нашлось, что сказать по этому поводу. Он разгрёб костылём прошлогодние листья с тополя у себя в ногах и заговорил, глядя на Табакурова:

— Нашим либералам лишь бы повод был, всё своё оплюют и охают, только бы Европе понравиться. Отечественные традиции им чужды. Они не знают того, что у нас всякое неподъёмное для одного человека дело всем сельским миром поднимают: мост ли ставить, дорогу мостить, речку гатить, избу кому-то рубить — всё сообща ладилось. Мужики за топоры брались, женщины угощение готовили. И называлось это народное мероприятие простым русским словом — «помочи».

— Эх ты! — хватилась Галина Ивановна. — А с угощением-то я промахнулась. Это мой недогляд. Но можно всё исправить, — засуетилась она, лазая рукой в кармане своей ветровки. — По мобильнику в ореховском кафе обеденный стол закажу, — и взялась за трубку.

— Ты погоди дёргаться-то, — остановил её Плещеев.

И остальные зашумели:

— Не колготись! Без стола обойдёмся. Молодёжи не с руки ехать с нами в Орехово. Вот наступит настоящее тепло, прогреет наши старые кости, по первой травке на зелёной лужайке и накроет стол.

Иван Никольшин. Трудная зима

Молодёжь, стоя своим отдельным кружком, слушала и улыбалась. Они знали старый, мужичий порядок: если собралось для какого-то общего дела больше трёх мужиков, прежде, чем приступить к нему, они для начала поманежатся, позабавят себя пустым балагурством, посмеются друг над дружкой без всякой причины и зла.

И сегодняшний случай не стал для них исключением. Сойдась в кучу, загудели, заговорили, кто во что горазд.

Не забыли помянуть Специальную военную операцию. Как забудешь, когда все о ней говорят?

В завязавшийся живой разговор вкдюнулись и два ореховских старика, прежде незнакомых Зине. Один из них — дед Илья, кряжистый, в стёганой безрукавке, с круглым, свёкольно-красным лицом. Он когда-то лепил глиняные игрушки для заготовительной кооперации; у него, по разговорам, и ныне печь для обжига будто бы цела.

Второго дедка звали Василием: он моложав, как и его напарник, расторопен, только часто кашляет, и смех у него с грудным посвистом — от курева, должно.

Василий и навёл разговор на украинцев.

— Не знаю, — сказал, прокашлявшись, — может, я — тоже украинец. Только они там, за Днестром, говорят, что мы чужие им, что они державно, самостийно всегда развивались.

Табакуров, собравшийся уезжать, остановился, посмотрел на Василия, улыбнулся и сказал:

— Пусть себе парят мозги. Их самостийность — всего лишь солома, надёрганная из одного с нами стога.

А дед Фёдор вытянул шею и заметил:

— Государства, оторванные от родимых корней, долго не живут.

И добавил, иронично поглядывая на мужиков:

— Начальство уехало, пора и поработать.

И первым взялся за сумку с инструментом.

Ореховские старички тоже потянулись к своему грузовичку, начали разгружать тёс, офисное оборудование; вытащили из кузова фанерную кабину с окошечком для будущего кассового обслуживания, столярный и плотницкий инструмент — ничего не забыла с ними предусмотрительная Галина Ивановна.

Алексей Михайлович всё время мочал, слушал и думал, а теперь остроганные доски понёс в помещение.

Зина от тётки Гали знает, что отец Игоря неразговорчив: тётка Галя в шутку говорит о нём: «Мой малахольный».

Иван Никульшин. Трудная зима

«Игорь не в отца: вертлявый болтун», — думает о нём Зина. И хорошо, что не молчун: она тоже не любит молчать.

Ей сегодня так хорошо, что даже петь хочется. И день сегодня хороший. До самой сини горизонта марево радужно играет над чернью вспаханных полей.

И мать на коляске по улице катается. А главное — Игорь приехал. Шура вон опечалена: её Виталик не приехал.

За работу взялись дружно: мужчины ухватились за плотнические и слесарные инструменты; женщины вооружались щётками, вёдрами, малярными кистями.

К тому времени и горячую воду привезли в молочных флягах из деда-Фёдоровой бани.

Помывку, побелку, подкраску начали со стен, окон и дверей. Зина с Шурой, самые молодые и самые проворные артельщицы, влезли на подоконники двух больших, квадратных окон и начали их чистку. Игорь был у них на подхвате: менял воду, выносил мусор.

Фёдор Лукич с Алексеем Михайловичем занимались дверями: врезали замки, меняли навесные петли. Затем перешли к электропроводке.

Комната хотя большая, Зина помнила, в ней всегда торжественные мероприятия проводили, но всё равно она оказалась тесноватой для шестерых мужиков: они брались то за одну, то за другую работу, колготаясь и мешая друг другу. И Галина Ивановна, видя бестолковость в деле, ореховских надомников проводила к их дворам.

— И правда, мы тут лишние, — согласился Плещеев, и они уехали.

В помещении сразу стало просторнее и даже как бы светлее.

Зина догадывалась: за их с Шурой работой смотрят не столько Игорь с отцом, сколько сама Галина Ивановна, желая знать, которая из возможных будущих снох ловчее в деле.

Работали они с Шурой обе старательно, но и Игоря на минуту Зина не теряла из виду. И он на неё смотрел, как ей думалось, замороженно.

Время от времени они Игорем перекидывались взглядами, и выражали они одно:

«Я по тебя соскучился».

«Чего так долго не ехал?»

«Математику долбил, ЕГЭ скоро...»

«Понятно, училка у вас, знаю, зануда?..»

Иван Никольшин. Трудная зима

«Ещё какая!..»

Шура их воркующие разговоры слушала с безумным, конечно, интересом, но делала вид, что ничего не слышит, ничего не замечает и занята исключительно чисткой окна.

Когда вымыли полы, давая им время просохнуть, дружной гурьбой вышли на скрипучее, уныло-тесное крыльцо; кучей встали, чтобы осмотреться.

Зина вспомнила: когда учились в этой школе, она тоже со своими сверстниками на переменах, ловя глазами солнце, выбегала на это утлое крылечко, представляющееся тогда им, бесконечно восторженным малышкам, чем-то вроде капитанского мостика громадного корабля, уходящего в необъятность великих, земных просторов. И теперь, прислушиваясь к звону всё ещё сбегаящей по оврагу поллой воды, она как бы заново переживала то далёкое своё состояние.

И все они тут сейчас что-то новое для себя переживали.

Фёдор Лукич, повесив костыль себе на руку, согнутую в локте, надвинув на лоб солдатскую панаму афганских времён, был суров и задумчив. И Зинину воображению, напитанному событиями пролетевшей зимы, он представился отважным ратником, поставленным на защиту последнего рубежа земли русской.

Напряжённое лицо старика, морщины его, охваченные солнечным светом, седые, взлохмаченные брови — лишь усиливали игру её воображения.

Стоя рядом с Игорем, она касалась щекой его плеча, чувяла родное тепло близкого ей человека и чувствовала, как радостно трепещет её сердце.

Скосив глаз, она увидела, как из мшистого паза стены, очнувшись от долгой спячки, вылезла перезимовавшая яркая бабочка. Вспорхнув, она очумело закружилась, запорхала в воздухе и полетела навстречу солнцу. И Зина подумала: всё живое тянется к теплу и свету.

Ей было радостно ещё оттого, что вдалеке улицы, выбирая, где сухо, мать катила на коляске, чтобы посмотреть на их работу.